

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор,
Председатель Следственного комитета РФ (г. Москва)

Члены редакционного совета:

А. Герлох, профессор Карлова университета в Праге (Чехия);

Л. Гоцянь, профессор Китайского университета политических наук
и права (Китай);

И.А. Алебастрова, доктор юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой конституционного и международного права ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

В.А. Гуреев, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процесса и организации службы
судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Н.Г. Иванов, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Л. Казертано, профессор частного права Университета INSUBRIA (Италия);

Ю.А. Свириин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
гражданского процесса и организации службы судебных приставов
ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

И.М. Колосова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Морозов, доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой информационного права, информатики и математики ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

В.В. Оксамытный, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ИМПЭ им. А.С. Грибоедова (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного и муниципального права
СГЮА (г. Саратов);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и криминологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат
юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России)
Б.В. Яцеленко (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России)
Е.В. Фоменко (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Т.А. Батрова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридический наук, доцент (г. Москва);

А.В. Безруков, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Е.Г. Беликов, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Д.Х. Валеев, доктор юридических наук, профессор (г. Казань);

О.Н. Волкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.С. Галиев, кандидат юридических наук, доцент (г. Барнаул);

А.В. Денисова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор (г. Москва);

К.Д. Крылов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.В. Кулыгин, доктор юридических наук, профессор (г. Хабаровск);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Рязань);

А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.В. Малеванова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.Г. Нурмагамбетов, кандидат юридических наук, доктор философии
по праву PhD, доцент (ассоциированный профессор) (г. Челябинск);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.Е. Чаннов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.Ю. Чупрова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2021

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной
правовой системы «КонсультантПлюс».

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastrykin, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

A. Gerloch, Professor at Charles University in Prague (Czech Republic);

L. Guoqiang, Professor at China University of Political Science and Law (China);

V.A. Gureev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

N.G. Ivanov, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice (Moscow);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

L. Kazertano, Professor of Private Law at University INSUBRIA (Italy);

Yu.A. Svirin, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

I.M. Kolosova, PhD in Law, Head of the Department of Criminal Procedural Law and Criminalistics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

E.B. Kozlova, Doctor of Law, of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Morozov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

V.V. Oksamytny, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboedov (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy (Saratov);

I.A. Alebastrova, Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and International Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University. (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice **B.V. Yatselenko** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Leading Researcher at the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice **E.V. Fomenko** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

T.A. Batrova, Doctor of Law (Moscow);

E.G. Belikov, Doctor of Law (Saratov);

A.V. Bezrukov, Doctor of Law (Krasnoyarsk);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

S.E. Channov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

A.Yu. Chuprova, Doctor of Law, Professor (Moscow)

A.V. Denisova, Doctor of Law (Moscow);

R.S. Galiev, PhD in Law (Barnaul);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.M. Kazachkova, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow);

K.D. Krylov, Doctor of Law (Moscow);

V.V. Kulygin, Doctor of Law, Professor (Khabarovsk);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Ryazan);

A.N. Lyovushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.V. Malevanova, PhD in Law (Moscow);

R.G. Nurmagambetov, PhD in Law (Chelyabinsk);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Kazan);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

D.Kh. Valeev, Doctor of Law, Professor (Kazan);

O.N. Volkova, PhD in Law (Moscow)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям и соответствующей им отрасли науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки), 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки), 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения (юридические науки), 12.00.06 –

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (юридические науки), 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки), 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право (юридические науки), 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки), 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки), 12.00.12 – Криминология; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки), 12.00.13 – Информационное право (юридические науки), 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки), 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Репьев А. Г.

«Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование с содержательных и технико-юридических позиций)7

Свирин Ю. А.

Электронное правосудие: теоретико-правовые проблемы 16

Скрябин И. В.

Власть, закон и правовой обычай в развитии земледельческого отхода крестьян в пореформенной России (по материалам Тульской губернии) 21

Блашкова Л. Л.

Достижения и недостатки техники формулирования дефиниций «коррупция» и «коррупционное преступление» в источниках современного международного права 28

Лукашевич Д. А.

Ликвидация народнохозяйственного планирования в СССР в период перестройки 34

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Коваленко В. И.

Состояние и тенденции сексуальной эксплуатации женщин и детей в условиях пандемии 44

Бимбинов А. А.

Правовые возможности примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление 51

Борсученко С. А.

Правовой статус смертной казни в Республике Беларусь 57

Торбин Ю. Г.

Инновационные подходы, используемые следователем на предварительном следствии, как форма проявления его процессуальной самостоятельности 64

Перетяцько Н. М.

К вопросу о законодательной регламентации процедуры обжалования и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве, вступивших в законную силу 71

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Ишеков К. А., Шатунов Е. А.

Особенности нормативного правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли 78

Оленев-Сигачев Ю. А.

Правовое регулирование отношений пользователей и операторов игорных заведений, размещенных в сети Интернет, в России и зарубежных странах 84

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Малько А. В., Давыдов П. А., Щербакова Л. Г.

Электронное правосудие как средство усиления независимости судебной власти 90

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Азаров М. С., Махашевич Д. В.

Отечественное программное обеспечение как фактор цифрового суверенитета Российской Федерации 96

Хаперская К. С.

Содержание объективной стороны состава преступления «порча земли» и проблемы толкования ее признаков 103

Черепанова Д. К., Козлова Е. Б.

Прощение долга как основание прекращения обязательства: проблемы доктрины, законодательства и правоприменительной практики (часть I) 109

Пыхтин И. Г.

Логико-языковые феномены предмета неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру России (ст. 274¹ УК РФ) 118

Быков С. А., Маторина Ю. Н.

К вопросу о предмете взяточничества: старые проблемы и новые решения 125

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Бабенко В. Н., Аверин М. Б.

Рецензия на сборник документов «Драма отечественного политического сыска: кадровые служащие, секретные агенты, архивы политической полиции Российской империи и внутренняя политика Советского государства» (в 3 ч. / авт.-сост. В. В. Романов, Г. В. Романова. Ульяновск: УлГУ, 2018–2019) 130

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Artem G. Repev

“Priority” and “Parity” as Paired Legal Categories
(Doctrinal Interpretation from Substantive
and Technical-Legal Positions)7

Yury A. Svirin

Electronic Justice:
Theoretical and Legal Problems 16

Igor V. Skryabin

Power, Law and Legal Custom in the Development
of Agricultural Waste of Peasants in Post-Reform
Russia (According to the Materials
of the Tula Province) 21

Liudmila L. Blashkova

Achievements and Shortcomings of the Technique
of Formulating the Definitions of “Corruption”
and “Corruption Crime” in the Sources
of Modern International Law 29

Dmitry A. Lukashevich

Liquidation of National Economic Planning
in the USSR During Perestroika 34

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Vera I. Kovalenko

Analysis and Trends of Sexual Exploitation
of Women and Children in the Context
of the Pandemic 44

Arseny A. Bimbinov

Legal Possibilities of Reconciliation
with a Person Who Has Committed
a Sexual Crime 51

Svetlana A. Borsuchenko

The Legal Status of the Death Penalty
in the Republic of Belarus 57

Yury G. Torbin

Innovative Approaches Used by the Investigator
at the Preliminary Investigation as a Form
of Manifestation of His Procedural
Independence 64

Natalia M. Peretyatko

On the Legislative Regulation of the Procedure
for Appealing and Reviewing Judicial Decisions
in Criminal Proceedings That Have Entered
into Legal Force 71

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Konstantin A. Ishekov, Evgeny A. Shatunov

Features of Legal Regulation
of Business Activities in Foreign Trade 78

Yury A. Olenev-Sigachev

Legal Regulation of Relations Between Users
and Operators of Gambling Establishments
Located on the Internet in Russia
and Foreign Countries 84

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Alexander V. Malko, Pyotr A. Davydov, Lilia G. Shcherbakova

Digital Justice as a Means of Reinforcing
Independence of Judicial Power 91

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Mikhail S. Azarov, Deniz V. Makhachevich

Domestic Software as a Factor of the Digital
Sovereignty of the Russian Federation 96

Kristina S. Khaperskaya

Content of the Objective Side of the *Corpus Delicti*
“Damage to the Earth” and Problems
of Interpretation of Its Signs 103

Diana K. Cherepanova, Elena B. Kozlova

Debt Forgiveness as a Ground for Termination of Obligation: Problems of Doctrine, Legislation and Law Enforcement Practice (Part I) 109

Ivan G. Pykhtin

Logic-Language Phenomena of the Subject of Incorrect Impact on the Critical Infrastructure of Russia (Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) 119

Sergey A. Bykov, Yulia N. Matorina

On the Subject of Bribery: Old Problems and New Solutions 125

REVIEWS, PERSONALITIES

Vasily N. Babenko, Mikhail B. Averin

Review of the Collection of Documents “The Drama of Domestic Political Investigation: Personnel Officers, Secret Agents, Archives of the Political Police of the Russian Empire and the Internal Policy of the Soviet State” (in 3 parts; author-comp. V. V. Romanov, G. V. Romanova. Ulyanovsk: UISU, 2018–2019) 130

«ПРИОРИТЕТ» И «ПАРИТЕТ» КАК ПАРНЫЕ ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ (ДОКТРИНАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ С СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-7-15>

Актуальность анализируемой темы состоит в том, что с учетом популяризации в выступлениях главы государства, тиражирования нормативными правовыми актами термина «приоритет» проводится его толкование с позиции доктринального восприятия и технико-юридического употребления. Предметом исследования выступают наиболее общие закономерности формирования, дополнения и развития категорий «приоритет» и «паритет», дефинитивные, сущностные и содержательные аспекты, концепции восприятия доктриной, законодательством и правоприменительной практикой, соотношение со смежными правовыми категориями («правовое преимущество», «юридическое равенство»), проблемы механизма технико-юридического закрепления. Цель исследования состоит в попытке формирования теоретической модели и технико-юридической конструкции институтов приоритета и паритета путем углубления имеющихся и получения новых научных знаний об объективных детерминантах их существования и влияния на государственно-правовое развитие. На основе использования многообразия средств научного познания, генеральным из которых выступил диалектический метод, а также формально-юридический подход, анализа норм законодательства, судебной и иной правоприменительной практики аргументируется тезис о наличии признаков парности категорий «приоритет» и «паритет», характеризующихся элементами единства, различия, взаимодействия и существующими противоречиями. В результате делается вывод о сущности правового приоритета, выступающего формой преимущественного права субъекта, проводится корреляция между конструкциями «правовое преимущество», «преимущественное право» и «исключительное право», характеризующимися в научных трудах смешением ввиду схожей формы, но, что было доказано, имеющими различное содержание.

РЕПЬЕВ

Артем Григорьевич

доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
государственно-правовых
дисциплин Академии управления
МВД России (г. Москва)

repev-artem@yandex.ru

**Приоритет;
паритет;
правовое преимущество;
преимущественное право;
исключительное право**

Artem G. REPEV

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Professor, Department
of State Legal Disciplines, Academy
of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (Moscow)

repev-artem@yandex.ru

**Priority;
parity;
legal advantage;
priority right;
exclusive right**

“PRIORITY” AND “PARITY” AS PAIRED LEGAL CATEGORIES (DOCTRINAL INTERPRETATION FROM SUBSTANTIVE AND TECHNICAL-LEGAL POSITIONS)

The relevance of the topic under analysis is that, taking into account the popularization in the statements of the head of state, the replication of the term “priority” by normative legal acts, its interpretation is carried out from the point of view of doctrinal perception and technical and legal use. The subject of the study are the most general patterns of the formation, addition and development of the categories of “priority” and “parity”, definitive, essential and substantive aspects, concepts of perception by doctrine, legislation and law enforcement practice, the relationship with related legal categories (legal advantage, legal equality), problems of the mechanism of technical and legal consolidation. The aim of the study is to attempt to form a theoretical model and a technical and legal design of institutions of priority and parity, by deepening the existing and obtaining new

scientific knowledge about the objective determinants of their existence and the influence on state and legal development. On the basis of the use of a variety of means of scientific knowledge, the general of which was the dialectical method, as well as the formal legal approach, the analysis of legislation, judicial and other law enforcement practice, the thesis is argued that there are signs of parity of the categories "priority" and "parity", characterized by elements of unity, difference, interaction and existing contradictions. As a result, it is concluded that the essence of the legal priority, acting as a form of the priority right of the subject, a correlation is made between the constructions of "legal advantage", "priority right" and "exclusive right", characterized in scientific works by mixing due to a similar form, but which has been proved to have different content.

За последние годы мы привыкли к тому, что вектор развития нашей страны, ключевые направления внутренней и внешней политики определяет Президент РФ. Одним из наиболее эффективных конституционно-правовых механизмов донесения воли главы государства до аппарата власти, всех членов общества является институт ежегодных посланий Федеральному Собранию РФ.

Ознакомление с выступлением главы государства от 15 января 2020 г. с позиции установления основных современных тенденций государственно-правового строительства позволило обратить внимание на следующую особенность. Рефреном во всем докладе звучит термин «приоритет». В частности, Президент РФ впервые определил высший национальный приоритет – «сбережение и приумножение народа России», обозначил приоритетный порядок формирования бюджетных мест в образовательных организациях регионов России, комплектования первичного кадрового звена системы здравоохранения и пр. [1] Не менее семи раз прозвучало данное слово из уст «первого лица» страны в различных вариациях.

С точки зрения того, что послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ имеет не только важное политическое, идеологическое, просветительское значение для жителей страны, но и непременно нормативно-правовое (как известно, во исполнение его положений разрабатывается система законодательных мер реализации намеченных планов), попробуем несколько глубже вникнуть в содержание обозначенного слова. Сказанное актуально еще и в связи с тем, что научные исследования относительно сущностной и регулятивной составляющей феномена «приоритет» фактически отсутствуют.

Начать полагаем с того, что термин «приоритет» обладает весьма яркой лексической полисемией. Это относится к его свойствам и в русском обиходном языке, и в юридическом. Этимологически, будучи образованным от немецкого *Priorität*, сегодня данное слово имеет сразу несколько ключевых значений, используемых в одинаковой степени:

во-первых, первенство в чем-либо (в научном открытии, исследовании);

во-вторых, преобладающее, первоочередное, главенствующее значение (например, российской правовой нормы над международной) [2, с. 985].

В представленных значениях указанное слово выступает еще и синонимом латинского термина *primatus* (т.е. первое место, старшинство) [3, с. 3556], сегодня получившему русскую адаптацию – примат. Этот компонент был ассимилирован отечественным языком и в наши дни применяется как составное наименование или композит, например для обозначения ведущей артистки танцевальной группы (прима-балерина) или первого экземпляра переводного векселя (прима-вексель) [4, с. 162].

В свою очередь законодатель, многократно употребляя термин «приоритет», фактически не предлагает его легальной дефиниции. Исключением, пожалуй, выступают лишь положения Правил дорожного движения, где данное слово представлено синонимичным слову «преимущество» в значении права «на первоочередное движение в намеченном направлении по отношению к другим участникам движения» [5].

Вторят этому и некоторые ученые. Так, В. Н. Герасимов в своем исследовании предлагал заменить в нормах Семейного кодекса РФ термин «приоритет», подразумевающий «преобладание семейного воспитания над общественным, на термин «преимущество», отражающий достоинства первичной социализации малолетнего в семейных условиях» [6, с. 9].

«Правовое преимущество», как нами указывалось ранее, выступает самостоятельной, комплексной правовой категорией и представляет собой правомерную возможность субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне, выражающуюся как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным обязанностям, запретам и ограничениям [7, с. 16].

Отождествление, а тем более взаимозаменяемость приоритета и преимущества неверны ни в лексическом плане, ни в содержательном. Послед-

нее – категория более широкая, включающая в себя первый. Однако, поскольку в подзаконном нормативно-правовом акте, а также отдельных научных исследованиях данный факт присутствует, это подталкивает нас не только к установлению их соотношения с позиции единичного, общего и особенного, но и к сопоставлению приоритета с лексическим антитепом, направленным на выравнивание, нивелирование различий. Речь идет о термине «паритет». Он восходит своими корнями к латинскому слову *paritas* и буквально толкуется как равенство. В условиях развития современных, в том числе рыночных, отношений данное слово применяется также для обозначения соотношения чего-либо, например валют разных стран в золоте [2, с. 782].

Попробуем остановиться на соотношении категорий «приоритет» и «паритет» с позиции юридической доктрины, законодательства и правоприменительной практики, установив элементы их единства, различия, взаимодействия и существующие противоречия.

Единство категорий заключается, во-первых, во взаимном, парном воздействии на общественные отношения за счет регулятивной связки «разделить – объединить». Тезис строится на редком, но все же присутствующем, в частности, в дореволюционной литературе значении данных терминов. Так, «паритет» применялся не только в понимании «уравновесить», но и как синоним слова «соединить», «собрать воедино», например в словосочетании «паритетные церкви», означавшем объединение церковью «различных религиозных партий» [8, с. 487]. В современном финансовом тезаурусе рассматриваемый термин используется в словосочетании «кросс-паритет», что означает взаимный курс двух валют стран – членов Европейской валютной системы [4, с. 115]. Приоритет, в свою очередь, в качестве правового инструмента используется не только для разграничения чего-либо, отделения главного от несущественного, но также и в качестве аккумулирующего инструмента, консолидирующего начала. Например, Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию закрепляет приоритетные направления в сфере содействия международному развитию на региональном и глобальном уровнях, соответствующие национальным интересам России [9].

Во-вторых, единство категорий «приоритет» и «паритет» наглядно иллюстрируется в рамках стимулирующей и поощрительной политики, создания благоприятных условий развития экономических отношений, предпринимательской деятельности. Так, одним из направлений Транспортной стратегии Российской Федерации является «обеспечение равноправного паритета российских международных пере-

возчиков с иностранными перевозчиками на основе создания благоприятного налогового режима, проведения политики разумного протекционизма и обеспечения правовой защищенности перевозчиков» [10]. Тем самым паритет достигается не буквальной «уравниловкой» в правах и возможностях российских и международных участников авиационных сообщений, а продуманной системой сдержек и противовесов, или, иначе говоря, правовых преимуществ в форме льгот при налогообложении, субсидий, направленных на поддержку и развитие отрасли, квотирования в рамках внутренних авиалиний и пр. и пределов их реализации.

Различия категорий «приоритет» и «паритет» строятся на нескольких аспектах.

Во-первых, на особенностях их функциональной направленности. Специфичность приоритета и паритета раскрывается через их естественный содержательный потенциал: у первого – выделить, акцентировать внимание на чем-либо, а у второго – нивелировать различие качеств, уравновесить.

Так, функциональная характеристика категории «приоритет» в законодательстве различна. Ее толкование хотя и связано с воздействием на общественные отношения через установление очередности, степени срочности (выполнения задач, предоставления услуги и пр.), однако только к этому не сводится. Если взять ее потенциал как средства правового регулирования, то здесь просматривается высокое значение с точки зрения определения:

– временных контуров действия какого-либо права. Так, «приоритет изобретения... устанавливается по дате подачи в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности заявки» [11, ч. 1 ст. 1381];

– объемов получения физическими и юридическими лицами материальных благ. К примеру, «предприятия и организации, поставляющие сверх или помимо государственного заказа продукцию производственно-технического назначения для агропромышленного комплекса, также обеспечиваются в приоритетном порядке материально-техническими ресурсами для производства этой продукции» [12].

Паритет, в свою очередь, выполняет иную функциональную нагрузку. Она заключается в:

– указании на идентичность каких-либо объектов, имеющих на первый взгляд различные качества. Например, «термины «товарный рынок товара, являющегося предметом «вертикального» соглашения» и «любой товарный рынок» не являются тождественными, исключают паритет содержащихся в них правовых норм» [13];

– визуализации формального равенства участников общественных отношений, *de facto* способных иметь различия в правовых статусах. Так, Транспорт-

ной стратегией Российской Федерации относительно международных перевозок планировалось «сохранить принцип двухсторонних соглашений, основанных на принципах паритета» [14];

– отражении каких-либо сопоставимых показателей (как правило, в точных единицах измерения) для проведения между ними аналогии, установления динамики движения. Например, словосочетание «экспортный паритет» показывает сравнительную привлекательность экспорта путем демонстрации цены экспортируемой продукции на мировом рынке, но скорректированной на транспортные издержки и налоги [15].

Во-вторых, различия приоритета и паритета проявляются в характере их действия как средств правового регулирования. Приоритету свойствен дополнительный характер, предопределенный потенциалом основного (традиционного) права, но в изменяющихся условиях его получения. К примеру, «если иное не предусмотрено законом или договором аренды, арендатор, надлежащим образом исполнявший свои обязанности, по истечении срока договора имеет при прочих равных условиях преимущественное перед другими лицами право на заключение договора аренды на новый срок» [16]. Приоритет интересов арендатора лишь дополняет основное право на заключение договора, следует за ним. Преимущественное право определено содержанием права традиционного. В случае с паритетом ситуация иная. Фактически в ряде нормативно-правовых актов, решениях высших судебных органов паритет имеет характер действия традиционного права, а именно равенства. К примеру, «установив требования одного участника в реестре и отнеся за реестр требования другого, суды предоставили необоснованное преимущество одной из сторон конфликта, внося в отношения участников существенный дисбаланс, несмотря на то что изначально проектирование структуры указанных отношений было направлено на выравнивание паритета в вопросе как корпоративных прав, так и контролируемой задолженности» [17].

В-третьих, различия приоритета и паритета как правовых средств проявляются еще и в особенностях реализации и обеспечения прав субъектов посредством их. Приоритет как форма реализации преимущественного права способствует получению той группы субъективных прав, для которых важны именно их непосредственное осуществление, фактическая реализация, натуральная форма получения (возможно, разовая, но скорейшая), а не соблюдение и перманентное существование (по примеру прав на справедливость, равенство). Так, для участника общества с ограниченной ответственностью важно во внеочередном порядке получить долю и ее часть, гарантированную преимущественным правом, а не вступать

в права на общих основаниях [18]. Ценность преимущественного права в данном случае – в приоритетной форме реализации, а не в существовании такого права и обусловленного им какого-либо блага.

При этом приоритет как форма проявления преимущественного права на какие-либо блага может реализовываться в виде:

а) внеочередности их получения. Так, «сообщения о терпящих или потерпевших бедствие воздушных судах относятся к сообщениям, имеющим категорию абсолютного приоритета. Граждане и юридические лица, имеющие право на предоставление услуг связи, должны обеспечить немедленную передачу данного сообщения» [19, ч. 1 ст. 92];

б) первоочередности их получения в случае образования конкуренции среди адресатов приоритета. К примеру, «суда, осуществляющие доставку в морские порты продукции рыболовства, оформляются в первоочередном порядке. Преимущественным правом первоочередности при оформлении и государственном контроле судов пользуются суда с уловом свежих или охлажденных водных биологических ресурсов» [20];

в) предоставления их на безвозмездной основе. Так, «дети независимо от их семейного и социального благополучия подлежат особой охране... и имеют приоритетные права при оказании медицинской помощи» [21]. Это, в свою очередь, выражается, например, в обеспечении детей-инвалидов всеми лекарственными препаратами по рецептам врачей бесплатно, в том числе лекарственными препаратами, не входящими в перечень жизненно необходимых и важнейших препаратов для медицинского применения [22].

Следовательно, *«приоритет» – это одна из форм преимущественного права, выражающаяся в реализации субъективного права лица, обусловленного необходимостью учета публичных и частных интересов и особенностей специальных статусов отдельных субъектов, предусматривающая дополнительные процессуальные гарантии и организационные меры по внеочередному, первоочередному, безвозмездному получению благ, реализации прав и законных интересов.*

Ученое сообщество, к сожалению, нередко отождествляет такую форму реализации преимущественного права с конструкцией «исключительное право», двусмысленно употребляет их для обозначения различных по своей сущности явлений [23, с. 845–856]. Подобное пренебрежение к правовой терминологии создает условия для смешения понятий «исключительные права» (в смысле их приоритетности и первоочередности по отношению к другим субъектам: читай – «преимущественные права») и устоявшегося института «исключительное право», характерного

для таких подотраслей гражданского права, как авторское и патентное (к примеру, на результат своего творческого труда [11, ч. 1 ст. 1229], что означает запрет на притязания кого-либо на итог интеллектуальной деятельности).

Следует, на наш взгляд, понимать следующее. Исключительное право наряду с личными неимущественными, вещными, корпоративными и пр. образует конструкцию традиционных субъективных прав, а преимущественное право – это особая группа возможностей и дозволений, основанных на приоритетном получении вышеупомянутых традиционных прав, которая входит в конструкцию особой правовой процедуры и, соответственно, преимуществ в праве как основополагающей правовой категории для всех форм отступления от равенства в сторону улучшения правового состояния субъекта.

Паритет, будучи формой реализации равноправия, – категория более теоретическая, а зачастую – абстрактная. В ней заложен, безусловно, важный идеологический потенциал, практическое воплощение которого правоприменитель может, к сожалению, не увидеть и не почувствовать. К примеру, «Министерство финансов Российской Федерации и Центральный банк Российской Федерации участвуют в управлении реализацией настоящей Стратегии на условиях системного партнерства и паритета» [24].

Взаимодействие как признак парности рассматриваемых категорий проявляется в совокупном, одновременном выстраивании системы и иерархии каких-либо общественных, государственных ценностей при обязательном соблюдении формального равенства. К примеру, «все пользователи воздушного пространства обладают равными правами на его использование» [19, ч. 1 ст. 13]. Однако в случае возникновения конкуренции между двумя субъектами «право на его использование предоставляется пользователям в соответствии с государственными приоритетами» [19, ч. 2 ст. 13] в строго установленной последовательности.

Данный аспект также просматривается в рамках гражданско-правовой конструкции приобретения имущества. К примеру, Р. П. Мананкова в право преимущественной покупки вкладывала содержание обеих рассматриваемых категорий, считая его предоставленной законом участникам общей долевой собственности возможностью приобрести право на продаваемую одним из собственников долю преимущественно перед посторонними лицами, однако на равных с ними условиях [25, с. 100].

И приоритет, и паритет выступают важными способами регулирования общественных отношений. При этом для тех их участников, кто не обладает особыми правами и дозволениями в силу специ-

ального правового статуса, но осознает значимость предоставления обоснованных, рациональных преимуществ в форме приоритета и готов руководствоваться данной информацией добровольно, преимущества также несут положительный результат, способный обеспечить их безопасность, защиту и пр. Например, ряд участников дорожного движения обладают преимуществами не только в силу своего специального правового статуса (сотрудники государственных правоохранительных органов, скорая медицинская помощь и др.), но и по причине требований общей безопасности (движение на подъеме или по узкому участку дороги). Средством визуализации преимуществ и правового информирования участников движения о необходимости его предоставления выступают соответствующие знаки приоритета [5]. Выполняя их требования и соглашаясь с имеющимися у других участников движения преимуществами, лица обеспечивают и свою безопасность, и паритет ценностей общества: здоровье населения, правопорядок и т.д.

С другой стороны, зачастую для того, чтобы выделить наиболее значимые ценности государства и права, главенствующие направления развития, для начала следует обеспечить этот юридический климат паритетом всех заинтересованных сторон, и наоборот, уравновесить, объединить можно с учетом эффективной расстановки приоритетов. Одновременное упоминание категорий «приоритет» и «паритет» в тексте ряда подзаконных нормативно-правовых актов, имеющих важное организационное значение, подтверждает выдвинутый тезис: «Целью Программы является достижение и поддержание паритета с развитыми странами мира в приоритетных направлениях науки и техники, ресурсо- и энергосбережении, создании экологически адаптированных современных промышленных производств, здравоохранении» [26].

Парность категорий «приоритет» и «паритет» была бы неполной без выделения существующих между ними *противоречий*. Нами они усматриваются также в нескольких аспектах: теоретико-методологическом и практико-прикладном.

Относительно первого: приоритет, верховенство сильного над слабым, умного над интеллектуально неразвитым первородны, оформились одновременно с самим человеком на основе обычаев, традиций, религиозного сознания и мировоззрения. Последующее закрепление в текстах нормативно-правовых актов придало преимуществам правовое качество: общеобязательность, формальную определенность и пр., способствовало очерчиванию их четкими границами. Тем самым, как бы парадоксально это ни выглядело, были созданы необходимые предпосылки для утверждения категории «паритет». За счет этого

произошло отделение форм улучшения правового состояния в виде льгот, привилегий, иммунитетов от дискриминации, злоупотребления, произвола.

Применительно ко второму заметим, например, что небезосновательные возражения в среде ученых вызвала новелла, введенная ч. 1¹ ст. 88 Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 53 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»», предусматривающая по решению руководителя заграничного учреждения Министерства иностранных дел РФ (далее – МИД РФ), согласованному с центральным аппаратом МИД РФ, приоритет отдельных граждан по приему для обучения на бесплатной основе в специализированном образовательном подразделении заграничного учреждения МИД РФ [27, с. 220]. Фактически изменения законодательства образуют сразу два преимущества: одно – в виде привилегии на получение бесплатного образования за рубежом, второе – особая правовая процедура его реализации через преимущественное право для граждан России. И то, и другое, на наш взгляд, слабо подкреплено соответствующими основаниями. На сегодняшний день сложно найти аргументы в пользу обоснованности введения нормы, расширяющей перечень лиц, имеющих возможность обучения в специализированных структурных образовательных подразделениях, создаваемых в заграничных учреждениях МИД РФ, даже не касаясь созданных вслед за этим преимуществ для граждан России. В случае с детьми сотрудников (работников) заграничных учреждений МИД РФ, торговых и военных представительств, работающих за рубежом, эта мера оправданна (ч. 1 указанной статьи). Формулировка ч. 1¹, предполагающая расширение категорий граждан, которые могут приниматься в указанные учреждения образования на бесплатной основе, при отсутствии четких критериев отбора, будучи не подкрепленной вынужденными мерами по сохранению целостности семьи при постоянном нахождении родителей за границей, не преследующая каких-либо государственно- или общественно-значимых целей, содержит явные риски властного злоупотребления, коррупциогенные факторы. Полагаем, что желающих получить бесплатное образование за рубежом из числа политической, коммерческой элиты, воспитывающей современную «золотую молодежь», будет немало. Данная норма, как думается, противоречит принципам государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования в части недопусти-

мости дискриминации [28], паритета возможностей для приема на обучение всех претендентов.

Попробуем подвести некоторые итоги. Сегодня значение «приоритета» и «паритета» как парных правовых категорий усматривается в следующем:

во-первых, политико-правовое, экономическое развитие государства в современных, не всегда благоприятных условиях с учетом отдельных проявлений стагнации внутренних и внешних отношений заставляет институты власти делать нелегкий выбор, расставлять приоритеты в распределении благ. Руководствуясь фактором целесообразности, практической значимости того или иного законодательного шага, государство в одних случаях предоставляет преимущества в правах и возможностях одним субъектам, утверждая их неравное положение с другими, а в других – намеренно выравнивает дозволения участников отношений, если в силу каких-либо обстоятельств некоторые из них не могут в полной мере реализовать свой статус;

во-вторых, «приоритет» как форма правового преимущества и «паритет» как форма правового равенства в своей совокупности выступают средствами построения иерархии ценностей государства и общества, определяя вектор движения последних. Наделяя дополнительными правами и послаблениями многодетные семьи, малоимущих граждан, власть демонстрирует приоритетность социальной сферы, обеспечивая паритет их возможностей с более социально успешными категориями населения. Предоставляя расширенные возможности военнослужащим в виде первоочередного получения жилых помещений, санаторно-курортного лечения, устанавливая упрощенный порядок жилищно-бытового обслуживания для членов их семей, законодатель дает посыл на развитие оборонного сектора и паритет сил нашего государства с международными партнерами;

в-третьих, формально-определенное, выверенное технико-юридически и по содержанию взаимодополняющее использование правотворческими органами категорий «приоритет» и «паритет» обеспечит баланс правовой системы, в какой-то мере позволит снять противоречивость, снизить коллизионность правового регулирования, а также позволит направить последнее одновременно и на обеспечение равенства возможностей участников общественных отношений, и на дифференциацию, индивидуализацию воздействия юридической нормы.

Пристатейный библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 янв.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.
3. *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010.
4. *Габдреева Н. В., Гурчиани М. Т.* Словарь композитов русского языка новейшего периода. М. : ФЛИНТА : Наука, 2012.
5. Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (в ред. от 26 марта 2020 г.) «О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»)» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531; СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2098.
6. *Герасимов В. Н.* Приоритет семейного воспитания детей как принцип семейного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. *Репьев А. Г.* Преимущества в российском праве : теория, методология, техника : дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2019.
8. *Бурдон И. Ф.* Словотолкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней : Ручная справ. кн. для не понимающих значения техн., науч. и др. иностр. выражений, встречающихся в кн., журн. и газ. : Сост. по словарям Французской акад., Боаста, Гейзе и др. М. : Унив. тип., 1865.
9. Указ Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259 (в ред. от 24 мая 2016 г.) «Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию» // СЗ РФ. 2014. № 17. Ст. 2036.
10. Распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р (в ред. от 12 мая 2018 г.) «О Транспортной стратегии Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 50. Ст. 5977.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г., с изм. от 24 июля 2020 г.) (ч. 1 ст. 1229) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496; 2019. № 30. Ст. 4132.
12. Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1490-1 (в ред. от 2 февраля 2006 г.) «О приоритетном обеспечении агропромышленного комплекса материально-техническими ресурсами» (п. 3 ст. 3) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 26. Ст. 878; СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 636.
13. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 4 апреля 2017 г. № СЕ-2-1/1-17-БК «О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.» // Суд Евразийского экономического союза : сайт. URL: <http://courteurasian.org> (дата обращения: 15.09.2020).
14. Приказ Минтранса России от 12 мая 2005 г. № 45 «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2020 год» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов (одобрены Советом директоров Банка России 25 октября 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 18 апреля 2018 г.) (п. 1 ст. 621) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2018. № 17. Ст. 2416.
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17 марта 2020 г. № 307-ЭС19-10177(4) по делу № А56-42355/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) (п. 2 ст. 93) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5010.
19. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в ред. от 8 июня 2020 г.) (ч. 1 ст. 92) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383; 2020. № 24. Ст. 3740.
20. Постановление Правительства РФ от 19 марта 2008 г. № 184 (в ред. от 11 января 2017 г.) «О Порядке оформления судов рыбопромыслового флота, уловов водных биологических ресурсов и произведенной из них рыбной и иной продукции и государственного контроля (надзора) в морских портах в Российской Федерации» (п. 9) // СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1300.
21. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2020 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ч. 2 ст. 7) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2020. № 29. Ст. 4516.
22. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июня 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
23. *Шайдулов И. В.* Преимущественные права в российском гражданском праве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 103.

24. Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» // СЗ РФ. 2017. № 40. Ст. 5894.

25. Мананкова Р. П. Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1977.

26. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2006 г. № 1188-р «О Программе координации работ в области нанотехнологий и наноматериалов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 36. Ст. 3841.

27. Баранов В. М. Стратегия, тактика и техника государственной поддержки посредством правовых преимуществ. Отзыв о диссертации А. Г. Репьева на тему «Преимущества в российском праве: теория, методология, техника» (Саратов, 2019. 529 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50).

28. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 3) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5063.

References

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of 15 January 2020. *Rossiiskaia Gazeta*. 16 January 2020.

2. Kuznetsov S. A. (ed.). Large Interpretive Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint, 2000.

3. Epishkin N. I. Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language. Moscow: ETS, 2010.

4. Gabdreeva N. V., Gurchiani M. T. Dictionary of Composites of the Russian Language of the Latest Period. Moscow: FLINTA: Science, 2012.

5. Decree of the Government of the Russian Federation of 23 October 1993 No. 1090 (as amended by 26 March 2020) "On the Rules of the Road (together with the "Basic Provisions for the Admission of Vehicles to Operation and the Duties of Officials for Ensuring Road Safety")". *Assembly of Acts of the President and Government of the Russian Federation*. 1993. No. 47. Art. 4531; *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 14 (part 1). Art. 2098.

6. Gerasimov V. N. Priority of Family Education of Children as a Principle of Family Law: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2006.

7. Repev A. G. Advantages in Russian Law: Theory, Methodology, Technique: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Saratov, 2019.

8. Bourdon I. F. Dictionary of 30,000 Foreign Words, Which Became Part of the Russian Language with the Meaning of Their Roots: Manual for Those Who Do Not Understand the Meaning of Technical, Scientific and Other Foreign Expressions Found in Books, Journals and Newspapers: Comp. according to the dictionaries of the French Acad., Boast, Geise, etc. Moscow: Univ. typ., 1865.

9. Decree of the President of the Russian Federation of 20 April 2014 No. 259 (as amended by 24 May 2016) "On Approval of the Concept of State Policy of the Russian Federation in the Field of Assistance to International Development". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 17. Art. 2036.

10. Order of the Government of the Russian Federation of 22 November 2008 No. 1734-r (as amended by 12 May 2018) "On the Transport Strategy of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 50. Art. 5977.

11. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18 December 2006 No. 230-FZ (as amended by 26 July 2019, as amended by 24 July 2020). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 52 (part 1). Art. 5496; 2019. No. 30. Art. 4132.

12. Law of the RSFSR of 26 June 1991 No. 1490-I (as amended by 2 February 2006) "On the Priority Provision of the Agro-Industrial Complex with Material and Technical Resources" (para. 3 of Art. 3). *Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1991. No. 26. Art. 878; *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 6. Art. 636.

13. Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union of 4 April 2017 No. SE-2-1/1-17-VK "On Clarification of the Provisions of Articles 74, 75, 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29 May 2014". URL: <http://courteurasian.org> (date of the application: 15.09.2020).

14. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation of 12 May 2005 No. 45 "On Approval of the Transport Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2020" (SPS "ConsultantPlus").

15. The Main Directions of the Unified State Monetary Policy for 2020 and the Period 2021 and 2022 (approved by the Board of Directors of the Bank of Russia on 25 October 2019) (SPS "ConsultantPlus").

16. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26 January 1996 No. 14-FZ (as amended by 18 April 2018), para. 1 of Art. 621. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 5. Art. 410; 2018. No. 17. Art. 2416.

17. Decision of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 17 March 2020 No. 307-ES19-10177(4) in case No. A56-42355/2018 (SPS "ConsultantPlus").

18. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-LZ (as amended by 31 July 2020) (para. 2 of Art. 93). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301; 2020. No. 31 (part 1). Art. 5010.

19. Air Code of the Russian Federation of 19 March 1997 No. 60-FZ (as amended by 8 June 2020). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 12. Art. 1383; 2020. No. 24. Art. 3740.

20. Decree of the Government of the Russian Federation of 19 March 2008 No. 184 (as amended by 11 January 2017) "On the Order of Registration of Vessels of the Fishery Fleet, Catches of Water Biological Resources and the Fish and Other Products Made from Them and the State Control (Supervision) in Seaports in the Russian Federation" (para. 9). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 13. Art. 1300.

21. Federal Law of 21 November 2011 No. 323-FZ (as amended by 31 July 2020) (with rev. and additional statement in force from 1 September 2020) "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" (part 2 of Art. 7). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 48. Art. 6724; 2020. No. 29. Art. 4516.

22. Review of the Practice of Courts in Cases of Disputes Related to the Implementation of Social Support Measures for Certain Categories of Citizens (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 17 June 2020) (SPS "ConsultantPlus").

23. *Shaidurov I. V.* Priority Rights in Russian Civil Law. *Polythematic Network Electronic Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. 2014. No. 103.

24. Order of the Government of the Russian Federation of 25 September 2017 No. 2039-r "On the Approval of the Strategy for Improving Financial Literacy in the Russian Federation for 2017–2023". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2017. No. 40. Art. 5894.

25. *Manankova R. P.* Legal Relationship of Common Shared Property of Citizens Under Soviet Law. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1977.

26. Order of the Government of the Russian Federation of 25 August 2006 No. 1188-r "On the Program for the Coordination of Works in the Field of Nanotechnology and Nanomaterials in the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 36. Art. 3841.

27. *Baranov V. M.* Strategy, Tactics and Technique of State Support through Legal Advantages. Review of A.G. Repev's Dissertation on "Advantages in Russian Law: Theory, Methodology, Technology" (Saratov, 2019. 529 p.), Submitted for the Degree of Doctor of Legal Sciences in the Specialty 12.00.01 – Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 2 (50).

28. Federal Law of 29 December 2012 No. 273-FZ (as amended by 31 July 2020) "On Education in the Russian Federation" (part 1 of Art. 3). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 53 (part 1). Art. 7598; 2020. No. 31 (part 1). Art. 5063.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-16-20>

В Российской Федерации уже несколько лет проходит процессуальная реформа, направленная на оптимизацию правосудия. Принятый в декабре 2018 г. Закон № 451-ФЗ в целях оптимизации правосудия закрепляет в основном различные способы упрощения судопроизводства. При этом не обращается внимания на качество принимаемых решений. По мнению автора, имплементация в гражданском процессе электронного правосудия – это тот путь, который позволит решить двудеиную задачу: сокращение процессуальных сроков и повышение качества судебных актов. В статье исследуются технические возможности и правовое обеспечение введения в России электронного правосудия. Автор дает собственное определение электронного правосудия, выявляет его сущность. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (системный, структурно-функциональный), а также частнонаучные методы (сравнительного правоведения, технико-юридического анализа теоретических и нормативно-правовых источников, конкретизации, толкования). Целью настоящей работы является анализ научной литературы, нормативной базы и технической возможности имплементации в российском гражданском процессе электронного правосудия, а также определение целей, задач электронного правосудия и путей их решения. В рамках настоящего исследования сформулировано определение электронного правосудия, определены направления его постепенного внедрения в судебный процесс. Материалы статьи могут быть использованы в научных исследованиях для дальнейшей теоретической разработки электронного правосудия.

**СВИРИН
Юрий Александрович**

доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского
процесса и организации
службы судебных приставов
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России), академик
РАЕН, Почетный адвокат России
(г. Москва)

usvirin@mail.ru

**Электронное правосудие;
искусственный интеллект
в судопроизводстве;
цифровые технологии**

Yury A. SVIRIN ELECTRONIC JUSTICE:

THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Civil Procedural
Law and Bailiff Organization,
All-Russian State University of Justice,
Academician of the Academy
of Natural Sciences, Honorary Lawyer
of Russia (Moscow)
usvirin@mail.ru

**E-justice;
artificial intelligence in legal
proceedings;
digital technologies**

A procedural reform has been under way in the Russian Federation for several years, aimed at optimizing justice. The Law No. 451-FZ, adopted in December 2018, in order to optimize justice, basically establishes various methods of simplifying the proceedings. At the same time, no attention is paid to the quality of the decisions made. According to the author, the implementation of e-justice into the civil law process is this way, which will allow solving the dual task of both reducing procedural terms and improving the quality of judicial acts. The article examines the technical capabilities and legal support for the introduction of electronic justice in Russia. The author gives his own definition of electronic justice and its essence. The methodological basis of the study was formed by general scientific methods (systemic, structural and functional), as well as specific scientific methods (comparative jurisprudence, technical and legal analysis of theoretical and regulatory sources, concretization, interpretation). The purpose of this work is to analyze the scientific literature, the regulatory framework, and the technical feasibility of implementation in the Russian civil law process of e-justice, as well as to determine the goals and objectives of e-justice and ways to solve them. Within the framework of this research, the definition of e-justice has been formulated,

the directions of its gradual implementation in the judicial process have been determined. The materials of the article can be used in scientific research for further theoretical development of e-justice.

Цифровые технологии первоначально стали использоваться в экономике. 1983-й год считается точкой отсчета развития цифровой экономики, когда президентом США Рональдом Рейганом был утвержден и начал реализовываться секретный проект «Сократ», целью которого являлось создание механизма «контроля над миром». К настоящему времени цифровые технологии окончательно вошли в нашу жизнь. Примером тому может служить внедрение цифровых технологий в деятельность Сбербанка России как одной из передовых российских компаний в области цифровых технологий. В настоящее время цифровые технологии получили развитие при сканировании и распознавании лиц, голоса; развиваются нейронные сети; появляются электронные помощники, бытовая техника с элементами искусственного интеллекта. В качестве пилотного проекта в России в настоящее время применяется искусственный интеллект при распознавании речи в суде и составлении протокола судебного заседания. Таким образом, можно констатировать, что, помимо устной и письменной процессуальной формы, в России постепенно складывается электронная процессуальная форма [1, с. 47].

Еще лет пять назад единичные и робкие публикации в научных изданиях о возможности появления в судопроизводстве электронного правосудия вызвали недоумение и удивление среди ученых-правоведов. В настоящее время количество таких публикаций увеличилось, однако понимания того, как оно должно функционировать, в профессиональном обществе юристов еще не сложилось.

Прежде всего для того, чтобы внедрять в судебный процесс какие-либо новеллы, необходимо определиться с целями и ответить на следующие вопросы: чего мы хотим достигнуть, и какое прикладное значение такие новшества будут иметь.

На мой взгляд, целей здесь две:

1) оптимизация правосудия, сокращение времени рассмотрения дел, снижение нагрузки на суд. Для достижения поставленной цели в Российской Федерации уже проходит судебная реформа, начавшаяся с ликвидации Высшего Арбитражного Суда РФ и продолжившаяся принятием в декабре 2018 г. Закона № 451-ФЗ. В упомянутом Законе закреплено нормативное регулирование процессуальных отношений с использованием отдельных элементов цифрового правосудия в виде подачи и обработки (распределения внутри суда исковых заявлений и их закрепления за каждым конкретным судьей) поступивших

материалов в электронном виде. Безусловно, это способствует оптимизации правосудия, но это лишь малая часть того потенциала, которым располагает электронное правосудие;

2) вторая цель внедрения электронного правосудия в судебный процесс связана с объективностью и непредвзятостью рассмотрения дел, повышением качества выносимых решений. В России, как, впрочем, и в других странах бывшего социалистического лагеря, до настоящего времени не преодолена проблема обеспечения независимости суда. Всем хорошо известно ставшее нарицательным выражение «басманное правосудие». Для преодоления «басманного правосудия», например, в Казахстане в качестве судей приглашены на постоянную работу английские судьи. Аналогичный шаг в настоящее время обсуждается и в Украине. Не вдаваясь в критику судебных систем других суверенных государств, все же хочу заметить, что вряд ли этот шаг является разумным. Правосудие есть функция государства, которая вместе с другими функциями составляет его суверенитет. Доверив правосудие иностранным судьям, государство тем самым как бы делегирует и часть своего суверенитета иностранному государству. Выходом из сложившейся ситуации, по нашему мнению, может быть как раз имплементация в России электронного правосудия. В. К. Андреев, В. А. Лаптев и С. Ю. Чуча справедливо замечают, что достоинства цифровых технологий в судопроизводстве очевидны, так как позволяют повысить скорость и объективность принятия решений [2, с. 20].

Говоря о необходимости электронного правосудия, следует иметь в виду, что под ним мы должны понимать не только цифровую коммуникацию. Целью электронного правосудия должна стать цифровая трансформация всего процесса, внедрение в процесс искусственного интеллекта (*artificial intelligence*). Без искусственного интеллекта в процессе нельзя говорить об электронном правосудии, поскольку правосудие есть аналитическая деятельность разума (человеческого или искусственного).

Понятие искусственного интеллекта дано в ГОСТ Р 43.0.5-2009: он рассматривается как моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека [3]. Однако такое определение является весьма условным. С нашей точки зрения, заслуживает внимания определение искусственного интеллекта, данное А. В. Малышкиным, который указывает: «Сущностными признаками искусственного интеллекта являются: способность ав-

тономной работы и обмена данными с окружающей средой; способность обучаться на основе полученного опыта и в процессе взаимодействия с окружающей средой; способность адаптировать свои решения под изменяющиеся обстоятельства» [4, с. 446].

В научной литературе применение электронного правосудия в основном сводится только к делопроизводству, оценке доказательств и установлению юридически значимых обстоятельств. Так, В. К. Андреев, В. А. Лаптев и С. Ю. Чуча определяют следующие направления применения искусственного интеллекта в судопроизводстве: обработка естественного языка, использование цифрового протокола вместо протокола на бумажном носителе, хранение данных в «судебном облаке», а также установление отдельных юридически значимых обстоятельств, например определение срока исковой давности [2, с. 22–27].

Вместе с тем возможности применения искусственного интеллекта в судопроизводстве значительно шире.

Нормативной базой внедрения электронного правосудия в России может послужить Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций». В соответствии с данным Постановлением предусмотрено внедрение нейротехнологии и технологии искусственного интеллекта в таких областях, как: компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, машинная рекомендация и поддержка принятых решений; технологий работы с большими данными в следующих областях: сбор и обработка данных с помощью машинного обучения, дескриптивная, прескриптивная и предписывающая аналитика, а также технологий цифрового, математического и информационного моделирования правовых ситуаций.

Компьютерное зрение необходимо для идентификации участников процесса, не присутствующих в судебном заседании. Потребность в такой идентификации особенно актуализировалась в эпоху пандемии, и, как говорят вирусологи, в дальнейшем количество новых вирусов, с которыми будет сталкиваться человечество, будет только возрастать, а потому необходимость соответствующих технологий существует уже сейчас.

Технология обработки естественного языка требуется в первую очередь тогда, когда по делу нужен переводчик. Появление в процессе электронного переводчика решит несколько задач: 1) сократит время судопроизводства, т.е. уменьшит процессуальные сроки; 2) обеспечит объективность перевода, устранив риск заведомо неправильного перевода; 3) сократит бюджетные расходы на судопроизводство.

Технология распознавания и синтеза речи, самообучения позволит проводить процессы на расстоянии. Это особенно актуально в условиях, когда в рамках проводимой процессуальной реформы образовано всего девять кассационных судов на всю Россию, добраться до которых бывает проблематично. Следует сказать, что технология распознавания и синтеза речи, самообучения уже внедрена в практику крупнейшей юридической компании в США *Baker & Hostetler*.

Дескриптивная, прескриптивная и предписывающая аналитика позволяет искусственному интеллекту оценить адекватность и достоверность получаемой в суде информации с учетом нормативного регулирования. Данная технология также важна при оценке юридических документов в суде, где каждый отдельный судья оценивает юридические документы исходя из собственных представлений о понятности языка. Как свидетельствуют С. А. Белов и К. В. Тарасова, в отдельных случаях можно обнаружить решения, в которых суды признают сложность понимания юридических документов. Авторы указывают на необходимость введения института презумпции понимания [5, с. 620]. Безусловно, искусственному интеллекту сделать это будет проще, что позволит устранить различные толкования одного и того же нормативного акта.

Технология обработки больших данных и принятия решений позволяет без человека-судьи выносить решения. Данная мысль не является утопией, поскольку уже к настоящему времени в некоторых странах, в том числе и в Белоруссии, такие технологии внедрены в судебный процесс. Россия в этом плане отстает. Кроме всего прочего, данная технология позволит при вынесении решений объективно учитывать принцип справедливости, чего особенно недостает при сегодняшней процедуре принятия решений и на что специально обращал внимание Высший Арбитражный Суд РФ в своем Постановлении от 30 июля 2013 г. № 62, указав, что окончательный размер убытков должен определяться исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности [6].

Таким образом, Правительство РФ фактически создало нормативную базу для развития электронного правосудия. Безусловно, одного нормативного регулирования недостаточно – нужны ИТ-технологии, разработка программного обеспечения. И в этом направлении, как нам представляется, государство сегодня создает благоприятные условия. Так, с 1 января 2021 г. значительно снижается налоговая нагрузка на ИТ-компании в России, что, безусловно, должно послужить детерминантой их развития. С нашей точки зрения, финансирование развития программ электронного правосудия должно осуществлять не только государство, но и крупные монопольные компа-

нии, у которых уже имеется такой опыт, например Газпром, Сбербанк.

Проанализировав собранный материал, можно дать следующее определение электронного правосудия: это совокупность процессуальных отношений, складывающихся между судом и иными участниками процесса при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры, технологий анализа больших данных, прогнозирования и принятия решений. На данном этапе в процессуальных отношениях участвуют физические лица (суд и иные участники процесса). Однако в литературе уже имеются исследования о моральных и этических правилах участия в таких отношениях искусственного интеллекта. Видимо, когда такой интеллект появится в судопроизводстве, остро встанет вопрос о его отношениях с другими участниками процесса. Но уже сегодня необходимо начать эксперимент по внедрению искусственного интеллекта в судопроизводство. Один из ведущих исследователей в области цифровой экономики А. Ю. Быков указывает, что во Франции уже существует программа цифрового доверия (*Digital Trust*), целью которой является стимулирование развития ключевых технологий и цифровых структурных блоков на всех уровнях [7, с. 124].

На наших глазах в настоящее время выстраивается архитектура права электронного правосудия в таких странах, как США, Япония, Великобритания, Швеция и другие страны Евросоюза. Активно искусственный интеллект в настоящее время применяется в Европейском суде по правам человека, где на основе базы его решений *HUDOC* прогнозируются будущие решения. Таким образом, искусственный интеллект позволяет делать анализ и прогнозировать решения, учитывая ранее вынесенные решения ЕСПЧ. В США, как указывает А. Привалов, в настоящее время искусственный интеллект предсказывает решения Верховного суда США [8].

Правительством Германии в 2017 г. было принято Постановление об электронном правовом документообороте, где содержатся требования, при наличии которых электронный документ равнозначен письменному документу. А в § 55b Закона ФРГ об административном судопроизводстве закреплена возможность ведения электронных процессуальных документов.

П. М. Морхат рассматривает искусственный интеллект как «компаньона» судьи, выполняющего от-

дельные функции при отправлении правосудия, что позволяет освободить судью-человека от рутинной работы, включая внутренний контроль деятельности суда, информационно-документальное, экспертно-аналитическое, лингвистическо-переводческое и организационное обеспечение судопроизводства [9, с. 25].

На первоначальном этапе перехода к электронному правосудию следует подключить судебный искусственный интеллект к единой информационной системе межведомственного взаимодействия в соответствии с программой «Информационное общество (2011–2020 годы)», утв. Постановлением Правительства РФ в 2010 г. К сожалению, 2020 г. уже заканчивается, а программа Правительства так и не выполнена, в силу чего электронизация судебных процедур в России проходит несистемно, разрозненно.

Фактически цифровая технологизация опередила эволюционное правовое регулирование развития электронного правосудия, поэтому необходимо вносить изменения в процессуальные кодексы. Также необходимо устранить правовой вакуум в регулировании электронного правосудия, а ИТ-специалистам разработать программы по направлениям, указанным выше. Продуманная концепция права может позволить создать правовой механизм внедрения в наше правовое пространство электронного правосудия.

Выводы

Уровень развития цифровых технологий позволяет уже сейчас постепенно переходить к электронному правосудию, связанному не только с обеспечением процесса, но и с обработкой больших данных и принятием или как минимум прогнозированием решений.

Было бы целесообразно на первоначальном этапе в качестве эксперимента ввести электронное правосудие в Московском городском суде, где традиционно отмечается самое большое количество рассматриваемых объемных дел с огромным доказательственным материалом, который необходимо проанализировать, оценить и сделать вывод.

Однако такой переход, безусловно, потребует инвестиций, и здесь как раз оптимизма гораздо меньше. От государственных чиновников, видимо, мы услышим традиционную фразу «денег нет», а следовательно, в России, наверное, еще долго не будет искусственного интеллекта в правосудии.

Пристатейный библиографический список

1. *Свирин Ю. А.* Актуальные проблемы гражданского процессуального права. М. : Прометей, 2021.
2. *Андреев В. К., Лаптев В. А., Чуча С. Ю.* Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. № 1.
3. ГОСТ Р 43.0.5-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Малышкин А. В.* Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь : некоторые этические и правовые проблемы // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. № 3.
5. *Белов С. А., Тарасова К. В.* Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. № 4.
6. Постановление Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс».
7. *Быков А. Ю.* Цифровая экономика в лоббистике : очерки по истории мировой цифровой экономики. М. : Проспект, 2018.
8. *Привалов А.* Искусственный интеллект научился выносить приговоры. 2019 // Популярная механика : сайт. URL: <http://www.popmech.ru/technologies/362972-iskusstvennyy-intellekt-nauchilsya-vynosit-prigovory> (дата обращения: 19.08.2020).
9. *Морхат П. Н.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : автореф. дис. ... докт. юрид наук. М., 2018.

References

1. *Svirin Iu. A.* Actual Problems of Civil Procedural Law. Moscow: Prometheus, 2021.
2. *Andreev V. K., Laptev V. A., Chucha S. Iu.* Artificial Intelligence in the Electronic Justice System in the Consideration of Corporate Disputes. *Vestnik SPbSU. Law.* 2020. Vol. 11. No. 1.
3. GOST R 43.0.5-2009. National Standard of the Russian Federation. Information Support of Technology and Operator Activities. Information and Exchange Processes in Technical Activities (SPS "ConsultantPlus").
4. *Malyshkin A. V.* Integration of Artificial Intelligence into Public Life: Some Ethical and Legal Problems. *Vestnik SPbSU. Law.* 2019. Vol. 10. No. 3.
5. *Belov S. A., Tarasova K. V.* Understandability of Legal Texts: Fiction or Presumption? *Vestnik SPbSU. Law.* 2019. Vol. 10. No. 4.
6. Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 30 July 2013 No. 62 "On Some Issues of Compensation for Losses by Persons Who Are Part of the Bodies of a Legal Entity" (SPS "ConsultantPlus").
7. *Bykov A. Iu.* Digital Economy in Lobbyism: Essays on the History of the World Digital Economy. Moscow: Prospekt, 2018.
8. *Privalov A.* Artificial Intelligence Has Learned to Pass Sentences. 2019. URL: <http://www.popmech.ru/technologies/362972-iskusstvennyy-intellekt-nauchilsya-vynosit-prigovory> (date of the application: 19.08.2020).
9. *Morkhat P. N.* Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil Law Problems: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2018.

**ВЛАСТЬ, ЗАКОН И ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ
В РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОТХОДА КРЕСТЬЯН
В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-21-27>

Актуальность данной темы определяется пробуждением интереса ученых в современной России к проблеме отхода крестьян на заработки в пореформенное время. Связано это с расширением сегодня практики массового перемещения населения страны в поисках новых рынков труда. Для принятия правильных политико-экономических и правовых решений в деле государственного управления особенно важно изучение вопроса о влиянии российских властей на развитие этого процесса в прошлом. Предметом настоящего исследования является деятельность сельской и центральной власти в деле регулирования промыслов крестьян в пореформенной деревне. Автор в статье поставил цель проанализировать особенности и последствия регулирования властью ежегодного грандиозного перемещения крестьян в поисках заработка, а также соотношение официальных законов и правовых обычаев в деле найма отходников. Методологию работы составили общенаучные методы познания, а именно анализ, синтез, историзма, сравнения и ряд других. В статье проведен анализ фактического материала, на основе которого сделан вывод о том, что отход в земледелие возник в результате правительственной реформы в 1861 г. Все изучаемое время центральная власть регламентацией процесса занималась вяло и неохотно, а местные власти ставили этому движению разные препоны. Перемещение крестьян происходило стихийно, власть не контролировала направления отхода, доставку работников, рынки найма, заболевания и травматизм, правовое положение в местах найма. Автор установил, что оба закона о найме сельских работников отвечали только интересам нанимателей, однако они были менее кабарльные, чем местные правовые обычаи. Полное безразличие властей к судьбам отходников постепенно меняло их сознание и превращало их в активные политические элементы. Научная новизна аккумулируется в новой постановке проблемы о роли власти и законов о труде в развитии промыслов. Автор пришел к выводу о необходимости исследования причин активного участия отходников в политических событиях начала XX в. Материалы статьи заслуживают внимания специалистов в сфере управления сельским хозяйством, ученых, изучающих политические и правовые процессы в пореформенной деревне, а также преподавателей истории и теории государства и права, краеведов.

СКРЯБИН

Игорь Валерьевич

кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры
государственно-правовых
дисциплин Тульского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Тула)

ig1012008@yandex.ru

**Земледельческий отход
крестьян;
власть и промыслы крестьян;
закон о найме в деревне;
правовой обычай;
правовое положение
отходников**

Igor V. SKRYABIN

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department
of State Law Disciplines,
Tula Institute (Branch) of All-Russian
State University of Justice (Tula)

ig1012008@yandex.ru

**POWER, LAW AND LEGAL CUSTOM IN THE DEVELOPMENT
OF AGRICULTURAL WASTE OF PEASANTS
IN POST-REFORM RUSSIA (ACCORDING
TO THE MATERIALS OF THE TULA PROVINCE)**

The urgency of this topic is determined by the awakening of scientists in modern Russia to the problem of peasants' departure for work in the post-reform period. This is due to the expansion of the practice of mass displacement

**Agricultural waste of peasants;
power and crafts of peasants;
law on employment in the village;
legal custom;
legal status of waste workers**

of the country's population in search of new labor markets. In order to make the right political, economic and legal decisions in government, it is especially important to study the influence of the Russian authorities on the development of this process in the past. The subject of this study is the activities of the rural and central authorities in regulating the crafts of peasants in a reformed village. The author's goal in this article is to analyze the peculiarities and consequences of the authorities' regulation of the annual grandiose movement of peasants in the search, as well as the relationship between official laws and legal practices in the hiring of waste workers. The methodology of the work was composed of general scientific methods of cognition, namely analysis, synthesis, historicism, comparison and a number of others. The article analyzed the actual material on the basis of which it was concluded that the waste in agriculture was the result of the government reform in 1861. Throughout the time under study, the central government was sluggish and reluctant to regulate the process, while the local authorities put various obstacles to the movement. Peasants were moved spontaneously, the authorities did not control the directions of departure, the delivery of workers, recruitment markets, diseases and injuries, and the legal situation in the places of employment. The author found that both laws on employment of rural workers were only in the interests of employers, but they were less oppressive than local legal customs. The authorities' complete indifference to the fates of waste workers gradually changed their consciousness and turned them into active political elements. Scientific novelty is accumulated in a new formulation of the problem of the role of the authorities and labor laws in the development of the industry. The author came to the conclusion that it was necessary to study the reasons for active participation of waste workers in political events of the early 20th century. The materials of the article deserve attention of specialists in the sphere of agriculture management, scientists studying political and legal processes in the post-reform village, as well as teachers of history and theory of state and law, local historians.

Тульские крестьяне были вынуждены заниматься промысловой деятельностью уже в дореформенную эпоху. По договоренности с помещиком, чтобы оплатить оброк, некоторые крепостные летом уходили на заработки из своей губернии. В Военно-статистическом обозрении Тульской губернии, опубликованном за год до отмены крепостного права, говорится: «... в неурожайные годы многие крестьяне, особенно из больших семей, уходят на заработки в Москву, а нередко и на юг, в землю Войска Донского» [1, с. 70]. Однако массовым отходничеством стало после реформы 1861 г. «Общее положение об освобождении крестьян от крепостной зависимости» предоставляло крестьянам личную свободу и общегражданские права. Теперь крестьяне могли владеть движимым и недвижимым имуществом, заключать любые сделки, выступать как юридические лица. Они освобождались от личной опеки помещика, могли менять место жительства и наниматься на любые работы. Согласно ст. 22 крестьяне могли заключать всякие дозволенные законом договоры, обязательства и подряды [2, с. 47].

Неуклонный рост в пореформенный период отходничества можно проиллюстрировать данными паспортной статистики. Если в 60-х гг. XIX в. местные крес-

тьяне ежегодно брали в среднем по 46 тыс. паспортов, то уже в 1900 г. количество документов увеличилось до 240 тыс. Цифры паспортной статистики подтверждают и данные статистических обзоров Тульской губернии, которые составлялись волостными правлениями: 1889 г. – 115 тыс., 1900 г. – 224 тыс. отходников [3, с. 17, 9].

Архивные материалы и различные статистические сведения показывают, что Тульская губерния входила в число губерний с хорошо развитыми промыслами. Среди 50 губерний Европейской России ей в начале XX в. принадлежало девятое место по отходу крестьян.

Отметим, что очень быстро право крестьян на заработки в других регионах превратилось в необходимость ими заниматься. Правительство, совершая реформу в интересах помещиков, лишило селян части земель, которые им ранее принадлежали. Пашни оказалось не только мало – зачастую она была очень низкого качества. Однако и за эти клочки надо было платить большие выкупные платежи. Придавили крестьян и высокие налоги.

Правительство, конечно, знало о малоземелье и недостатке денег у хлебопашцев, но за 40 порефор-

менных лет ничего существенного по улучшению положения в деревне не сделало. Спасение крестьян стало делом рук самих крестьян. В 1902 г. Тульскую губернию по заданию Министерства финансов обследовал чиновник М. Н. Кашкаров, который установил, что за 40 лет земельный голод увеличился, деревня на грани выживания и без промыслов на стороне хозяйство вести невозможно [4, с. 60]. Значение заработков для земледельцев показывает сложившиеся к этому времени поговорки: «Соха кормит, налоги на стороне»; «соха кормит, промыслы одевают» [5, с. 26, 28]. Время от времени разные чиновники, комиссии, губернаторы сообщали императору о размахе земледельческих промыслов, но нужной реакции не следовало. Центральная и местная власть не получала специальных инструкций о регулировании отходничества и тактику в отношении этого процесса выработывала сама. Особенно оригинально действовала сельская администрация, руководствуясь в вопросах регулирования отходничества прежде всего своими интересами.

Отменив крепостное право, царское правительство сохранило общину в тех местностях, где она была до реформы, в том числе в Тульской губернии. Она обеспечивала оплату всех податей, и власть передала ей огромные права. Вместо старого господина-барина крестьяне в 1861 г. получили нового – общину. Администрации общины и сельскому начальству был невыгоден отход селян на промыслы (голоса на сходе, уплата налогов и платежей, исполнение повинностей и т.д.) Поэтому они не только не помогали отходникам, но и ставили им различные препоны в осуществлении промысловой деятельности. Ежегодно, чтобы вырваться из лап местной власти, отходник обязан был уплатить все подати и получить паспорт. Сельское начальство за небольшую недоимку в форме придирки может не дать паспорт, нередко сообщали из тульской деревни [6, с. 233]. В течение 40 лет до 1897 г. за документ на отлучку надо было платить, полугодовой билет стоил рубль. Кроме того, волостному писарю (важная фигура) приходилось доплачивать, чтобы он в паспорте подросткам набавлял возраст, и они считались полноценными работниками и могли побольше заработать. Но и с отменой платы за документ отход продолжал оставаться стесненным целым рядом обстоятельств. «Паспорт выдавался не иначе как с разрешения сельского старосты, волостного старшины и земского начальника», – писал в начале XX в. тульский помещик С. Терехов [6, с. 389, 390]. Члены семей, уходившие на заработки, обязаны были отцу высылать деньги для хозяйских нужд, а тех, кто уклонялся от этого долга, по просьбе отца сельский староста возвращал в деревню. Самых строптивых сельская власть могла и наказать, лишив части отцовского имущества. Таким образом, пося-

гательство происходило и на результаты труда, и на размер наследства отходника.

Но были случаи, когда на отхожие заработки крестьяне отправлялись по принуждению местных властей. В основном это были «стесненные в деньгах недоимщики», которым приходилось «брать работу на самых невыгодных условиях». Происходило это просто. Обычно прибывший зимой приказчик угощал сельское начальство. Оно, в свою очередь, собирало недоимщиков и «давило» на них. Крестьяне вынуждены были заключить договоры за невысокую плату и взять при этом небольшой задаток. За помощь при найме волостной староста и писарь получали от приказчика деньги. Иногда отдавали неисправного плательщика в работы на местном заводе. Происходило это по воле сельской администрации, но решения принимала община. По запросу из ближайшего заводоуправления хронического неплательщика отправляли заготавливать и возить дрова, перевозить уголь и чугун и т.д. Недоимку удерживали из его заработка. Оба примера говорят о том, что местные власти «поддерживали» отход в том случае, если польза от него была не отходнику, а начальству.

Какими соображениями руководствовались тульские крестьяне, выбирая то или иное направление промысла? По свидетельству очевидцев отхода, волостных старост, местные отходники обычно выбирали район заработков случайно, по слухам, по инерции. Волостные правления, как правило, не ориентировали уходивших крестьян на лучшие в сезоне районы найма [7, с. 7]. Правительство также не вмешивалось в это и не проявляло нужного интереса к организации отхода и его направлениям. Центральная и местная власть не регулировала отход, не информировала о видах на урожай в других регионах и о размерах спроса там на рабочие руки. Такое безразличие к судьбам промыслового населения нередко приводило к тому, что крестьяне проходили места хорошего спроса на рабочую силу и возвращались домой без заработка.

Отметим также, что очень сложно было из-за удаленности Тульской губернии добраться крестьянам до района заработков. Часть туляков вынуждена была идти пешком, чтобы таким способом сэкономить несколько рублей. Большинство отходников пользовалось железными дорогами. Для их перевозки предназначались вагоны самого дешевого, четвертого класса. Но и эти вагоны были дороги для рабочих, к тому же их часто не хватало, и рабочих перевозили в товарных составах. Товарные вагоны набивались людьми битком, поезд двигался очень медленно. Крестьяне терпели убытки из-за медленного движения транспорта, так как поздно прибывали на работу и в пути проедали много денег. На съезде землевладельцев Кубанской области в 1902 г. чиновник

Морев сообщал собравшимся, что большую группу крестьян, выписанных в мае из губерний земледельческого центра, доставляли на Кубань более двух месяцев и привезли тогда, когда работы фактически были завершены [8]. Санитарные, железнодорожные и полицейские службы перевозки крестьян не контролировали и помощи не оказывали. Правительство хорошо знало о мытарствах сельских рабочих на транспорте, не раз этот вопрос обсуждало, но так до 1917 г. ничего и не сделало по улучшению перевозок отходников в стране.

Мы видим, что значительное влияние на развитие отхода в стране оказывала политика властей. Но был и второй серьезный фактор – законодательные акты, регулирующие наемный труд в земледелии в пореформенное время, анализ которых мы и проведем.

Правовые отношения сельскохозяйственных рабочих с помещиками и кулаками по всей России регламентировались специальными законами. Первое положение о труде в земледелии появились вскоре после отмены крепостного права. 22 апреля 1863 г. император Александр II утвердил «Временные правила о сельских рабочих», целью которых являлось закрепление рабочих рук за нанимателями. Эти правила, естественно, распространялись и на отходников. Согласно документу землевладельцы получили право за отлучку и плохую работу взыскивать с наймита денежный штраф в размере двойного поденного заработка. Свободный работник мог уйти от нанимателя раньше окончания срока найма, но только в случае, если хозяин наносил ему побои и телесные повреждения. А неугодного работника можно было в любое время рассчитать за малейшее нарушение и отказ выполнять условия договора. Однако сельские наниматели, особенно представители южных губерний, считали правила 1863 г. слишком мягкими и много раз ходатайствовали перед правительством об их изменении. По их мнению, новые правила должны обеспечить хозяев дешевыми рабочими руками, «которые бы не смели «фордыбачить» и сидели бы тише воды и ниже травы при самых скверных условиях существования» [9, с. 57].

Не дожидаясь появления нового закона, хозяева Донской и Кубанской области сами создали и стали применять специальные правила найма пришлых работников. Единственной обязанностью землевладельцев по отношению к рабочим являлась здесь выдача расчетной книжки. Перечень обязанностей работника – это главная часть договора. Неисполнение отходниками требований хозяев приравнялось к восстанию против правительственных властей. Хозяин имел право штрафовать наймита за самовольную отлучку в течение одного дня в тройном размере, а за утрату инструмента взыскивать по своему усмотрению [10, с. 13–15].

В конце концов новый свод законов о сельских рабочих был готов и под названием «Положение о найме на сельские работы» (далее – Положение) 12 июня 1886 г. был утвержден Александром III [11].

Данный документ, наиболее полно учитывающий интересы нанимателей как центра, так и юга России и ставивший работников в огромную зависимость от землевладельцев по всей стране, действовал практически без изменений более 30 лет. Положение было попыткой государства усилить свою роль в урегулировании общественных отношений, в решении споров помещиков и наемных крестьян, но, как мы увидим, землевладельцы в местах прихода работников не всегда придерживались официального закона и часто применяли при найме работников свои, более суровые и жесткие местные обычаи. Обратимся к правовому положению и условиям труда тульских крестьян в южных губерниях.

Анализ различных материалов свидетельствует о том, что измученные изнурительным трудом крестьяне-отходники не получали нормальных условий для отдыха. Положение 1886 г. очень мало внимания уделяло проблеме качества жилья наймитов. Статья 27 предписывала, что вопрос о жилище рассматривается по желанию сторон, и его можно включать в условия контракта, а можно и не вносить. О характере помещений Положение вообще умалчивало, за исключением ст. 60, которая не разрешала размещать наймитов в инфекционных комнатах, где до этого проживали больные люди.

Прямо с рынка рабочих привозили в поле, где не было, как правило, никаких помещений для жилья. Работники часто спали и работали под открытым небом. Иногда сооружали для них шалаши или сараи. По местным обычаям, писал исследователь В. В. Хижняков, некоторые хозяева на юге приспособивали для рабочих старые бани, амбары, конюшни. Только в крупных имениях для этих целей строились специальные казармы, куда до отказа набивали пришлых крестьян, нарушая при этом элементарные правила санитарии.

Южные губернии держали рекорд по продолжительности рабочего дня в России в летнее время. На каких бы идеологических позициях ни находились дореволюционные исследователи отхожих промыслов (Н. В. Шаховской, В. В. Хижняков, Е. Варб), все они дружно отмечали, что работники здесь по обычаю трудились столько, сколько потребует хозяин [7; 12; 13]. Величина рабочего дня определялась не законом, а границами светового дня, т.е. с восхода солнца и до сумерек, и равнялась 14–15 часам. Никакой статистики нормирования рабочего времени в сельском хозяйстве России не существовало, так как даже не существовало самой постановки вопроса о регулировании рабочего дня в деревне. Правительство

это считало лишним. В каждом регионе действовали местные обычаи, которые в летнюю пору позволяли захватывать значительную часть ночи для ухода за скотом, для ремонта орудий и упряжи. Во многих хозяйствах работали обычно по ночам при луне и кострах. Возникла ночная молотьба. В такие дни рабочий день увеличивался до 20 часов в сутки. Примерно такой же протяженности был рабочий день на табачных плантациях.

Важным показателем положения крестьян-отходников являлось их питание. Существовало два вида найма – на своих и на хозяйских харчах. Естественно, что пришлые работники приглашались в основном на харчи нанимателей, что давало возможность экономить на их продовольствии.

Согласно официальному законодательству, выделяемые харчи должны были быть доброкачественными и примерно соответствовать пище середняцких семей данной местности (ст. 34 Положения). Однако эту статью наниматели южных губерний ловко обходили. Ни по составу, ни по норме еда не отвечала требованиям закона. Продуктов выдавалось всего несколько наименований и в мизерных объемах. Главной провизией являлись ржаной хлеб, картофель, крупа и капуста. Князь Н. В. Шаховской, которого трудно заподозрить в симпатиях к рабочим, писал: «Пища дается им самая скверная и в недостаточном количестве» [7, с. 90]. Стремясь уменьшить расходы на харчи рабочих, наниматели максимально отступали от указанной ст. 34.

Нередко от весеннего холода и тяжелой работы отходники заболевали. В этом случае местные землевладельцы поступали с ними безжалостно. Зная, что пострадавших наймитов закон не защищает, они по традиции распорядились отвезти их на дорогу и там оставить. Лечебницы часто находились от хозяйств в 10–15 верстах, и, чтобы попасть на лечение, путь нужно было пройти пешком.

Еще более трагическими оказывались последствия для крестьян, получивших травму. Чрезвычайно напряженный труд на юге вел к значительному травматизму. Из тысячи травмированных в земледелии умирало в среднем 37 человек, а в 228 случаях терялась трудоспособность. Статья 46 Положения требовала от нанимателей в случае, если травма случится по их вине, позаботиться о пострадавшем, однако в реальной жизни происходило по-другому. Рабочим, получившим травму, не оказывалась никакая денежная помощь. По местному обычаю их выгоняли из хозяйства или в лучшем случае калек оставляли в качестве ночных сторожей.

Значительная часть тульских крестьян уходила на заработки в соседние губернии, например в Калужскую. Прельщало, что позже выходить, ближе идти, но условия работы и правовое положение работни-

ков были здесь не намного лучше, чем на юге. Начнем анализ с обязанности наймита являться на работу в строго назначенный срок. Официальный закон к этому подходил просто: как сговорятся участники сделки, так и будет (ст. 48 Положения). Однако по образцу южных губерний сюда вмешивалось обычное право, которое объявляло неявку на службу по первому требованию хозяина грубым нарушением и требовало уплатить штраф, в два раза превышающей дневной заработок.

Максимально длительным, как и на юге, был здесь рабочий день, причем как летом, так и зимой. У части хозяев начинали трудиться глубокой ночью, а помещик, у которого работали с рассвета, почитался как благодетель. Очень коротким был обеденный отдых. Если бывает отдых в полдень, то делается это только для скота, так как самому батраку дают другую работу, традиционно сообщали из губерний [14, с. 19]. Обычной была работа в выходные и праздничные дни. Однако и этого калужским хозяевам было недостаточно, и они написали в Синод письмо с желанием в летние месяцы отменить часть праздничных нерабочих дней.

Подражая южным землевладельцам, местные хозяева также практиковали наем на харчах нанимателя. Одинаковые были здесь и злоупотребления в отношении выдачи провизии. На рекомендацию официального закона о кормлении пришлых рабочих как в местных середняцких семьях внимания никто не обращал. Из волостных правлений в 1898 г. сообщали, что «рабочие в помещичьих имениях нередко умирают с голоду, кормят их дохлятиной и сыром» [15, с. 33].

Если и дальше мы будем сравнивать статьи официального права с использованием правового обычая в Калужской губернии, то увидим, что практически все нормы Положения подменялись местными обычаями, более жесткими и суровыми. Так, ст. 36 Положения запрещала работнику сразу наниматься к двум хозяевам, и за это нарушение «многостаночника» возвращали в первого нанимателю. Местная традиция была более безжалостной и предлагала обманщика наказывать розгами. Или другой случай: если работник допустил прогул, то ст. 50 и 51 Положения требовали наказания путем вычета за прогул в двойной плате за день. Обычное право не церемонилось с прогульщиком и заставляло его за прогульный день отработать два плюс штраф по усмотрению хозяина.

Приведенные в статье материалы показывают, что правительство и местная власть отход крестьян на заработки не считали явлением, которое заслуживает большого внимания. Процесс мало контролировался и изучался, недостаточно делалось обобщений и выводов о его влиянии на общественно-политическую

жизнь страны. Летом 1902 г. по распоряжению императора Николая II было создано «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», а затем учреждены и приступили к работе губернские и уездные комитеты по обсуждению проблем сельского хозяйства. Именно в трудах Особого совещания проявился должный интерес к отходничеству, установлены примерные масштабы крестьянских промыслов и их значение для российского земледелия, высказана тревога за слабый контроль этого процесса. Но рекомендации губернских комитетов в основном остались лишь на бумаге, что подтверждается незначительными изменениями отношения властей к практике земледельческого отходничества в начале XX в.

Никто в правительстве серьезно и основательно не занялся подсчетами и прогнозированием последствий массового отхода для деревни. А последствия вырисовывались безрадостные. Думая только о сохранении помещичьего землевладения, о прибылях хозяев, о сглаживании противоречий между нанимателями южных и центральных губерний, власти закрывали глаза на внутренние процессы в селе. Здесь в результате ухода крестьян на промыслы появилось много негатива: пьянство, хулиганство, разорение семей, распад браков, внебрачные дети, высокая смертность среди грудных детей, снохачество и др.

Отход как явление трудовой миграции нанес урон трудовому воспитанию. Традиционно семья воспитывала тягу к труду, приучала подростков работать на своей земле, относиться к ней бережно, как к кормилице. Но 40 пореформенных лет наложили отпечаток на любовь к родной земле. Из уездов Тульской губернии сообщали, что молодые крестьяне, побывавшие в отхожих промыслах, «отвыкли от домашних работ, земля перестала для них быть опорой, и потерей надежда их не запугаешь» [16, с. 31].

Сельская власть не смогла спасти падение авторитета отца в семье. Столетиями с детства подростки усваивали, что нельзя противиться воли отца, власть его священна. Отца надо уважать и беспрекословно слушаться. Однако пореформенная жизнь поменяла взгляд детей на значение отца. С молодых лет сыновья с отцом находились в отхожих промыслах, терпели одинаково трудности и лишения и добывали для семьи не меньше средств, чем их отец. Приобретая опыт и экономическую самостоятельность, они постепенно выходили из подчинения родителей. Мнение и приказы отца перестали для детей быть ре-

шающими. Земский начальник С. А. Новиков писал о падении авторитета отца: «Жизнь становится адской: дети дерутся, бабы ругаются и тоже дерутся, мужики из-за всего ссорятся» [17, с. 28]. Вразумить пьяницу или бунтовщика отец уже не мог.

Но самым опасным для властей было то, что малограмотные крестьяне, работая на передовом юге России по восемь месяцев ежегодно, постепенно обзаводились жизненным опытом, расширяли кругозор, приобретали общественную активность. В головах появлялось критическое отношение к власти и закону, а самое главное – антимонархические и революционные настроения. В Российском государственном историческом архиве (фонд Министерства юстиции) хранятся дела, которые показывают активную роль отходников в 1902 г. в организации сопротивления властям в уездах Тульской губернии [18].

Подведем итоги. Историко-правовой анализ развития земледельческих промыслов крестьян в пореформенный период показывает, что сельская администрация была не заинтересована в уходе селян из региона и всячески этому чинила препятствия. Правительство, подтолкнув к росту земледельческие промыслы реформой 1861 г., преграды процессу не ставило, однако полностью не понимало важности и необходимости его регулирования и контроля. Количество отходников из года в год увеличивалось, но это движение происходило стихийно, что значительно снижало его результаты. Безусловно, промыслы вдали от дома способствовали развитию капитализма в земледелии, росту товарно-денежных отношений, мобильности и правового сознания крестьян. Однако и негатива от этого явления в деревне оказалось с избытком. Принятые правительством два закона о найме в земледелии защищали интересы только нанимателей, сглаживали противоречия между ними и были направлены против работников. По всей России более 30 лет действовало Положение. Оно имело много недостатков, но поддерживало в сельском хозяйстве отношения свободного капиталистического найма, в то время как местные обычаи подкрепляли кабальные условия и были более суровы, чем официальное законодательство. Необъективное отношение властей к указанному движению, безразличие к судьбам отходников, несправедливость законодательства в земледелии, подмена официальных законов более строгими правовыми обычаями – все это способствовало превращению крестьян-отходников в активных участников антифеодального и антимонархического движения в деревне в начале XX в.

Пристатейный библиографический список

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 6. Ч. 4 : Тульская губерния. СПб. : Тип. Департамента Генерального Штаба, 1852.
2. Высочайше утвержденное общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 36657.
3. Минц Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М. : Вопр. труда, 1926.
4. Кашкаров М. Н. Статистический очерк хозяйственного и имущественного положения крестьян Орловской и Тульской губерний. СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1902.
5. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа: сборник: в 2 т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1984.
6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 43 : Тульская губерния. СПб. : Народная польза, 1903.
7. Шаховской Н. В. Сельскохозяйственные отхожие промыслы. М. : Изд. Н. Сытина. 1896.
8. Северный Кавказ. 1902. 10 окт.
9. Ярошко А. Рабочий вопрос на юге. Его прошедшее, настоящее и будущее. М. : Тип. И. Н. Кушнерев и Ко, 1894.
10. Абрамов Я. Фабричные порядки в сельском быту // Экономический журнал. 1885. Кн. 2.
11. Положение о найме на сельскохозяйственные работы от 12 июня 1886 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 6. СПб., 1888. № 3863.
12. Хижняков В. В. Положение рабочих в сельском хозяйстве в санитарном отношении. Херсон, 1899.
13. Варб Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и законодательстве. М. : Маг. «Кн. дело», 1899.
14. Статистическое описание Калужской губернии Т. 1 : Козельский уезд. Вып. 2. Калуга : Тип. Губ. правл., 1898.
15. Статистический обзор Калужской губернии за 1898 год. Калуга : Тип. Губ. правл., 1898.
16. Сопровождение г. земских начальников Тульской губернии 1898 года. Тула, 1898.
17. Новиков А. И. О сельскохозяйственных нуждах Тульской промышленности. Тула, 1903.
18. Российский государственный исторический архив. Ф.1405. Оп. 105. Д. 8242, 8889, 9251.

References

1. Military and Statistical Review of the Russian Empire. Vol. 1. Part 4: Tula Province. St. Petersburg: General Staff Department Printing House, 1852.
2. The Highest Approved General Provision for Peasants Who Came Out of Serfdom of 19 February 1861. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection 2. Vol. 36. D. 1. St. Petersburg, 1863. No. 36657.
3. Mints L. E. A Peasant's Departure in the USSR. Moscow: Vopr. truda, 1926.
4. Kashkarov M. N. Statistical Essay on the Economic and Property Status of Peasants in Oryol and Tula Provinces. St. Petersburg: V. Kirshbaum's Printing House, 1902.
5. Dal V. I. Proverbs and Sayings of the Russian People: Collection. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1984.
6. Proceedings of the Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry. St. Petersburg: Narodnaia pol'za, 1903.
7. Shakhovskoi N. V. Agricultural Waste Crafts. Moscow: N. Sytin's Edition, 1896.
8. North Caucasus. 10 October 1902.
9. Iaroshko A. Working Issue in the South. His Past, Present and Future. Moscow: Printing House I. N. Kushnerev and Co, 1894.
10. Abramov Ia. Factory Orders in Rural Life. *Economic Journal*. 1885. Book 2.
11. Regulation on Hiring for Agricultural Work dated June 12, 1886. *Complete Collection of Laws of Russian Empire*. Collection 3. Vol. 6. St. Petersburg, 1888. No. 3863.
12. Khizhniakov V. V. Provision of Workers in Agriculture in Sanitary Respect. Kherson, 1899.
13. Varb E. Hired Agricultural Workers in Life and Legislation. Moscow: Shop "Knizhnoe delo", 1899.
14. Statistical Description of the Kaluga Province. Vol. 1: Kozelsky District. Issue 2. Kaluga: Typ. by Provincial Government, 1898.
15. Statistical Review of the Kaluga Province in 1898. Kaluga: Provincial Government's Printing House, 1898.
16. Meeting of Zemstvo Chiefs of Tula Province in 1898. Tula, 1898.
17. Novikov A. I. On the Agricultural Needs of the Tula Industry. Tula, 1903.
18. Russian State Historical Archive. F. 1405. Ser. 105. Files 8242, 8889, 9251

ДОСТИЖЕНИЯ И НЕДОСТАТКИ ТЕХНИКИ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ДЕФИНИЦИЙ «КОРРУПЦИЯ» И «КОРРУПЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В ИСТОЧНИКАХ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-28-33>

Работа посвящена изучению нормативных актов международного права, формирующих современные стандарты антикоррупционной деятельности. Проблематика исследования сводится к изучению официальных определений коррупции и коррупционного преступления в международном праве, которые могут быть приняты за основу для разработки соответствующих положений национального права о противодействии коррупции. Предмет: современные источники международного права, принятые в процессе нормотворческой деятельности различными международными организациями: ООН, Советом Европы, СНГ и др. Цель: установить юридически значимые признаки таких категорий, как «коррупция» или «коррупционное преступление», которые предусмотрены в действующих международных нормативных актах и могут использоваться в качестве основы для формирования дефиниций в российском антикоррупционном законодательстве. Методология проведенного исследования включает в себя преимущественно диалектический, сравнительно-правовой и формально-логический методы научного познания, а также методы анализа и синтеза. Основное содержание и новизна статьи: в работе констатируется факт признания коррупции в качестве социально опасного явления, вредные последствия которого распространяются как на национальные, так и на международные интересы. В этой связи представлен последовательный анализ различных источников современного международного права, которыми устанавливаются общие правила осуществления антикоррупционной деятельности, а также требования к государствам – членам международного сообщества об обеспечении гарантий реализации мер юридической ответственности за совершение коррупционных преступлений. Научная новизна работы заключается в установлении факта нарушения правил юридической техники, имеющего место во всех без исключения действующих источниках международного права, относительно формулирования общего определения коррупции и коррупционного преступления. Основные результаты исследования и область их применения сводятся к обозначению видов юридических ошибок, допущенных при формулировании дефиниций «коррупция» и «коррупционное преступление», что может быть использовано при установлении указанных дефиниций на уровне национального законодательства о противодействии коррупции. Самостоятельные выводы автора: сформулирован вывод о необходимости формирования дефиниций «коррупция» и «коррупционное преступление» на уровне национального права, поскольку источники международного права содержат противоречивые и терминологически не согласованные определения указанных категорий.

БЛАШКОВА
Людмила Леонидовна

старший преподаватель
кафедры уголовного права
и уголовного процесса Югорского
государственного университета
(г. Ханты-Мансийск)

blashkovaugra@yandex.ru

**Коррупция;
коррупционное преступление;
международное право;
юридическая техника;
дефиниции
антикоррупционного
законодательства;
нормотворчество**

Liudmila L. BLASHKOVA

Senior Lecturer, Department
of Criminal Law and Criminal
Procedure, Ugra State University
(Khanty-Mansiysk)

blashkovaugra@yandex.ru

ACHIEVEMENTS AND SHORTCOMINGS OF THE TECHNIQUE OF FORMULATING THE DEFINITIONS OF “CORRUPTION” AND “CORRUPTION CRIME” IN THE SOURCES OF MODERN INTERNATIONAL LAW

**Corruption;
corruption crime;
international law;
legal technique;
definitions of anti-corruption
legislation;
rule-making**

The work is devoted to the study of normative acts of international law that form modern standards of anti-corruption activities. The research problem is reduced to the study of official definitions of corruption and corruption offenses in international law, which can be taken as a basis for the development of relevant provisions of national law on combating corruption. Subject: modern sources of international law adopted in the process of rule-making by various international organizations: the UN, the Council of Europe, the CIS, etc. Purpose: to establish legally significant signs of such categories as “corruption” or “corruption crime”, which are provided for in the current international regulations and can be used as a basis for the formation of definitions in Russian anti-corruption legislation. The methodology of the research carried out mainly includes dialectical, comparative legal and formal logical methods of scientific knowledge, as well as methods of analysis and synthesis. The main content and novelty of the article: the paper states the fact of recognition of corruption as a socially dangerous phenomenon, the harmful consequences of which extend both to national and international interests. In this regard, a consistent analysis of various sources of modern international law is presented, which establish general rules for the implementation of anti-corruption activities, as well as requirements for member states of the international community to ensure the implementation of measures of legal responsibility for committing corruption crimes. The scientific novelty of the work lies in the establishment of the fact of violations of the rules of legal technique, which takes place in all, without exception, existing sources of international law regarding the formulation of a general definition of corruption and a corruption crime. The main results of the study and their area of application are reduced to the designation of the types of legal errors made in the formulation of the definitions of “corruption” and “corruption crime”, which can be used to determine these definitions at the level of national anti-corruption legislation. The author’s independent conclusions: the conclusion is made about the need to form definitions of “corruption” and “corruption crime” at the level of national law, since the sources of international law contain contradictory and terminologically inconsistent definitions of these categories.

Противодействие коррупции в настоящее время рассматривается не иначе как проблема международного характера. Высокие темпы развития международной интеграции в самых разнообразных сферах деятельности: экономике, военной безопасности, науке, культуре, искусстве и др. – приводят к возникновению уникальной ситуации, при которой деструктивные социальные явления в одной стране негативно отражаются на интересах многих стран мирового сообщества. Феномен коррупции заключается в том, что данное социальное явление причиняет вред почти что всем сложившимся в обществе отношениям. Исходя из этого высокая степень коррумпированности в одном государстве наносит ущерб не только национальным, но и международным интересам.

Учитывая это, одним из направлений развития современного международного права является формирование антикоррупционных стандартов, т.е. определения коррупции как социально негативного явления, видов коррупционных преступлений, особенностей ответственности за их совершение, процедур осуществления международного антикоррупционного сотрудничества и пр.

В настоящее время основным источником международного права в области противодействия коррупции является Конвенция ООН против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.) [1]. Несмотря на специализированный характер данного международного нормативного акта, в его нормах не содержится определений коррупции и (или) коррупционного пре-

ступления. Здесь предусмотрены только отдельные виды правонарушений, которые предлагается считать коррупционными преступлениями. Думается, что для источника международного права, специально предназначенного для установления стандартов нормативного обеспечения антикоррупционной деятельности, отсутствие официальной дефиниции коррупции и ее подмена описанием частных случаев коррупционных посягательств являются довольно существенным недостатком юридической техники.

Более высокую степень качества в этой части демонстрируют отдельные нормативные акты международного права, принятые в процессе деятельности региональных международных организаций. В первую очередь следует обратить внимание на страсбургские конвенции 1999 г. Одна из них указывает на специфику применения уголовной ответственности, а другая перечисляет меры гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Так, государства – члены Совета Европы в Конвенции от 27 января 1999 г. № 173 [2] устанавливают наказания, применяемые за «уголовные правонарушения», которые должны быть предусмотрены национальным законодательством о противодействии коррупции (гл. II). В действительности здесь речь ведется о видах преступлений, которые должны быть закреплены в нормативных актах каждого государства, ратифицировавшего указанную Конвенцию.

От Конвенции ООН 2003 г. этот нормативный акт отличается достаточно значительный перечень видов «коррупционных правонарушений» (ст. 2–14), к которым относятся: активный и пассивный подкуп национальных и иностранных должностных лиц; злоупотребление влиянием в корыстных целях; отмыwanie доходов, полученных в результате совершения коррупционных действий; правонарушения в сфере бухгалтерского учета и др. В этой же Конвенции кроме видов уголовно-наказуемых коррупционных правонарушений предусматриваются и виды мер ответственности, которые государства – участники Совета Европы также обязуются применять в процессе осуществления борьбы с коррупцией: лишение свободы, штраф, конфискация имущества и др. [3]

Страсбургская Конвенция от 4 ноября 1999 г. в действительности устанавливает не дополнительные меры гражданско-правового характера за коррупционные правонарушения, а, напротив, обязывает предусмотреть в национальном законодательстве средства эффективной правовой защиты лиц, которым был причинен ущерб в результате совершения коррупционного правонарушения. Таким образом, данный документ в действительности закрепляет виды обеспечительных мер, направленных на компенсацию имущественного (реальный ущерб и упущенная выгода) и нематериального вреда лицу, пострадавшему от коррупционных действий.

Как это ни странно, но в ст. 2 этого нормативного акта содержится официальное определение коррупции. Ни в одном из вышеперечисленных международных нормативных актов, определяющих принципы борьбы с коррупцией и виды ее уголовно-наказуемых проявлений, не приводится обобщенное определение коррупции, т.е. социально опасного явления, которое является предметом правового регулирования. В то же время содержание коррупции раскрывается в нормах Конвенции от 4 ноября 1999 г., нормы которой носят вспомогательный характер в вопросах противодействия коррупции, поскольку предметом их регламентации являются отношения по обеспечению восстановления прав и законных интересов потерпевшего.

И все же официальное закрепление понятия коррупции на уровне источника международного права уже можно признать большим достижением для раскрытия сущности изучаемого явления и последующего формирования группы преступлений, представляющих отдельные виды коррупционной деятельности. Так, содержание категории «коррупция» сводится к следующему: «просьба, предложение, дача или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового» [4].

Из этого определения можно выделить ряд юридически значимых признаков коррупции, которые могут рассматриваться в качестве основания составов коррупционных преступлений. Перечень данных признаков может быть представлен следующим образом:

а) предметом коррупции признаются любые материальные ценности: деньги, вещи иное имущество (взятка), а также любые действия имущественного характера, которые обеспечивают незаконное увеличение материального благосостояния (ненадлежащее преимущество);

б) материальная выгода, получаемая в результате совершения коррупционного правонарушения, может носить как прямой, так и косвенный характер. В последнем случае виновный получает материальную выгоду в результате получения выгод или иных преимуществ, являющихся средством для увеличения заработка или иного дохода, а равно увеличения благосостояния или улучшения имущественного положения своих близких;

в) формы коррупционного поведения сводятся к совершению или обещанию совершения симметричных встречных действий двух и более лиц, имеющих взаимную заинтересованность в результате совершенного коррупционного правонарушения (просьба/предложение, дача/принятие);

г) сущность коррупционного правонарушения сводится к причинению вреда личности, обществу и государству, поскольку нарушает их права и законные интересы (искажение нормального выполнения любой обязанности, ненадлежащее преимущество).

Приведенная дефиниция свидетельствует, что субъектом коррупционного правонарушения может признаваться не только должностное лицо, но и человек, не имеющий специального правового статуса. В этой части можно усмотреть юридическую несогласованность положений Конвенции от 4 ноября 1999 г. с иными международными актами, регламентирующими осуществление антикоррупционной деятельности, поскольку последние казуистично и достаточно подробно описывают статус должностных лиц, совершающих коррупционные правонарушения: «правительственный чиновник», «служащий», «служащий Сообщества», «публичное должностное лицо», «судья», «должностное лицо международных организаций», «должностное лицо публичной международной организации» и др. Можно предположить, что международное право определяет общие характеристики коррупционных преступлений, в том числе и особенности правового статуса лиц, их совершающих. Конкретизация признаков, имеющих обязательное значение для квалификации коррупционных преступлений, осуществляется на уровне национального права в соответствии с принципом уважения государственного суверенитета (если соответствующие полномочия не переданы государством-членом в компетенцию соответствующей международной организации) [5, с. 120].

Более высоким качеством техники структурирования нормативных антикоррупционных предписаний отличаются акты, принятые в рамках совместной деятельности государств – участников СНГ. К примеру, в области регламентации антикоррупционной деятельности Межпарламентской Ассамблеей СНГ принято несколько модельных законов, регламентирующих совместную антикоррупционную деятельность на территории стран Содружества. В отличие от рассмотренных выше нормативных актов международного права указанные законы предусматривают общие определения и коррупции, и коррупционного правонарушения. Однако и акты СНГ не дают исчерпывающего ответа на вопрос о содержании рассматриваемых категорий, равно как и не отличаются терминологической согласованностью и унифицированным использованием юридических категорий.

В 2003 г. принимается Модельный закон СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике», в ст. 2 которого коррупция определяется как «подкуп (получение или дача взятки), а также любое незаконное использование должностным лицом своего публичного статуса, сопряженное с по-

лучением выгоды (имущества, услуг или льгот и (или) преимуществ, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу» [6]. В свою очередь коррупционным правонарушением Модельный закон 2003 г. признает «деяние, обладающее признаками коррупции, за которое... установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность» [6].

Приведенные дефиниции нельзя признать безупречными, поскольку содержание коррупционного правонарушения в действительности не раскрывается: за любое правонарушение устанавливается тот или иной вид юридической ответственности, а определение «коррупционности» как «признака коррупции» является некорректным, так как представляет собой нормативную тавтологию, которая специалистами в области нормотворчества рассматривается как распространенная ошибка в деятельности современного законодателя [7, с. 261]. Дефиниция коррупции более удачна, но и она вызывает возражения, поскольку социально негативное явление законодатель СНГ пытается раскрыть с помощью приема открытого перечня видов должностных преступлений, которые совершаются из корыстных побуждений. Думается, что и этого явно недостаточно для раскрытия сущности такого сложного общественно опасного явления, как коррупция.

Уже в соответствии с Модельным законом 2009 г. коррупцией признается «совершение... виновного противоправного деяния», а коррупционным правонарушением – «противоправные виновные деяния (действие или бездействие): преступления, гражданско-правовые деликты, административные правонарушения, дисциплинарные проступки». Как следует из процитированных нормативных положений, принципиальных различий между категориями «коррупция» и «коррупционное правонарушение» не существует, поскольку и то, и другое представляет собой виновно совершенное противоправное деяние [8, с. 429].

Новейшим нормативным актом, принятым главами государств – членов СНГ, является Решение от 11 октября 2017 г., которым утверждена Концепция сотрудничества в противодействии коррупции [9]. Но принятая Концепция не содержит определений коррупции и коррупционного преступления, а указывает на отдельные направления межгосударственного сотрудничества в области противодействия коррупции. Из этого следует, что данные вопросы должным образом уже решены на уровне иных специальных нормативных актов СНГ (например, Модельного закона 2008 г.) либо в антикоррупционном законодательстве

каждой страны, входящей в состав СНГ. Однако одним из направлений сотрудничества заявлено совершенствование модельного законодательства СНГ в сфере противодействия коррупции [9], что указывает на необходимость по меньшей мере научных исследований в области нормативной регламентации и систематизации положений антикоррупционного законодательства как СНГ в целом, так и национальных нормативных актов стран – участниц Содружества.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что в международных актах регионального значения: Совета Европы, СНГ и др. – представлены исследуемые социально-правовые категории «коррупция» и «коррупционное преступление», но их содержание носит несистемный, а иногда и противоречивый характер. По этой причине на основании положений перечисленных видов нормативных актов затруднительно выделить специфические правовые особенности коррупционного преступления и сформировать систему видов соответствующих общественно опасных (уголовно-наказуемых) посягательств.

Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что к настоящему времени высокая общественная опасность коррупционных правонарушений (преступлений) является фактом, признанным всем международным сообществом. Подтверждением тому является значительное количество нормативных актов, принятых в результате правотворческой деятельности международных организаций различного уровня. Но, несмотря на всеобщее признание коррупции в качестве серьезной проблемы международного значения, действующие источники международного права не содержат определений коррупции и коррупционного преступления, которые носили бы универсальный характер и объединяли бы в себе совокупность юридически значимых признаков, позволяющих осуществить обособление указанных категорий. В этой связи решение данной задачи каждому государству необходимо обеспечить на уровне внутреннего уголовного законодательства с учетом специфики национальных интересов и сложившихся традиций в сфере правотворчества.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция ООН против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
2. Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3424.
3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (г. Страсбург, 27 января 1999 г.) // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
4. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (Страсбург, 4 ноября 1999 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Чиркин В. Е. Региональные межгосударственные союзы, наднациональное право и государственный суверенитет (тезисы) // Государственный суверенитет и верховенство права : международные и национальные изменения: II Московский юридический форум (Москва, 2–4 апреля 2015 г.). Материалы круглых столов. Т. 1. М. : Проспект, 2015.
6. Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22-15) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33.
7. Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2010.
8. Модельный закон «О противодействии коррупции» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 25 ноября 2009 г. № 31-20) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 43.
9. Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции» (Сочи, 11 октября 2017 г.) // Исполнительный комитет СНГ : сайт. URL: <http://cis.minsk.by> (дата обращения: 20.12.2020).

References

1. UN Convention against Corruption (New York, 31 October 2003). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 26. Art. 2780.
2. Federal Law of 25 July 2006 No. 125-FZ "On Ratification of the Convention on Criminal Responsibility for Corruption". *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3424.

3. Criminal Law Convention on Corruption (Strasbourg, 27 January 1999). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2009. No. 20. Art. 2394.

4. Civil Liability Convention on Corruption (Strasbourg, 4 November 1999) (SPS "ConsultantPlus").

5. Chirkin V. E. Regional Interstate Unions, Supranational Law and State Sovereignty (Theses). In *State Sovereignty and the Rule of Law: International and National Changes: II Moscow Legal Forum* (Moscow, 2–4 April 2015). Materials of Round Tables. Vol. 1. Moscow: Prospekt, 2015.

6. Model Law "Fundamentals of Anti-Corruption Policy Legislation" (adopted by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States of 15 November 2003 No. 22-15). *Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of Member States of the Commonwealth of Independent States*. 2004. No. 33.

7. Moskalkova T. N., Chernikov V. V. *Rule Making: Scientific and Practical Guide*. Moscow: Prospekt, 2010.

8. Model Law "On Combating Corruption" (adopted by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of 25 November 2009 No. 31-20). *Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of Member States of the Commonwealth of Independent States*. 2009. No. 43.

9. Decision of the Council of CIS Heads of State "On the Concept of Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in Combating Corruption" (Sochi, 11 October 2017). URL: <http://cis.minsk.by> (date of the application: 20.12.2020).

ЛИКВИДАЦИЯ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СССР В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-34-43>

В статье анализируется процесс отказа СССР в период перестройки от народнохозяйственного планирования. Народнохозяйственное планирование было незыблемым принципом организации советской экономики. Начиная со второй половины 1920-х гг. советские планы противопоставлялись стихийному рыночному развитию капиталистических стран. Однако в период перестройки директивное планирование было постепенно отменено. Государство отказывалось от всех своих функций в области планирования: правотворческой, планоустановительной, оперативно-исполнительной и правоохранительной. При этом акты о ликвидации народнохозяйственного планирования принимались не только на уровне Союза ССР, но и на уровне союзных республик. В статье анализируются проблемы трансформации планов предприятий из директивных планов в бизнес-планы, проблемы введения в СССР государственного заказа, проблемы планирования в сфере кооперации. Отраженное в статье исследование проводилось на основе историко-сравнительного метода: в статье анализируется конституционное «плановое» законодательство не только Союза ССР, но и союзных республик. Целью настоящей статьи является выявление юридического механизма ликвидации народнохозяйственного планирования в СССР в период перестройки. Сделанные в рамках настоящей статьи выводы позволяют утверждать, что ликвидация народнохозяйственного планирования в СССР осуществлялась целенаправленно и поэтапно: сначала в 1987 г. на нормативном уровне была закреплена установка на постепенный переход от централизованного планирования к рыночным отношениям и как временная мера вводился госзаказ, а в период с 1989 по 1991 г. на уровне Союза ССР и союзных республик отказ от централизованного планирования был закреплён напрямую.

ЛУКАШЕВИЧ

Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук,
генеральный директор ООО
«Корпорация права» (г. Москва)

kremlin2024@mail.ru

**Народнохозяйственное
планирование;
государственные планы;
государственный заказ;
плановая экономика;
директивные планы**

Dmitry A. LUKASHEVICH

Candidate of Legal Sciences, General
Director of "Corporation of Law"
(Moscow)

kremlin2024@mail.ru

**National economic planning;
state plans;
state order;
planned economy;
policy plans**

LIQUIDATION OF NATIONAL ECONOMIC PLANNING IN THE USSR DURING PERESTROIKA

The article analyzes the process of the Soviet Union's rejection of economic planning during perestroika. National economic planning was an unshakable principle of the organization of the Soviet economy. Starting from the second half of the 1920s, Soviet plans were opposed to the spontaneous market development of capitalist countries. However, during the restructuring period, policy planning was gradually canceled. The state gave up all its functions in the field of planning: law-making, planning, operational-executive and law enforcement. At the same time, acts on the elimination of economic planning were adopted not only at the level of the USSR, but also at the level of the Union republics. The article analyzes the problems of transformation of enterprise plans from policy plans to business plans, the problems of introducing state orders in the USSR, and the problems of planning in the sphere of cooperation. The research reflected in the article was carried out on the basis of a historical and comparative method: the article analyzes the constitutional "planned" legislation not

only of the USSR, but also of the Union republics. The purpose of this article is to identify the legal mechanism for the elimination of economic planning in the USSR during the period of perestroika. The conclusions made in the framework of this article suggest that the elimination of national economic planning in the USSR was carried out purposefully and in stages: first, in 1987, at the regulatory level, the setting for a gradual transition from Central planning to market relations was fixed, and as a temporary measure, the state order was introduced, and in the period from 1989 to 1991 at the level of the Soviet Union and the Union republics the rejection of Central planning was fixed directly.

Плановая экономика СССР, как уже следовало из ее названия, основывалась на народнохозяйственном планировании.

Несмотря на то что первый народнохозяйственный пятилетний план появился в конце 1920-х гг. и был рассчитан на период с 1928 по 1932 гг., экономическое планирование было в центре внимания советского руководства сразу после свершения Октябрьской революции.

Это отражалось и на нормативном уровне.

Уже первые советские конституции – Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция СССР 1924 г. – относили к ведению высших органов государственной власти СССР вопрос «установления основ и общего плана всего народного хозяйства».

Резолюция IX Съезда РКП(б) «Об очередных задачах хозяйственного строительства» обязывала осуществлять неуклонное проведение единого хозяйственного плана, что, по мнению делегатов съезда, являлось основным условием хозяйственного возрождения России [1, с. 372].

Первым общегосударственным планом принято считать план ГОЭЛРО. В 1921 г. для содействия в осуществлении плана ГОЭЛРО была создана Государственная общеплановая комиссия (впоследствии – Госплан). В том же 1921 г. Комиссия начинает составлять планы по отраслям промышленности на предстоящий год [2, с. 115].

После первого успешного опыта с планом ГОЭЛРО в начале и середине 1920-х гг. осуществлялась работа по подготовке генерального плана развития народного хозяйства на 10–15 лет вперед [3, с. 173].

Однако в конце 1920-х гг. работа по планированию народного хозяйства привела к появлению первого пятилетнего плана.

Сформировавшаяся окончательно в конце 1920-х гг. советская экономическая модель, как было принято считать, основывалась на планомерном развитии народного хозяйства, отличающемся от стихийного, непредсказуемого развития рыночной экономики [4, с. 366]. В 1952 г. советским руководством формулируется основной закон социализма – обеспечение максимального удовлетворения постоянно

растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники [5, с. 102].

Понятно, что планомерное, непрерывное развитие производства возможно только при народнохозяйственном планировании.

Уже в начале становления советского государства и советской экономики не только в политической, но и в научной среде развернулись ожесточенные споры о том, каким должен быть план народного хозяйства СССР.

Одно из направлений спора – что должно определять содержание плана: цель или объективные условия.

Известно, что, дискутируя по первому пятилетнему плану, одна группа ученых (Г. Кржижановский, С. Струмилин) придерживались так называемого «телеологического», целевого подхода, т.е. считали, что необходимо поставить плановые цели и идти к их достижению. Другая группа ученых (Н. Кондратьев, В. Громан и В. Базаров) отстаивали «генетический» подход, т.е. исходили из того, что планирование должно основываться на имеющихся объективных условиях – именно они должны диктовать содержание плана [6, с. 154].

При этом спор не был схоластическим: первая группа ученых не отрицала важность объективных условий, вторая – важность целей плана. Речь шла о другом – чем является имеющаяся объективная реальность: неизбежным содержанием плана либо отправными условиями, учитываемыми при постановке целей. Не случайно С. Г. Струмилин указывал, что объективные условия не могут диктовать содержание плана, так как одни и те же условия для одних составителей плана будут основанием для поддержки промышленности, для других – основанием для поддержки аграрного сектора. Поэтому именно цель, а не условия могут быть двигателями плана [7, с. 219].

Другим камнем преткновения при выборе модели планирования стала проблема обязательности плана – должен ли быть план директивной либо рекомендацией, прогнозом.

Известно, что планирование активно применяется и в капиталистических странах, причем как на макроэкономическом уровне (различные «программы»), так и на микроэкономическом уровне («бизнес-планы»).

Более того, исследователи отмечают, что в рыночных условиях существовать абсолютно без планирования немислимо [8, с. 243].

Данный спор вышел далеко за пределы СССР. В период мирового экономического кризиса в ведущих капиталистических странах, в том числе в США и Великобритании, также заговорили о необходимости планирования. В Великобритании даже стали утверждать, что их планы по сравнению с СССР более прогрессивные, поскольку они «свободные»: их выполнение целиком зависит от желания самих экономических субъектов [9, с. 355], американский и британские планы являются антиподом «принудительных» советских планов. На это советские экономисты, и в частности один из руководителей Госплана СССР С.Г. Струмилин, ответили, что планы-прогнозы – это, строго говоря, не планы [9, с. 358]. Кроме того, о принуждении в СССР речи идти не может: «Исполнение рабочими производственных заданий своего хозяина даже в странах капитализма не считается нарушением их свободы, поскольку такое выполнение является прямым их служебным долгом, вытекающим из договора найма» [9, с. 357].

С этими доводами нельзя не согласиться.

Понятно, что возможности непосредственного планирования в первую очередь определяются объемом государственного сектора экономики. При его незначительности при всем желании планирование может быть только опосредованным: через налоги, инвестиции и т.д. Поэтому верно, что «плановое хозяйство в условиях капиталистического общества невозможно» [10, с. 29].

Экономически советские народнохозяйственные планы характеризовались следующим [11, с. 76–83]:

- были директивными;
- распространялись как на народное хозяйство в целом, так и на отдельные предприятия;
- распространяясь на экономику в целом, в условиях обобществления средств производства исключали возможность конкуренции, в связи с чем приводили к необходимости проведения социалистического соревнования.

Сложившиеся экономические черты плана предопределили и его юридические особенности.

Народнохозяйственный план по правовой природе являлся нормативным актом с индивидуально-правовыми элементами регулирования [12, с. 161; 13, с. 132]. Исполнение плана было обязательным, за неисполнение плана наступала юридическая ответственность: дисциплинарная [14, п. 3 ст. 17], матери-

альная [14, ст. 49] и уголовная [15; 16, ст. 170 и ст. 172]. При этом административно-правовую сущность советских планов можно выразить словами И.В. Сталина: «Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов и которые определяют направление нашего хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны» [17, с. 69]. Сочетание в плане нормативно-правового и индивидуально-правового регулирования было вызвано, как отмечалось, действием плана как в отношении экономики в целом, так и в отношении отдельных субъектов права.

Отсутствии конкуренции и необходимость проведения социалистического соревнования предопределяли различные формы последнего и юридическую необходимость подведения итогов соревнования [18].

Следовательно, полноценный переход к рыночной экономике был невозможен без постепенной отмены системы планирования народного хозяйства в СССР. И наоборот, переход к рынку приводит к невозможности и ненужности директивного планирования народного хозяйства [8, с. 247].

В советской юридической литературе справедливо отмечалось, что существуют три правовые формы деятельности советского государства в сфере планирования:

- правотворческая, связанная с установлением правовых основ деятельности по народнохозяйственному планированию;
- планоустановительная, регулирующая порядок разработки и придания готовому плану юридически обязательной силы;
- оперативно-исполнительная и правоохранительная, предполагающая реализацию плана и установление для этого необходимых правовых гарантий [19, с. 59–94].

Правотворческая деятельность государства в области планирования проявлялась в следующем:

- в установлении конституционного принципа народнохозяйственного планирования. Абзац второй ст. 16 Конституции СССР 1977 г. устанавливал: «Руководство экономикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития...»;
- в закреплении норм трудового законодательства: о возможности премирования работников за выполнение и перевыполнение планов; об участии профсоюзов в разработке и реализации народнохозяйственных планов; о полномочиях трудовых коллективов рассматривать и утверждать планы экономического и социального развития предприятий (ст. 38, 96, 99.2 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде 1970 г.);

– в санкционировании норм гражданского, трудового и уголовного законодательства об ответственности за невыполнение планов. В последнем случае находила реализацию и оперативно-исполнительная, а также правоохранительная функция государства в области планирования.

Плановоустановительная деятельность государства в области планирования народного хозяйства развивалась постепенно [13, с. 43–37, 84–90, 119–132]. В результате к концу 1920-х гг. стали появляться нормативные акты общесоюзного уровня, затрагивающие те или иные сферы социалистического хозяйства.

5 сентября 1928 г. было издано Постановление СНК СССР «О порядке ежегодного планирования промышленности Союза ССР» [20]. В соответствии с данным актом СНК СССР утверждал контрольные цифры народного хозяйства, на основе которых ВСНХ СССР устанавливал годовые производственно-финансовые задания и годовые планы капитальных работ для ВСНХ союзных республик и для подчиненных ему предприятий союзного значения. ВСНХ союзных республик, в свою очередь, разверстывали годовые производственно-финансовые задания и годовые планы капитальных работ для подчиненных им предприятий. Таким образом, плановые задания и цифры «спускались» вышестоящими органами нижестоящим и в итоге доходили до конкретных предприятий. При этом выполнение планов ввиду их директивного характера строго контролировалось: «Все предприятия общесоюзного, республиканского и местного значения составляют свои годовые производственно-финансовые планы в точном соответствии с полученными производственно-финансовыми заданиями и представляют их для последующего контроля в соответствующие органы по подведомственности» (п. 10 Постановления от 5 сентября 1928 г.).

Уже в Постановлении СНК СССР об утверждении первого пятилетнего плана СССР [21] содержалась не только так называемая «общая часть», но и «конкретные директивы», включавшие, например, указание ВСНХ СССР приступить к строительству второго тракторного и автомобильного заводов.

В последующие годы механизм формирования планов менялся. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [22], принятым в рамках так называемой «косыгинской реформы», пятилетний план являлся основной формой планирования развития народного хозяйства. Задания пятилетних планов конкретизировались в годовых планах. Предприятия сами разрабатывали пятилетние и годовые планы на основе установленных для них контроль-

ных цифр. Однако, несмотря на предоставление определенной самостоятельности предприятиям в разработке планов, безграничной свободы не было: самостоятельность предприятий ограничивалась обязательностью «выполнения заданий государственного плана».

Принципиально подход к разработке планов народного хозяйства СССР (плановоустановительной деятельности государства) изменился в период перестройки.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 г. № 816 «О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования» [23] осуществлялся «решительный переход в организации всей плановой работы от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам». Под экономическими методами, как следовало из предписаний, понимались рыночные, т.е. Постановление начинало демонтаж плановой и организацию рыночной системы хозяйствования. Постановление предписывало «коренным образом изменить систему формирования государственных планов, повысить действенность централизованного планирования, решительно раздвинуть границы хозяйственной самостоятельности предприятий (организаций) в соответствии с новыми условиями их работы на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования, широкой демократизации управления с тем, чтобы трудовые коллективы на деле стали активными творцами планов...».

Понятно, что одновременно достичь прямо противоположных целей – повысить действенность централизованного планирования, с одной стороны, и раздвинуть границы самостоятельности предприятий, чтобы сами работники были творцами планов, с другой стороны, невозможно. По этой причине, сохраняя социалистическую риторику, на деле Постановление очень решительно «раздвигало» хозяйственную самостоятельность предприятий. Пункт 6 данного акта содержал поистине «революционную» норму: «Свои пятилетние планы предприятия (объединения) разрабатывают и утверждают самостоятельно». Одновременно отменялись начиная с тринадцатой пятилетки государственные годовые планы экономического и социального развития СССР (абз. 2 п. 7 Постановления). Теперь предприятия, руководствуясь собственным пятилетним планом, самостоятельно должны были планировать хозяйственную деятельность на предстоящий год.

Директивные экономические отношения между предприятием и вышестоящими органами теперь заменялись на «экономические». Министерства и ведомства СССР, советы министров союзных республик доводили до предприятий в качестве основы для

формирования пятилетних планов контрольные цифры, государственные заказы, долговременные экономические нормативы и лимиты. При этом Постановление четко определяло, что контрольные цифры *«не носят директивного характера»* [курсив мой. – Д.Л.], не должны сковывать трудовой коллектив при разработке плана, должны оставлять ему широкий простор для выбора решений и партнеров при заключении хозяйственных договоров». В итоге директивная природа плана, которая, по замечанию И.В. Сталина, принципиально отличала советские планы от капиталистических, отменялась. Директивный план был трансформирован в *бизнес-план* [24, с. 286].

Если контрольные цифры были информационной сводкой об общественных потребностях в продукции, производимой предприятием, то государственные заказы гарантировали удовлетворение первоочередных общественных потребностей. Однако госзаказ не заменял формально план, он был временной мерой, рассматривался как «спасательный круг», который «бросался» государством предприятиям на время полного перехода от плана к рынку, поскольку в Постановлении содержалось следующее положение: «По мере насыщения рынка и повышения действенности нового механизма сокращать состав и объем государственных заказов и переходить к самостоятельному планированию предприятиями производства все большей части продукции на основе прямых хозяйственных связей с потребителями и результатов оптовых ярмарок по товарам народного потребления». В итоге государственный заказ предполагалось сокращать, вынуждая предприятия самим справляться с задачей формирования «прямых хозяйственных связей» в условиях «нового экономического механизма». Субъекты единой государственной плановой системы оставались и без плана, и без системы.

Предоставление предприятиям права самостоятельно разрабатывать планы сразу же привело на практике к негативным экономическим результатам. Предприятия стали намеренно существенно занижать планы с целью их скорейшего выполнения и получения сверхплановой продукции, которую они имели право реализовывать по рыночным ценам, в том числе на экспорт, получая свободно конвертируемую валюту [25, с. 35–36]. В итоге за счет государства предприятия стали обогащаться, уровень производства – падать, дефицит – углубляться.

Аналогичные нормы о самостоятельной разработке предприятиями планов, недирективности контрольных цифр, а также нормы о необходимости для госпредприятий работать безубыточно на основе «социалистической предприимчивости» с учетом того, что прибыль и доход являются обобщающими показателями эффективности работы предприятия, со-

держались в принятом на полмесяца ранее (30 июня 1987 г.) Законе СССР «О государственном предприятии (объединении)» [26]. Нацеленность на прибыль для государственных предприятий была установлена еще в рамках «косыгинской реформы». Однако предприятия, хотя и использовали критерий прибыли как показатель рентабельности, сами оставались частями единой плановой экономической системы, в связи с чем «Положение о социалистическом государственном производственном предприятии» от 4 октября 1965 г. предусматривало, что «все плановые задания доводятся до предприятия *только вышестоящим органом* [курсив мой. – Д.Л.]», а «невыполнение предприятием планов и заданий по поставкам продукции является грубым нарушением государственной дисциплины и влечет ответственность виновных должностных лиц в установленном порядке».

Закон о госпредприятии 1987 г. устанавливал, что предприятие реализует свою продукцию как на основании централизованных, так и на основании договорных цен; при этом «по мере развития полного хозяйственного расчета и самофинансирования, оптовой торговли и прямых хозяйственных связей применение договорных и самостоятельно утверждаемых цен будет расширяться» (п. 11 ст. 17 Закона).

Прямые хозяйственные связи предприятия должны были налаживать не только в пределах СССР, но и за рубежом, в том числе с капиталистическими странами, используя валюту. В связи с этим п. 46 Постановления от 17 июля 1987 г. устанавливал: «Последовательно проводить линию на установление и расширение долговременных взаимовыгодных экономических отношений с капиталистическими и развивающимися странами. <...> В условиях перевода отраслей народного хозяйства на принципы валютной самокупаемости и самофинансирования шире развивать торговые и экономические отношения министерств и ведомств, предприятий и объединений с зарубежными фирмами на сбалансированной основе». Теперь предприятия не ограничивали государственная монополия внешней торговли и государственная валютная монополия – предприятия начинали работать не только на рынок СССР, но и на международный рынок.

Таким образом, реформа планирования, проведенная 17 июля 1987 г., несмотря на социалистическую риторику, юридически отменяла государственное планирование в СССР, заменяя его «бизнес-планированием», планированием-прогнозом. Теперь планирование шло не «сверху», а «снизу», с самих предприятий; оно не было директивным, обязательным; предполагалось, что частично заменившие план государственные заказы будут лишь временной мерой на пути к полному отказу государства от непосредственного регулирования экономической деятельнос-

ти предприятий и экономики в целом, поэтому предприятия теперь должны были самостоятельно искать контрагентов, в том числе за рубежом.

Трансформация советского планирования в бизнес-планирование проявлялась и в планах кооперативов.

В соответствии с Законом СССР от 26 мая 1988 г. «О кооперации в СССР» кооперативы самостоятельно могли планировать свою производственно-финансовую деятельность и социальное развитие коллектива. При разработке планов кооператив должен исходить из экономических показателей, прежде всего спроса на свою продукцию, работы и услуги. «Какие-либо другие экономические нормативы или иные исходные данные, – предписывал указанный Закон, – для планирования кооперативам не устанавливаются» (ст. 18).

Важным направлением отказа от плановой экономики в СССР стало, как уже упоминалось, постепенное введение вместо народнохозяйственного планирования государственного заказа.

Постановление Совета Министров СССР от 25 июля 1988 г. № 889 «О порядке формирования государственных заказов на 1989 и 1990 годы» [27] устанавливало, что государственный заказ является важным элементом новой системы управления экономикой, в рамках которой предприятия действуют на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования. При этом при размещении государственных заказов активно должны были внедряться конкурсные начала. Это означало, что не все предприятия теперь могли участвовать в выполнении государственных заданий. Всеобъемлющая директивность заменялась отдельными государственными заказами.

При подготовке XIII пятилетнего плана (1991–1995 гг.), естественно, вставал вопрос о природе этого плана – директивной или индикативной [28, с. 30]. Выступая на II Съезде народных депутатов СССР, глава советского правительства Н.И. Рыжков говорил: «Другой важный элемент нового хозяйственного механизма – рынок. <...> Значит ли это, что мы отказываемся от планирования, от государственного регулирования экономики? Конечно, нет. Государственное регулирование должно теперь во все большей степени опираться на законы и на экономические методы: цены, налоги, кредит, инвестиции» [29, с. 217].

Как видно, понятие «директивное планирование» в выступлении Н. И. Рыжкова было подменено более широким понятием – «государственное регулирование экономики». При этом данное регулирование теперь ограничивалось «экономическими методами» – ценами, налогами, кредитами и инвестициями. Из этого также следует, что директивное народнохозяйственное планирование не исчезло «само собой» – руководство страны сознательно от него отказалось.

Не случайно XIII пятилетний план развития народного хозяйства на 1991–1995 гг. так и не был в итоге утвержден.

Коренные изменения в области разработки планов позволили экономистам говорить о формировании «планово-рыночной» экономики, функционирующей не на основе директивных планов, а при наличии экономических регуляторов в виде новых цен, налогов, кредитов и т.д. [30, с. 5]. При этом, как справедливо утверждалось, «важным новым положением является то, что план впервые будет разрабатываться и самостоятельно утверждаться начиная с основного хозяйственного звена – предприятиями, объединениями, учреждениями и организациями. Причем такой порядок относится, естественно, лишь к первичному звену госсектора. Что касается предприятий других форм собственности, то такие *планы они могут и не разрабатывать, а лишь представлять сведения об экономических намерениях коллективов* [курсив мой. – Д.Л.]» [30, с. 5].

Таким образом, *плановоустановительная* деятельность советского государства была юридически ликвидирована. Составление планов с точки зрения права стало необязательным, следовательно, народнохозяйственные планы перестали появляться.

Юридически прекращение *правотворческой* деятельности советского государства в отношении народнохозяйственного планирования оформлялось по-разному.

На общесоюзном уровне конституционные нормы, посвященные планированию (ст. 16 и др. Конституции СССР), формально сохранялись до прекращения существования СССР.

Аналогично сохраняли действие нормы трудового законодательства СССР о плане (на уровне РСФСР они утратили силу только 25 сентября 1992 г. [31], осталась лишь норма о стимулировании работников в выполнении планов). Законодатель просто не успевал за стремительным изменением экономических отношений.

Сохранялись нормы гражданского и уголовного законодательства, которые ранее использовали для привлечения к ответственности за неисполнение планов. Их отмены не потребовалось, поскольку они регулировали отношения, связанные с планом, не напрямую, а опосредованно – через категорию «трудовой дисциплины», «материального ущерба предприятию». Теперь исполнение плана не входило в трудовые обязанности работника. Нормы остались – планы перестали приниматься.

Иначе обстояло дело с конституционной регламентацией народнохозяйственного планирования в союзных республиках.

В Латвийской республике норма о плановом характере экономики (ст. 16 Конституции Латвии) была

исключена конституционной поправкой от 23 октября 1990 г. [32]

В Грузинской республике – конституционной поправкой от 14 июня 1991 г. [33].

В некоторых союзных республиках нормативно плановый характер экономики устранялся не конституционной поправкой, а законом об экономической самостоятельности республики.

В соответствии с Конституционным законом Азербайджанской республики от 25 мая 1991 г. № 116-XII «Об основах экономической самостоятельности Азербайджанской Республики» [34] устанавливалось, что народнохозяйственный комплекс Азербайджана должен развиваться в условиях рыночных отношений; органы государственной власти и управления не имеют право вмешиваться в деятельность государственных предприятий – государственное регулирование экономики теперь должно было осуществляться исключительно экономическими (рыночными) средствами. Ясно, что ни о каких планах экономического и социального развития республики речь теперь не шла.

Аналогичные нормы предусматривали законы об экономической самостоятельности Литвы и Украины [35; 36]. Оба закона устанавливали принцип децентрализации народного хозяйства. Литовский закон определял, что государственное регулирование экономики осуществляется посредством «экономических рычагов»: налогов, банковских процентов, государственных инвестиций и контрактов, социальных, экологических, экономических и других норм.

Интересными являются положения Постановления Правительства Эстонской ССР от 29 декабря 1989 г. № 428 «О государственном регулировании экономики Эстонской ССР» [37]. Постановление устанавливало, что государственное регулирование экономики должно осуществляться за счет расширения сферы действия товарно-денежных отношений и существенного сужения центрального планирования; директивное планирование деятельности предприятий заменяется исключительно договорными отношениями; планирование заменяется прогнозированием. Таким образом, на нормативном уровне ликвидировалась система централизованного, директивного планирования экономики Эстонии и легализовывались планы-прогнозы.

Как видно из правового анализа нормативных актов Союза ССР и союзных республик, с упразднением правотворческой деятельности государства в сфере планирования одновременно была прекращена планоустановительная, оперативно-исполнительная и правоохранительная деятельность советского государства. Таким образом, с отменой норм о народнохозяйственном планировании, в том числе о порядке разработки планов, в СССР прекратились разработка, утверждение государственных планов экономи-

ческого и социального развития и, соответственно, контроль за их исполнением.

Ликвидация народнохозяйственного планирования является неизбежным при переходе к рыночным отношениям. Экономическим фундаментом народнохозяйственного планирования было установление социалистической собственности на средства производства. В ситуации, когда предприятия и отрасли народного хозяйства принадлежат одному собственнику, очевидно, что, с одной стороны, между ними снимаются какие-либо перегородки и они становятся частью единого народнохозяйственного комплекса, с другой стороны, появляется потребность в координации их хозяйственной деятельности: общество как собственник средств производства не будет относиться к ним пассивно и безразлично, оно должно, как и любой хозяин, использовать их в своих целях, давая директивные задания. Таким образом, директивные планы являются результатом прямого управления народнохозяйственным комплексом. Нет директив – нет управления.

По этой причине при отказе государства и общества от права собственности на средства производства, при переходе предприятий и отраслей народного хозяйства на самофинансирование и полный хозяйственный расчет с последующей их приватизацией появляется масса частных собственников. Взаимодействие между предприятиями начинает осуществляться через рынок. Народнохозяйственное планирование оказывается невозможным и ненужным. Плановая регуляция заменяется рыночной.

Однако в СССР особенностью было то, что директивное планирование не сошло на нет в момент полной победы рыночного уклада экономики, а было ликвидировано административно в тот период, когда появлялись только «первые ростки» капитализма, но государственная собственность в экономике продолжала доминировать (см. табл. 1).

Как видно, из представленных данных, даже к концу 1990 г., когда рыночная экономика вовсю вторгалась в СССР, объем государственной и колхозной собственности не только не убавился, но и увеличился. По этой причине сохранить директивное планирование на переходный период до полной перестройки экономики на рыночную основу представлялось возможным и рациональным.

Другой особенностью советского планирования было то, что оно не было заменено на индикативное, как, например, это было сделано в Китае [39, с. 145], а было устранено вообще. Обязательные планы предприятий трансформировались в планы-прогнозы, а директивные государственные планы СССР исчезли полностью.

Таким образом, народнохозяйственное планирование СССР в период перестройки ликвидировалось постепенно.

Таблица 1. Основные фонды в СССР по формам собственности с 1980 по 1990 гг. (на конец года в сопоставимых ценах, млрд руб.) [38, с. 291]

	1980	1985	1988	1989	1990
все основные фонды (включая скот)	1742	2333	2700	2840	2958
государственная собственность	1514	2049	2400	2522	2624
кооперативная собственность	27	37	45	52	56
колхозная собственность	128	173	177	185	192
личная собственность граждан	73	74	78	81	86

Сначала на уровне СССР в 1987 г. было установлено, что централизованное планирование должно быть заменено «рыночным», контрольные цифры не носят более директивного характера, а в качестве временной меры в период перехода к «свободным отношениям» между предприятиями вводился государственный заказ.

Затем законами о государственном предприятии и о кооперации подтверждалась «рыночная» хозяйственная деятельность предприятий и кооперативов.

Наконец, в 1989–1991 г. юридически отказ от народнохозяйственного планирования был закреплен в нормативных актах союзных республик.

Советские народнохозяйственные планы прекратили свое существование.

Пристатейный библиографический список

1. Девятый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). 29 марта – 4 апреля 1920 г. Стенографический отчет. М. : Госиздат, 1920.
2. Курнос В. В. Как начиналось советское планирование // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 6.
3. Звездин З. К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки (становление социалистического планирования в СССР). М. : Наука, 1979.
4. Медведев В. А., Абалкин Л. И., Ожерельев О. И. и др. Политическая экономия: учебник для вузов. М. : Политиздат, 1988.
5. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952 / Сталин И. В. Полное собрание сочинений. М. : Писатель, 1997.
6. Капустин Е. И. Теоретик и практик народнохозяйственного планирования. К 125-летию со дня рождения академика С. Г. Струмилина // Экономическая наука современной России. 2003. № 3.
7. Струмилин С. Г. Избранные произведения в пяти томах. Т. 2 : На плановом фронте. М. : Наука, 1963.
8. Губин Е. П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005.
9. Струмилин С. Г. Избранные произведения : в 5 т. Т. 4 : Очерки социалистической экономики СССР. М. : Наука, 1964.
10. Варга Е. С. Производительные силы бунтуют против капитализма. Плановое хозяйство – у нас, «плановый» обмен – у них. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
11. Вознесенский Н. А. Избранные произведения. 1931–1947. М. : Политиздат, 1979.
12. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966.
13. Сафонов М. А. Становление организационно-правовых основ народнохозяйственного планирования в советском государстве в 1917–1932 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016.
14. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 29. Ст. 265.
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1958 г. «Об ответственности за невыполнение планов и заданий по поставкам продукции» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 9. Ст. 202.
16. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
17. Сталин И. В. Политический отчет Центрального комитета XV Съезду ВКП (б) // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. Стенографический отчет. М.; Л. : Госиздат, 1928.

18. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31 октября 1985 г. № 1028 «О присуждении Государственных премий СССР 1985 года за выдающиеся достижения в труде передовикам Всесоюзного социалистического соревнования» // *Собрание постановлений Правительства СССР*. 1985. № 31. Ст. 147.
19. *Кутафин О. Е.* Плановая деятельность Советского государства : государственно-правовой аспект. М. : Юрид. лит., 1980.
20. *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. 1928. № 57. Ст. 508.
21. Постановление СНК СССР от 23 апреля 1929 г. «О пятилетнем народнохозяйственном плане на период 1928/29–1932/33 гг.» // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР*. 1928. № 29. Ст. 268.
22. *Собрание постановлений Правительства СССР*. 1965. № 19–20. Ст. 153.
23. *Собрание постановлений Правительства СССР*. 1987. № 33. Ст. 115.
24. *Зубрилов А. Д.* Сущность, содержание и структура бизнес-плана // *Современные научные исследования и разработки*. 2018. № 5.
25. *Крылов П., Рабинштейн Ю.* Планы предприятий в новых условиях // *Плановое хозяйство*. 1990. № 7.
26. *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1987. № 26. Ст. 385.
27. *Собрание постановлений Правительства СССР*. 1988. № 26. Ст. 71.
28. *Петров А. И. и др.* Индикативное планирование : теория и пути совершенствования. СПб. : Знание, 2000.
29. Доклад Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова о мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке тринадцатого пятилетнего плана // *Второй Съезд народных депутатов СССР*. 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М. : Изд. Верховного Совета СССР, 1990.
30. *Изменение форм и методов планирования* // *Плановое хозяйство*. 1990. № 4.
31. Закон РФ от 25 сентября 1992 г. № 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» // *Ведомости СНД и ВС РФ*. 1992. № 41. Ст. 2253, 2254.
32. Закон Латвийской Республики от 23 октября 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Латвийской ССР» // *Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской республики*. 1990. № 45. Ст. 713.
33. Закон Республики Грузия «О внесении изменений в Конституцию Республики Грузия» // *Ведомости Верховного Совета Республики Грузия*. 1991. № 6. Ст. 442.
34. *Ведомости Верховного Совета Азербайджанской Республики*. 1991. № 9–10. Ст. 150.
35. Закон Литовской ССР от 18 мая 1989 г. № XI-2959 «Об основах экономической самостоятельности Литовской ССР» // *Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской ССР*. 1989. № 15. Ст. 168.
36. Закон Украинской ССР от 3 августа 1990 г. № 142-XII «Об экономической самостоятельности Украинской ССР» // *Ведомости Верховного Совета Украинской ССР*. 1990. № 34. Ст. 499.
37. *Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР*. 1990. № 1. Ст. 23.
38. *Народное хозяйство СССР в 1990 г.* Статистический ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1991.
39. *Лебедева Д. Д.* Система макроэкономического планирования КНР на этапе перехода от 12-го к 13-му пятилетнему плану // *Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года*. М. : ИДВ РАН, 2017.

References

1. Ninth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks). 29 March – 4 April 1920. Verbatim Report. Moscow: Gosizdat, 1920.
2. *Kurnosov V. B.* How Did the Soviet Planning. *Proceedings of St. Petersburg University of Economics and Finance*. 2010. No. 6.
3. *Zvezdin Z. K.* From the GOELRO Plan to the Plan of the First Five-Year Plan (Formation of Socialist Planning in the USSR). Moscow: Nauka, 1979.
4. *Medvedev V. A., Abalkin L. I., Koliaev O. I. et al.* Political Economy: Textbook for Universities. Moscow: Politizdat, 1988.
5. *Stalin I. V.* Economic Problems of Socialism in the USSR. Moscow, 1952. In *Stalin I. V. Complete Works*. Moscow: Pisatel, 1997.
6. *Kapustin E. I.* Theorist and Practitioner of National Economic Planning. To the 125th Anniversary of the Birth of Academician S. G. Strumilin. *Economic Science of Modern Russia*. 2003. No. 3.
7. *Strumilin S. G.* Selected Works. In 5 vols. Vol. 2: On the Planned Front. Moscow: Nauka, 1963.

8. *Gubin E. P.* Legal problems of state regulation of market economy and entrepreneurship: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2005.
9. *Strumilin S. G.* Selected Works. In 5 vols. Vol. 4: Essays on the Socialist Economy of the USSR. Moscow: Nauka, 1964.
10. *Varga E. S.* The Productive Forces Rebel Against Capitalism. Planned Economy – We Have, “Planned” Fraud – They Have. Moscow: Politizdat, 1935.
11. *Voznesenskii N. A.* Selected Works. 1931–1947. Moscow: Politizdat, 1979.
12. *Alekseev S. S.* Mechanism of Legal Regulation in the Socialist State. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1966.
13. *Safonov M. A.* Formation of Organizational and Legal Bases of National Economic Planning in the Soviet State in 1917–1932: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Irkutsk, 2016.
14. Fundamentals of the Legislation of the USSR and the Union Republics on Labor in 1970. *Gazette of the Supreme Soviet of the USSR*. 1970. No. 29. Art. 265.
15. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 24 April 1958 “On Responsibility for Non-Fulfillment of Plans and Tasks for the Supply of Products”. *Gazette of the Supreme Soviet of the USSR*. 1958. No. 9. Art. 202.
16. Criminal Code of the RSFSR 1960. *Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR*. 1960. No. 40. Art. 591.
17. *Stalin I. V.* Political Report of the Central Committee to the XV Congress of the CPSU (b). In XV Congress of the All-Union Communist Party (b). December 1928. Verbatim Record. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1928.
18. Resolution of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR of 31 October 1985 No. 1028 “On Awarding State Prizes of the USSR in 1985 for Outstanding Achievements in Labor to the Foremost Members of the All-Union Socialist Competition”. *Collection of Resolutions of the Government of the USSR*. 1985. No. 31. Art. 147.
19. *Kutaфин O. E.* Planned Activity of the Soviet State: State-Legal Aspect. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1980.
20. *Collection of Laws and Orders of the Workers’ and Peasants’ Government of the USSR*. 1928. No. 57. Art. 508.
21. Resolution of the SNK of the USSR of 23 April 1929 “On the Five-Year National Economic Plan for the Period 1928/29–1932/33”. *Collection of Laws and Orders of the Workers’ and Peasants’ Government of the USSR*. 1928. No. 29. Art. 268.
22. *Collection of Resolutions of the Government of the USSR*. 1965. No. 19–20. Art. 153.
23. *Collection of Resolutions of the Government of the USSR*. 1987. No. 33. Art. 115.
24. *Zubrilov A. D.* Essence, Content and Structure of the Business Plan. *Modern Scientific Research and Development*. 2018. No. 5.
25. *Krylov P., Rubinstein Yu.* Plans of Enterprises in the New Environment. *Planned Economy*. 1990. No. 7.
26. *Gazette of the Supreme Soviet of the USSR*. 1987. No. 26. Art. 385.
27. *Collection of Resolutions of the Government of the USSR*. 1988. No. 26. Art. 71.
28. *Petrov A. I. et al.* Indicative Planning: Theory and Ways of Improvement. St. Petersburg: Znanie, 2000.
29. Report of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR N. I. Ryzhkov on Measures to Improve the Economy, Stages of Economic Reform and Fundamental Approaches to the Development of the Thirteenth Five-Year Plan. In Second Congress of People’s Deputies of the USSR. 12–24 December 1989. Verbatim Report. Moscow: Supreme Soviet of the USSR’s Edition, 1990.
30. Changing the Forms and Methods of Planning. *Planned Economy*. 1990. No. 4.
31. Law of the Russian Federation of 25 September 1992 No. 3543-I “On Amendments and Additions to the Labor Code of the RSFSR”. *Gazette of the Congress of People’s Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation*. 1992. No. 41. Arts. 2253, 2254.
32. Law of the Republic of Latvia of 23 October 1990 “On Amendments and Additions to the Constitution (Basic Law) of the Latvian SSR”. *Gazette of the Supreme Soviet and the Government of the Republic of Latvia*. 1990. No. 45. Art. 713.
33. Law of the Republic of Georgia “On Amendments to the Constitution of the Republic of Georgia”. *Gazette of the Supreme Soviet of the Republic of Georgia*. 1991. No. 6. Art. 442.
34. *Gazette of the Supreme Soviet of the Republic of Azerbaijan*. 1991. No. 9–10. Art. 150.
35. Law of the Lithuanian SSR of 18 May 1989 No. XI-2959 “On the Basis of Economic Independence of the Lithuanian SSR”. *Gazette of the Supreme Soviet and the Government of the Lithuanian SSR*. 1989. No. 15. Art. 168.
36. Law of the Ukrainian SSR of 3 August 1990 No. 142-XII “On Economic Independence of the Ukrainian SSR”. *Gazette of the Supreme Soviet of the Ukrainian SSR*. 1990. No. 34. Art. 499.
37. *Gazette of the Supreme Soviet and the Government of the Estonian SSR*. 1990. No. 1. Art. 23.
38. National Economy of the USSR in 1990. Statistical Yearbook. Moscow: Finansy i statistika, 1991.
39. *Lebedeva D. D.* The System of Macroeconomic Planning of the PRC at the Stage of Transition from the 12th to the 13th Five-Year Plan. In Results of the 12th Five-Year Plan (2011–2015) and Prospects for the Development of the Chinese Economy until 2020. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2017.

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-44-50>

В статье представлен анализ состояния и тенденций преступности в сфере сексуальной эксплуатации женщин и детей. Актуальность исследования обусловлена негативными тенденциями рассматриваемого вида преступности, ростом общего количества зарегистрированных преступлений данной категории, усилившимся в период развития коронавирусной пандемии. Предметом исследования является правоприменительная практика противодействия сексуальной эксплуатации женщин и детей, а целью – установление новых трендов преступности в сфере сексуальной эксплуатации, связанной с использованием информационно-коммуникационных технологий, изучение адекватных мер реагирования с учетом негативных последствий развития коронавирусной пандемии. Научная новизна исследования заключается в том, что установлено и подкреплено актуальными данными правоприменительной практики детерминирующее значение современных социальных процессов, таких как развитие информационно-телекоммуникационных технологий, информатизация/«цифровизация» общества, развитие пандемии, характеризующихся скрытым криминогенным потенциалом, влияющим на состояние преступности в сфере сексуальной эксплуатации женщин и детей и усиливающим ее негативный эффект. В практическом плане к результатам исследования можно отнести предложения об использовании международного инструментария по противодействию сексуальной эксплуатации женщин и детей в условиях пандемии.

КОВАЛЕНКО
Вера Ивановна

доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук
(г. Москва)

verafem@yandex.ru

**Сексуальная эксплуатация;
криминальная эксплуатация;
торговля людьми;
виртуализация;
ИКТ**

Vera I. KOVALENKO

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Leading Researcher,
Institute of State and Law of the
Russian Academy of Sciences
(Moscow)

verafem@yandex.ru

**Sexual exploitation;
criminal exploitation;
human trafficking;
virtualization;
ICT**

ANALYSIS AND TRENDS OF SEXUAL EXPLOITATION OF WOMEN AND CHILDREN IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC

The article presents an analysis of the state and trends of crime in the field of sexual exploitation of women and children. The relevance of the study is due to the negative trends of the considered type of crime, the increase in the total number of registered crimes of this category, which increased during the development of the coronavirus pandemic. The subject of research is the law enforcement practice of combating the sexual exploitation of women and children, and to establish new trends of crime in the area of sexual exploitation related to the use of information and communication technologies and consideration of appropriate responses, given the negative implications of the coronavirus pandemic. The scientific novelty of the research is that the determinative significance of modern social processes, such as the development of information and communication technologies, the informatization/"digitalization" of society, the development of a pandemic, characterized by a hidden criminogenic potential that affects the state of crime in the field of sexual exploitation of women and children and increases its negative effect, is established and supported by relevant data of law enforcement practice. In practical terms, the results of the study include proposals for the use of international tools to counteract the sexual exploitation of women and children in the context of the pandemic.

Концептуальные принципы и основные направления борьбы с незаконной практикой криминальной эксплуатации человека и торговли людьми содержатся в стратегических документах и рекомендациях Организации Объединенных Наций (ООН) [1], Совета Европы (СЕ) [2], Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) [3], других международных организаций, с которыми Россия имеет договорно-правовые отношения.

Международным сообществом сексуальная эксплуатация женщин и детей признается одной из наиболее опасных форм криминальной эксплуатации и основной целью торговли людьми. По данным, озвученным Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций А. Гутерришем, женщины и девочки составляют около 72% жертв торговли людьми и криминальной эксплуатации, в большинстве случаев речь идет о сексуальной эксплуатации [4], при этом прибыль при торговле людьми в целом составляет 150 млрд долл. в год. Указанная проблематика на протяжении многих лет является объектом пристального внимания российских специалистов [5, с. 5–12; 6; 7; 8, с. 21–25; 9, с. 26–32; 10, с. 199–204; 11].

Одним из главных трендов современной преступности, связанной сексуальной эксплуатацией женщин и детей, является активное перемещение в интернет-среду наиболее опасных форм сексуальных посягательств, в том числе обусловленное стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, тотальной цифровизацией общества и виртуализацией всех сфер социальной жизни граждан (служебной, образовательной, досуговой).

При этом дистанционные способы контакта, кажущиеся безопасными для потенциальных жертв, значительно облегчают преступникам противоправную деятельность и позволяют более активно вовлекать в секс-индустрию онлайн женщин и детей, которые в силу гендерных (женщины) и возрастных (несовершеннолетние) особенностей (высокой степени доверчивости, эмоциональности, не критичности, инфантильности) характеризуются большей уязвимостью и чаще всего становятся жертвами сексуальных посягательств как в офлайн-, так и особенно в онлайн-формах.

В силу личностных и возрастных особенностей в ходе виртуального общения на различных интернет-площадках (социальные сети, сайты знакомств, форумы, блоги, чаты, мессенджеры) несовершеннолетние чаще подвергаются рискам сексуального преследования, домогательству, грумингу, кибербуллингу, становятся жертвами принудительной (с помощью шантажа) онлайн-проституции, пропаганды педофилии, ЛГБТ¹. Провокации преступников в сети проявляются

в виде фото-, видеоконтента (видеороликов), вовлекающих несовершеннолетних в обсуждение актуальных для подростков вопросов (внешность, цели жизни, отношения с друзьями, родителями, признание, понимание и др.) с последующим «переключением внимания» на обсуждение более «острых», «пограничных» или «запретных» тем. В зависимости от категории потенциальных жертв, усугубляя существующие комплексы у подростков, особенно у девочек (касающиеся внешности), предлагаются различные группы «личностного роста»; в случае хороших внешних данных девочки предлагается «карьера фотомодели».

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России в 2019 г. был зафиксирован существенный прирост онлайн-посягательств, связанных с незаконным изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов (+34,1%), изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (+28,5%), использованием несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (+24,2%).

Общемировой тренд увеличения доли онлайн-форм правонарушений, связанных с сексуальной эксплуатацией женщин и детей, незаконным изготовлением и оборотом порнопродукции с участием несовершеннолетних, был зафиксирован МВД России по состоянию на январь 2020 г. [11]

Результаты авторского вычисления количественного соотношения, доли онлайн-форм посягательств в общей структуре преступлений данной категории, показал, что:

- из 2064 зарегистрированных преступлений в рассматриваемой сфере абсолютное большинство (92,8%) было совершено с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»:

- из 1017 посягательств, связанных с незаконным изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ) 972 преступления (95,6%) совершены с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

- из 719 преступлений, связанных с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ), 704 преступления (97,9%) совершены с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

- из 328 деяний, связанных с использованием несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (242² УК РФ), 240 преступлений (73,1%) совершены с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Анализ материалов правоприменительной практики показал, что сексуальные посягательства, совершаемые с использованием информационно-комму-

¹ ЛГБТ-сообщество – сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Пропаганда ЛГБТ представляет собой распространение информации, имеющей целью преодоление отрицательного отношения к представителям ЛГБТ-сообщества, формирование положительного общественного мнения в отношении ЛГБТ.

никационных технологий (ИКТ) в отношении женщин и несовершеннолетних, характеризуются большим многообразием и осуществляются в следующих *наиболее распространенных формах*:

- производство и распространение материалов со сценами сексуальной эксплуатации жертв (фото, видео, картинки, тексты);
- побуждение интереса подростков к запрещенным видам контента, связанным с насилием, иными деяниями на сексуальной почве;
- сексуальный шантаж и сексуальное принуждение (молодых женщин, девушек, детей);
- онлайн-домогательство, киберхарассмент;
- сексуальный моббинг и буллинг – виды психологической травли, агрессии, преследования; троллинг (провокация, издевательство);
- провокации и психологическое поощрение с помощью «лайков», иных форм публичного признания выкладывания в сеть сексуализированных авторских фото, «селфи» несовершеннолетних («секстинг»);
- сексуальный груминг (общение с детьми на сексуальную тематику) – обсуждение интимных проблем, «обучение», «обмен опытом», обмен любой информацией сексуализированного характера (фото, тексты, картинки и др.);
- вербовка женщин и детей сутенерами через социальные сети и в блогосфере для занятия проституцией;
- дистанционные (бесконтактные) формы – «виртуальный секс» с несовершеннолетними (принудительные и добровольные);
- фальшкастинг для участия в модельном бизнесе с «онлайн-тестированием» по видео, скайпу, веб-камере несовершеннолетних кандидатов с раздеванием, обнажением интимных частей тела, демонстрацией откровенных сексуальных сцен, поз, движений, танцев и т.д.

Особенностью вышеуказанных посягательств в отношении детей является их непосредственный и отдаленный «долгоиграющий» эффект в виде негативного воздействия на психику ребенка, доведения его до самоубийства, а также возможности последующего многократного копирования материала, «репостирования», сохранения его в «облаке» и появления в интернет-пространстве спустя время после удаления [12, с. 68–77].

Совершение вышеуказанных общественно опасных деяний, образующих различные формы сексуальной эксплуатации в соответствии с международными императивами и российским законодательством, влечет уголовную ответственность на основании норм, предусмотренных гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»: вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ); получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240¹ УК РФ); организация занятия про-

ституцией (ст. 241 УК РФ); незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ); изготовление и оборотов материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242¹ УК РФ); использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242² УК РФ). Предусмотрена также административная ответственность за: занятие проституцией (ст. 6.11 КоАП РФ); получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией (ст. 6.12. КоАП РФ); создание юридическим лицом условий для торговли детьми и (или) эксплуатации детей (ст. 6.19. КоАП РФ); изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов (ст. 6.20 КоАП РФ); пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21 КоАП РФ).

Все более широкое распространение в Интернете получает практика демонстрации, онлайн-трансляций сцен сексуального насилия над несовершеннолетними, активизации преступниками сексуального груминга (сексуализированного общения) с детьми и подростками, что подтверждается международным экспертным сообществом.

На международном европейском форуме в 2019 г. руководитель Департамента Совета Европы по борьбе с дискриминацией Й. Шоккенбрук подчеркнул, что травля (буллинг), сексуальная эксплуатация и сексуальное насилие в отношении детей являются наиболее распространенными формами нарушения прав. Цифровые технологии могут использоваться ненадлежащим, превратным образом, преследуя цель нарушения права ребенка на неприкосновенность частной жизни, здоровье и особенно права ребенка на жизнь без насилия [13].

В условиях стремительного развития коронавирусной пандемии COVID-19 и вынужденной социальной изоляции миллионов граждан в стране и в мире резко возросла интернет-активность рядовых граждан, чем незамедлительно воспользовались преступники.

На это справедливо обращают внимание эксперты ООН, которые отмечают, что беспрецедентные меры, принятые в условиях пандемии для снижения уровня заражения, включающие в себя принудительный карантин, запрет на выход из дома, ограничения передвижения, экономической деятельности и общественной жизни, на первый взгляд должны сдерживать преступность, однако «в ситуации с торговлей людьми, преступники приспособливают свои бизнес-модели к «новой норме», созданной пандемией, особенно в результате злоупотребления современными коммуникационными технологиями» [14].

Согласно статистическим данным МВД России, только за январь – апрель 2020 г. в России на 32,8% возросло количество преступлений, связанных с незаконным изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242¹ УК РФ), и на 12,5% увеличилось количество посягательств, связанных с использованием несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242² УК РФ).

В 2020 г. (по состоянию на январь 2021 г.) общее количество преступлений, по данным МВД России, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4%, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3%, при помощи средств мобильной связи – на 88,3% [11].

Как сообщил Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин, ежегодно более 90 тыс. детей становятся жертвами преступлений. При этом каждое пятое преступление против детей относится к категории тяжких и особо тяжких. За девять месяцев 2020 г. следственные органы возбудили 16 494 уголовных дела о преступных посягательствах в отношении детей, завершили 10 770 уголовных дел. Потерпевшими были признаны 11 640 несовершеннолетних. На 7% увеличилось количество несовершеннолетних, пострадавших от близких родственников и членов семьи [15].

Усилившаяся в условиях пандемии и вынужденной самоизоляции виртуализация социальной жизни граждан и активизация различных категорий преступников, в том числе вербовщиков-«работоторговцев», криминальных дельцов-«бизнесменов» из «порноиндустрии», педофилов в интернет-пространстве, блогосфере и социальных сетях, использующих дистанционные возможности вербовки и иных анонимных манипуляций сознанием и поведением потенциальных жертв в сети, обусловили многократный рост преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, основными жертвами которых традиционно становятся женщины и дети.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2020 г. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий было совершено 2099 преступлений, связанных с незаконным изготовлением порнографических материалов (ст. 242, 242¹, 242² УК РФ), темпы прироста составили 9,6%. Указанные преступления как в сфере организованной коммерческой «секс-индустрии», так и в ходе совершения посягательства преступником в одиночку зачастую сопровождаются сексуальным насилием. Не случайным представляется значительное увеличение в 2020 г. количества зарегистрированных изнасилований и покушений на изнасилование – до 3535 деяний (+11,3%), в то время

как в предыдущие годы фиксировалось их стабильное снижение [11].

Опасные тенденции сексуальной эксплуатации женщин и детей обусловлены также негативными последствиями развития коронавирусной пандемии – ухудшением общей социально-экономической обстановки в стране, кризисом экономической сферы, ростом безработицы и усилением социально-психологической напряженности наиболее уязвимых категорий граждан.

В своем Обращении к гражданам 25 марта 2020 г. Президент РФ В. В. Путин обратил внимание на то, «как остро развивается ситуация с эпидемией коронавируса в мире. <...> Под ударом оказалась вся мировая экономика, уже сейчас прогнозируется ее спад» [16].

В Российской Федерации сформирована мощная законодательная основа и комплексная стратегическая программа по обеспечению конституционных прав и свобод граждан, информационной безопасности наиболее уязвимых категорий – женщин и детей – от преступных посягательств [17; 18; 19; 20; 21], не прекращался процесс модернизации российского уголовного законодательства в части усиления мер защиты несовершеннолетних от сексуальных посягательств, совершаемых в информационной среде (социальных сетях, медиа и блогосфере).

Однако в условиях развития коронавирусной пандемии и вызванных ею резко негативных социально-экономических последствиях представляется необходимым задействовать новые механизмы противодействия современным формам сексуальной эксплуатации женщин и детей, на которые ориентирует международное экспертное сообщество.

В Рекомендациях Организации Объединенных Наций по противодействию торговле людьми в условиях пандемии сделаны следующие стратегические акценты:

– меры реагирования на COVID-19 должны постоянно контролироваться;

– меры по борьбе с торговлей людьми должны по-прежнему основываться на правах человека, а доступ к медицинскому обслуживанию и социальной поддержке без какой-либо дискриминации должен быть гарантирован;

– доступ к правосудию должен быть гарантирован. Там, где это возможно, следует использовать технологию для облегчения доступа к судебным процессам и обеспечения возможности сбора и предоставления доказательств, представления документов и подачи или рассмотрения ходатайств или ходатайств в суды;

– сотрудники правоохранительных органов должны сохранять бдительность в борьбе с новыми и меняющимися формами преступности и адаптировать свои ответные меры для предотвращения безнаказанных действий торговцев людьми во время пандемии;

– несмотря на ожидаемое замедление экономического роста из-за COVID-19 и возникающее в результате этого давление на национальные бюджеты, страны должны продолжать поддерживать работу по борьбе с торговлей людьми и адаптировать свои программы помощи к новым и чрезвычайным обстоятельствам, созданным пандемией и ее последствиями;

– существует необходимость в систематическом сборе и анализе данных о воздействии COVID-19 на торговлю людьми. Нет ни одной страны, обладающей иммунитетом к этой пандемии, и, поскольку COVID-19 не затрагивает все регионы одновременно, опыт одной страны может быть жизненно важным для других [14].

В этой связи представляется необходимым российским правоохранительным органам и научному сообществу обратить внимание на возможность разработки национальных мер противодействия торговле людьми и сексуальной эксплуатации женщин и детей в условиях пандемии (а также в постпандемический период), включающих в себя следующие инструменты оказания помощи жертвам торговли людьми и сексуальной эксплуатации, предлагаемые экспертами Организации Объединенных Наций:

– предоставление грантов НПО через Целевой фонд ООН в целях оказания услуг жертвам торговли людьми, которые нуждаются в большей поддержке во время кризиса COVID-19;

– содействие трансграничному сотрудничеству по запросу стран, оказание поддержки подразделениям по борьбе с торговлей людьми в приобрете-

нии средств индивидуальной защиты для безопасного взаимодействия с жертвами;

– проведение исследований по воздействию пандемии на жертв торговли людьми и методам работы организованных преступных группировок;

– создание Сети женщин-лидеров в рамках Глобального плана действий Управления ООН по наркотикам и преступности по борьбе с торговлей людьми и решению вопросов уязвимости женщин к торговле людьми во время пандемии;

– проведение ряда курсов по борьбе с торговлей людьми на бесплатной электронной платформе и на разных языках [14].

В своей законотворческой и правоприменительной практике Российская Федерация традиционно опирается на базовые международные принципы и общегуманитарные ценности и в полном объеме выполняет взятые на себя международные обязательства по конституционной защите граждан от преступных посягательств, связанных с незаконной и позорной практикой сексуальной эксплуатации женщин и детей. Представляется, что учет международного опыта и использование апробированных инструментов в комплексе предупредительно-профилактических мер борьбы с сексуальной эксплуатацией женщин и детей позволят оптимизировать национальную практику противодействия сексуальным посягательствам в отношении женщин и детей, снизить криминогенный потенциал (риски и угрозы) пандемической ситуации и не допустить новых жертв сексуальной эксплуатации и сексуального насилия.

Пристатейный библиографический список

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.); Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 г.); Торговля детьми и сексуальная эксплуатация детей, включая детскую проституцию, детскую порнографию и изготовление прочих материалов о сексуальных надругательствах над детьми; и торговля людьми, особенно женщинами и детьми: Записка Генерального секретаря (рассмотрена на 72-й сессии (п. 69(a) и 73(b) предварительной повестки дня) Генеральной Ассамблеи ООН 18 июля 2017 г. // ООН : сайт. URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 04.01.2021).

2. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств (принята Комитетом Министров Совета Европы 25 октября 2007 г.) (ратифицирована Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ, вступила в силу для Российской Федерации 1 декабря 2013 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/view/0001201312160030> (дата обращения: 04.01.2021).

3. Концептуальная записка ОБСЕ к 20-й конференции Альянса по борьбе с торговлей людьми «Остановить безнаказанность. Восстановление справедливости путем эффективного уголовного преследования за торговлю людьми» (Австрия, Вена, Хофбург (Нойер Зал), 30–31 марта 2020 г.); Решение № 557 о плане действий ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми (24 июля 2003 г.) // OSCE : сайт. URL: <https://www.osce.org/ru/pc/42712> (дата обращения: 04.01.2021).

4. ООН : сайт. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/07/1360151> (дата обращения: 04.01.2021).
5. *Бастрыкин А. И.* Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве : к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. Т. 11. № 1.
6. *Алихаджиева И. С.* Проституция как социальный и правовой феномен / под науч. ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2009.
7. *Овчинский В. С., Жданов Ю. Н.* Торговля людьми во времена пандемии // *Завтра* : сайт. URL: https://zavtra.ru/blogs/torgovlya_lyud_mi_vo_vremena_pandemii (дата обращения: 04.01.2021).
8. *Сочилина Е. Н., Коворотуша И. В.* Общая характеристика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // *Научный портал МВД России*. 2018. № 4 (44).
9. *Коваленко В. И.* Профилактика рисков и угроз жизни и здоровью детей, связанных с влиянием сети Интернет // *Научный портал МВД России*. 2020. № 3 (51).
10. *Новикова Е. П.* Криминологическая безопасность половой свободы и половой неприкосновенности // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2018. № 4.
11. Состояние преступности в России: за январь – декабрь 2020 г. // *МВД России* : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 04.01.2021).
12. *Коваленко В. И.* Основные интернет-угрозы, связанные с сексуальными посягательствами в отношении несовершеннолетних // *Вестник МВД России*. 2019. № 3. С. 68–77.
13. Совет Европы : сайт. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/online-child-sexual-exploitation-and-abuse-addressed-at-a-regional-conference-at-the-council-of-europe> (дата обращения: 04.01.2021).
14. Влияние пандемии COVID-19 на ситуацию, связанную с торговлей людьми: предварительные выводы и призывы к действию, основанные на быстром анализе // *United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC)* : сайт. URL: https://www.unodc.org/documents/Advocacy-Section/HTMSS_Thematic_Brief_on_COVID19_-_RU.pdf (дата обращения: 04.01.2021).
15. СК отчитался о количестве преступлений, совершенных против детей в регионах России. Социолог проекта «Если быть точным» прокомментировала данные ведомства // *Такие дела* : сайт. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/12/11/sk-esli-byt-tochnym/> (дата обращения: 04.01.2021).
16. Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к гражданам России (Москва, 25 марта 2020 г.) // *Президент России* : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63061> (дата обращения: 04.01.2021).
17. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // *СЗ РФ*. 2012. № 23. Ст. 2994.
18. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2016. № 50. Ст. 7074.
19. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2016. № 26 (ч. 1) ст. 3851.
20. Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2015 г. № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей» // *СЗ РФ*. 2015. № 49. Ст. 7055.
21. План мероприятий по реализации Концепции информационной безопасности детей на 2018–2020 годы (утв. Приказом Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 27 февраля 2018 г. № 88). URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/5994/> (дата обращения: 04.01.2021).

References

1. Protocol on the Prevention, Suppression and Punishment of Trafficking in Persons, Especially Women and Children, Supplementary to the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (adopted by General Assembly Resolution 55/25 of 15 November 2000); Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the Sale of Children, Child Prostitution and Child Pornography (adopted by General Assembly Resolution 54/263 of 25 May 2000); Trafficking in Children and Sexual Exploitation of Children, Including Child Prostitution, Child Pornography and the Production of Other Materials on Child Sexual Abuse; And Trafficking in Persons, Especially Women and Children: Note by the Secretary-General (considered at the 72nd session (paras. 69(a) and 73(b) of the provisional agenda) of the UN General Assembly (18 July 2017). URL: <http://www.un.org> (date of the application: 04.01.2021).
2. Council of Europe Convention on the Protection of Children from Sexual Exploitation and Abuse (adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 25 October 2007 (ratified by Federal Law of 7 May 2013

No. 76-FZ, entered into force for the Russian Federation on 1 December 2013). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/view/0001201312160030> (date of the application: 04.01.2021).

3. OSCE Concept Note for the 20th Conference of the Alliance against Trafficking in Human Beings “Stop Impunity. Restoring Justice by Effectively Prosecuting Human Trafficking” (Austria, Vienna, Hofburg (Neuer Hall), 30–31 March 2020); Decision No. 557 on the OSCE Action Plan to Combat Human Trafficking (24 July 2003). URL: <https://www.osce.org/ru/pc/42712> (date of the application: 04.01.2021).

4. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/07/1360151> (date of the application: 04.01.2021).

5. Bastrykin A. I. Crimes against Minors in the Internet Space: On Victimological Prevention and Criminal-Legal Assessment. *All-Russian Journal of Criminology*. 2017. Vol. 11. No. 1.

6. Alikhadzheva I. S.; Lopashenko N. A. (ed.). Prostitution as a Social and Legal Phenomenon. Moscow: Iurlitinform, 2009.

7. Ovchinskii V. S., Zhdanov Iu. N. Human Trafficking During the Pandemic. URL: https://zavtra.ru/blogs/torgovlya_lyud_mi_vo_vremena_pandemii (date of the application: 04.01.2021).

8. Sochilina E. N., Kovorotusha I. V. General Characteristics of Crimes against Sexual Inviolability of Minors Committed with the Use of the Internet. *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 4 (44).

9. Kovalenko V. I. Prevention of Risks and Threats to the Life and Health of Children Associated with the Influence of the Internet. *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 3 (51).

10. Novikova E. P. Criminological Security of Sexual Freedom and Sexual Inviolability. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 4.

11. The State of Crime in Russia: for January-December 2020. URL: <https://мвд.рф./reports/item/22678184/> (date of the application: 04.01.2021).

12. Kovalenko V. I. The Main Internet Threats Related to Sexual Assaults against Minors. *Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 3.

13. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/online-child-sexual-exploitation-and-abuse-addressed-at-a-regional-conference-at-the-council-of-europe> (date of the application: 04.01.2021).

14. Impact of the COVID-19 Pandemic on the Trafficking Situation: Preliminary Findings and Calls for Action Based on Rapid Analysis. URL: https://www.unodc.org/documents/Advocacy-Section/HTMSS_Thematic_Brief_on_COVID19_-_RU.pdf (date of the application: 04.01.2021).

15. The UK Reported on the Number of Crimes Committed against Children in the Regions of Russia: Sociologist of the Project “To Be Precise” Commented on the Data of the Department. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/12/11/sk-esli-byt-tochnym/> (date of the application: 04.01.2021).

16. Address of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Citizens of Russia (Moscow, 25 March 2020). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63061> (date of the application: 04.01.2021).

17. Decree of the President of the Russian Federation of 1 June 2012 No. 761 “On the National Strategy of Actions in the Interests of Children for 2012–2017”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 23. Art. 2994.

18. Decree of the President of the Russian Federation of 5 December 2016 No. 646 “On the Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 50. Art. 7074.

19. Federal Law of 23 June 2016 No. 182-FZ “On the Basis of Crime Prevention System in the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 26 (part 1). Art. 3851.

20. Order of the Government of the Russian Federation of 2 December 2015 No. 2471-r “On Approval of the Concept of Information Security of Children”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2015. No. 49. Art. 7055.

21. Action Plan for the Implementation of the Concept of Information Security of Children for 2018–2020 (approved by Order of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation dated 27 February 2018 No. 88). URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/5994/> (date of the application: 04.01.2021).

ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМИРЕНИЯ С ЛИЦОМ, СОВЕРШИВШИМ СЕКСУАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-51-56>

Статья посвящена выявлению уголовно-правовых возможностей примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление. Исследование позволило определить следующие формы примирения, влекущие правовые последствия: примирение с потерпевшим в соответствии со ст. 76 Уголовного кодекса РФ; назначение судебного штрафа в соответствии со ст. 76² УК РФ; изменение обстановки в соответствии со ст. 80¹ УК РФ; примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и изменение обстановки (ст. 80¹ УК РФ) при изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести; вступление в брак в соответствии с прим. 1 к ст. 134 УК РФ. В результате теоретического и практического анализа указанных форм примирения сделан вывод о целесообразности сохранения оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания только по нормам Общей части УК РФ, применение которых должно быть очевидно для правоприменителя.

БИМБИНОВ

Арсений Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского государственного
юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Москва)

bimbbinov@yandex.ru

**Действия сексуального характера;
сексуальное насилие;
потерпевший;
изменение обстановки;
судебный штраф;
вступление в брак;
половые преступления**

Arseny A. BIMBINOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Criminal Law,
Kutaфин Moscow State Law University
(MSAL) (Moscow)

bimbbinov@yandex.ru

LEGAL POSSIBILITIES OF RECONCILIATION WITH A PERSON WHO HAS COMMITTED A SEXUAL CRIME**

**Sexual acts;
sexual violence;
victim;
changing situation;
court fine;
marriage;
sexual offences**

The article is devoted to the identification of criminal legal possibilities of reconciliation with the perpetrator of a sexual offence. The study made it possible to identify the following forms of reconciliation with legal consequences: reconciliation with the victim in accordance with Art. 76 of the Criminal Code of the Russian Federation; the imposition of a court fine in accordance with Art. 76² of the Criminal Code; changing the situation in accordance with Art. 80¹ of the Criminal Code of the Russian Federation; reconciliation with the victim (Art. 76 of the Criminal Code) and change of the situation (Art. 80¹ of the Criminal Code) when changing the category of crime from serious to moderate; marriage in accordance with note 1 of Art. 134 of the Criminal Code. As a result of the theoretical and practical analysis of these forms of reconciliation, it has been concluded that it is appropriate to maintain the grounds for exemption from criminal responsibility and punishment only under the rules of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, the application of which should be obvious to the law enforcement officer.

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-4898.2021.2.

** This work was supported by the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists No. МК-4898.2021.2.

Введение

Юридически закрепленная возможность примирения виновного с потерпевшим – большое достижение современного российского уголовного права. До принятия действующего уголовного закона примирение было возможно лишь в процессуальном порядке и только по делам уголовно-частного характера. В остальном же исключительно применялся принцип публичности уголовного преследования.

Примирение в уголовном праве – это институт, определяющий условия и порядок освобождения виновного от уголовной ответственности или наказания в связи с достижением им соглашения с потерпевшим о прекращении конфликта, основанного, как правило, на возмещении причиненного вреда.

Включение в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) норм о примирении называют актом реституции человеку права выбора средств охраны своих прав и свобод и свидетельством допущения в уголовном праве диспозитивности [1, с. 178–180]. Представляется, что использование методов частного права в уголовно-правовых отношениях является одним из наиболее эффективных средств восстановления нарушенных в результате преступления прав человека. Неспроста примирение с потерпевшим считают медиацией в уголовном судопроизводстве [2, с. 26–29] и основой восстановительного правосудия [3, с. 107–121]. Важно отметить, что в целом академическая оценка восстановительного правосудия положительна. Большинство исследований показывают, что его элементы снижают вероятность рецидива. Исследование, проведенное в 2007 г. в Университете Пенсильвании (США), также показало, что примирительные процедуры в уголовном праве имеют самый высокий уровень удовлетворенности потерпевших по сравнению с любым другим методом правосудия [4].

Согласно закону и уголовно-политической цели примирения [5, с. 65–72], оно возможно при совершении преступлений против личности, а также других общественно опасных деяний, причиняющих вред физическим и юридическим лицам. Виновный может быть освобожден от уголовной ответственности или наказания, если он примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред. Таким виновным может быть как лицо, совершившее убийство (ст. 106 УК РФ), так и лицо, совершившее простую кражу (ч. 1 ст. 158 УК РФ).

Рассматриваемый институт может быть применен и в случае совершения сексуального преступления. В российской доктрине к сексуальным преступлениям принято относить деяния, ответственность за которые предусмотрена нормами гл. 18 УК РФ: изнасилование (ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ),

половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ) и развратные действия (ст. 135 УК РФ).

Целью настоящего исследования является определение условий и правовых последствий примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать уголовное законодательство на предмет наличия возможных оснований для примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление;
- установить условия примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление;
- определить правовые последствия примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление;
- сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

1. Методология исследования

Определение оснований для примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление, осуществлялось посредством анализа положений Общей части УК РФ (гл. 11 и 12), примечаний к статьям Особенной части УК РФ (гл. 18), а также материалов судебно-следственной практики.

Условия примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление, а также правовые последствия для него установлены путем изучения положений уголовного закона и постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

В ходе исследования также применялись частные методы: правовой аналитики, законодательной техники и экспертных оценок.

2. Результаты исследования

Исследование позволило установить следующие формы примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление, которые влекут для него правовые последствия в виде освобождения от уголовной ответственности или наказания.

1. Примирение с потерпевшим в соответствии со ст. 76 УК РФ для лиц, совершивших понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), а также половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ч. 1 ст. 134 УК РФ), и развратные действия (ч. 1 ст. 135 УК РФ) без квалифицирующих признаков, может повлечь освобождение от уголовной ответственности.

2. Назначение судебного штрафа в соответствии со ст. 76² УК РФ для лиц, совершивших вышеуказанные преступления, также может повлечь освобождение от уголовной ответственности.

3. Изменение обстановки в соответствии со ст. 80¹ УК РФ для той же категории лиц влечет освобождение от наказания.

4. Примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и изменение обстановки (ст. 80¹ УК РФ) при изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести для лиц, совершивших изнасилование (ч. 1 и 2 ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ч. 1 и 2 ст. 132 УК РФ), половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ч. 2 и 3 ст. 134 УК РФ), и развратные действия (ч. 2 ст. 135 УК РФ), может повлечь освобождение от наказания.

5. Вступление в брак в соответствии с прим. 1 к ст. 134 УК РФ для лиц, совершивших половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ч. 1 ст. 134 УК РФ), влечет освобождение от наказания.

3. Обсуждение результатов

1. Вопрос о возможности освобождения лица, совершившего сексуальное преступление, от неблагоприятных уголовно-правовых последствий в связи с примирением с потерпевшим является дискуссионным. Сомнения относительно применения этого института высказывают в том числе зарубежные исследователи [6, р. 94–112]. В большинстве постановленных решений суды также не находят примирение с потерпевшим достаточным основанием для освобождения виновного от уголовной ответственности. Так, Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики, отказывая в пересмотре постановления Нальчикского городского суда, подтвердил законность и обоснованность его решения об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела, возбужденного по ст. 134–135 УК РФ, в связи с примирением с потерпевшим. В своем решении Верховный суд указал, что, действительно, в соответствии со ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ суд вправе на основании заявления потерпевшего прекратить уголовное дело в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ предусматривают ответственность за преступления средней и небольшой тяжести соответственно), если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Вместе с тем прекращение уголовного дела за примирением сторон не обязанность, а право суда. Как усматривается из уголовного дела, ФИО1 осужден за совершение ряда преступлений, объектом посягательства которых являются половая неприкосновенность лица, не достигшего 16-летнего возраста, а также его нормальное физическое, психическое развитие и нравственное формирование, что не дает возможности применить ст. 76 УК РФ [7].

Суды РФ стараются избегать применения норм об освобождении от ответственности по делам о половых преступлениях из-за сложившегося и всячески подерживаемого в российском обществе представле-

ния о всех лицах, совершивших сексуальное преступление, особенно в отношении несовершеннолетних, как хладнокровных маньяках-насильниках. Часть 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ предусматривают ответственность за ненасильственные действия сексуального характера с лицом в возрасте от 14 до 16 лет, совершенные лицом, достигшим 18-летнего возраста. Уголовные дела возбуждаются по указанным нормам в том числе в отношении 18-летних парней, которые имели сексуальный контакт по взаимному согласию с 14–15-летними девушками. Между ними нередко отсутствует какой-либо конфликт, а примирение оформляется формально, поскольку потерпевшая не желает привлечения своего возлюбленного к ответственности по уголовному делу, возбуждение и обвинение по которому осуществляется без учета ее мнения. По уголовным делам о ненасильственных половых преступлениях достигшие 14-летнего возраста лица, процессуально считающиеся потерпевшими, себя, как правило, таковыми не считают. Убежденность в собственном статусе жертвы у них возникает в процессе судебного разбирательства. Кэтлин Дейли верно отмечает, что с точки зрения интересов потерпевшего процесс примирения по таким уголовным делам для несовершеннолетних может быть менее виктимизированным, чем судебный процесс [8, р. 334–356].

Законодатель, исходя из степени общественной опасности рассматриваемых преступлений, отнес их к категории небольшой и средней тяжести, поэтому сомнений относительно возможности освобождения лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 134 или ч. 1 ст. 135 УК РФ, в связи с примирением с потерпевшим быть не должно. Имеются и многочисленные судебные решения, подтверждающие данный факт. Так, Волгоградский областной суд подтвердил законность и обоснованность решения нижестоящего суда об освобождении К., обвиняемого в совершении развратных действий по ч. 1 ст. 135 УК РФ, от уголовной ответственности в связи с примирением сторон. По делу установлено, что потерпевшая Р. и ее законный представитель Я. собственноручно написали и подали заявление о прекращении уголовного дела в отношении подсудимого К., который продолжает проживать совместно с потерпевшей. Суд нижестоящей инстанции в полной мере исследовал все обстоятельства по делу, объективно оценил общественную значимость совершенного преступления и обоснованно пришел к выводу о возможности прекращения уголовного дела. Довод кассационного представления прокурора о невозможности прекращения уголовного дела, поскольку преступлением нарушено право на половую неприкосновенность несовершеннолетнего, не основан на законе, а потому не может служить основанием для отказа в прекращении дела в связи с примирением с потерпевшим [9].

2. Основаниями считать институт судебного штрафа разновидностью примирения сторон являются положения уголовного закона, согласно которым виновный должен загладить причиненный преступлением вред, т.е. осуществить имущественную, в том числе денежную, компенсацию морального вреда, оказать какую-либо помощь потерпевшему, принести ему извинения либо принять иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего [10]. Перечисленные действия виновный может совершить только в случае отсутствия противодействия со стороны потерпевшего, что свидетельствует о прекращении между ними конфликта.

Виды преступлений, освобождение от ответственности за которые возможно в связи с назначением судебного штрафа, такие же, как при примирении с потерпевшим в соответствии со ст. 76 УК РФ (ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135 УК РФ). Отсюда сомнения и похожая критика со стороны ученых. Некоторые исследователи даже предлагают изменить редакцию ст. 76² УК РФ, добавив в нее положение о запрете освобождения по такому основанию за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних [11, с. 103–114; 12, с. 106–114].

Тем не менее данная форма примирения работает и в отношении лиц, совершивших сексуальное преступление (небольшой или средней тяжести). Так, Гагаринский районный суд Смоленской области прекратил уголовное дело в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении Н., обвиняемого в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 134 УК РФ. По делу установлено, что Н. в судебном заседании признал свою вину в совершении указанных преступлений, раскаялся в содеянном, добровольно возместил причиненный вред, также принес извинения потерпевшим и их законным представителям, которые были приняты последними [13].

3. Согласно ст. 80¹ УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. К указанным категориям преступлений относятся деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 133, ч. 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ. Как ранее уже было отмечено, последние два вида преступлений нередко характеризуются отсутствием конфликта, поэтому сам факт продолжения добровольных отношений, подтвержденных изменениями в личной жизни виновного и потерпевшей, направленными на создание семьи (начало совместного проживания, желанная беременность и т.п.), является достаточным для применения рассматриваемой нормы.

Что касается понуждения к действиям сексуального характера, то в отношении данного деяния и лица, его совершившего, изменение обстановки может представлять собой примирение виновного с потерпевшей, о чем свидетельствовало бы, например, начало романтических отношений между ними, желание завести ребенка, вступление в брак.

4. Вышерассмотренные отдельные формы примирения: примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и изменение обстановки (ст. 80¹ УК РФ) – могут применяться по уголовным делам о тяжких сексуальных преступлениях (ч. 1–2 ст. 131 и 132, ч. 2–3 ст. 134 и ч. 2 ст. 135 УК РФ), если при вынесении приговора или решения об изменении приговора нижестоящей инстанции суд придет к выводу о возможности изменить категорию преступления на менее тяжкую (средней тяжести) [14].

Несмотря на то что некоторые исследователи [15, с. 84–90] считают необходимым ограничить круг преступлений, по которым возможно понижение категории, указанный механизм представляется вполне допустимым. По делу могут быть установлены смягчающие обстоятельства, которые существенно уменьшают общественную опасность деяния и лица, его совершившего, например аморальность поведения потерпевшего или несовершеннолетие виновного. Судебная практика также не исключает возможность изменения категории сексуального преступления. Так, Верховный суд Республики Крым, принимая решение об отказе в передаче кассационной жалобы о пересмотре апелляционного определения, подтвердил законность и обоснованность решения апелляционной инстанции об изменении категорий преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 131 и п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ, с тяжких на преступления, относящиеся к категориям средней тяжести [16].

5. Примечание 1 к ст. 134 УК РФ предусматривает единственное в своем роде специальное основание освобождения от наказания, являющееся частным случаем примирения в связи с изменением обстановки, – вступление в брак. Однако в отличие от ст. 80¹ УК РФ, где суд сам определяет достаточность основания для освобождения от наказания, указанная норма вызывает некоторые вопросы. Во-первых, претерпевание наказания за преступление средней тяжести полностью зависит от формальной процедуры регистрации брака, что создает возможность для различных злоупотреблений. Во-вторых, условия применения указанного примечания свидетельствуют о некотором неравенстве граждан. Возможность вступления в брак до достижения лицом 16-летнего возраста должна специально предусматриваться законами субъектов РФ. В одних субъектах это возможно, а в других нет. В связи с этим рассматриваемое примечание ставит в неравное положение виновных, проживающих на территории разных субъектов РФ.

Заключение

Представляется, что прим. 1 к ст. 134 УК РФ если и имеет положительный эффект, то очень небольшой и противоречивый. В связи с этим предлагается указанное примечание исключить, а возможность освобождения от наказания оставить на усмотрение суда при применении норм Общей части УК РФ.

Вместе с тем применение данных норм должно быть правилом, а не исключением. Все законодательные предписания, способные улучшить правовое положение лица, совершившего сексуальное пре-

ступление, должны активно использоваться судами. Безусловно, суды не должны поспешно решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности или наказания секс-преступника. Необходим качественный анализ всех обстоятельств уголовного дела [17, р. 143–178]. Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам о сексуальных преступлениях следует указать о возможности всех рассмотренных в настоящем исследовании форм примирения с лицом, совершившим сексуальное преступление.

Пристатейный библиографический список

1. Красиков А. Н. Примирение с потерпевшим и согласие потерпевшего – «частный сектор» в публичном уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1 (220).
2. Гаврицкий А. В., Кobleva М. М. Возможности медиации в уголовном процессе // Мировой судья. 2019. № 7.
3. Махов В. Н., Василенко А. С., Чебуханова Л. В. Элементы восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 35.
4. Sherman L. W., Strang H. Restorative Justice : The Evidence. Smith Institute, 2007.
5. Сидоренко Э. Л. Частноправовые механизмы уголовно-правовой защиты личности // Журнал российского права. 2017. № 8.
6. Shapland J. Forgiveness and Restorative Justice : Is It Necessary? Is It Helpful? // Oxford Journal of Law and Religion. 2016. Vol. 5. Iss. 1.
7. Постановление Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики // СПС «КонсультантПлюс».
8. Daly K. Restorative Justice and Sexual Assault : An Archival Study of Court and Conference Cases // British Journal of Criminology. 2006. Vol. 46. Iss. 2.
9. Кассационное определение Волгоградского областного суда от 2 августа 2010 г. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
11. Головинская И. В. Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности // Современный юрист. 2016. № 4.
12. Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7.
13. Постановление Гагаринского районного суда Смоленской области от 31 июля 2019 г. по делу № 1-164/2019 «О прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Карпова Н. А., Калининская Я. С. Изменение категории преступления на менее тяжкую : теория и практика применения // Современное право. 2016. № 11.
16. Постановление Верховного суда Республики Крым по делу № 4У-450/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Daly K., Wade D. Sibling Sexual Violence and Victims' Justice Interests : A Comparison of Youth Conferencing and Judicial Sentencing // Restorative Responses to Sexual Violence : Legal, Social and Therapeutic Dimensions / Ed. by E. Zinsstag, M. Keenan. Routledge, 2017.

References

1. Krasikov A. N. Reconciliation with the Victim and the Consent of the Victim – “Private Sector” in Public Criminal Law. *Izvestia of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. 1998. No. 1 (220).
2. Gavritskii A. V., Kobleva M. M. Possibilities of Mediation in Criminal Proceedings. *Magistrate Judge*. 2019. No. 7.

3. Makhov V. N., Vasilenko A. S., Chebukhanova L. V. Elements of Restorative Justice in Criminal Proceedings. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2017. No. 35.
4. Sherman L. W., Strang H. Restorative Justice: The Evidence. Smith Institute, 2007.
5. Sidorenko E. L. Private Law Mechanisms of Criminal Legal Protection of the Individual. *Journal of Russian Law*. 2017. No. 8.
6. Shapland J. Forgiveness and Restorative Justice: Is It Necessary? Is It Helpful? *Oxford Journal of Law and Religion*. 2016. Vol. 5. Iss. 1.
7. Resolution of the Supreme Court of the Kabardino-Balkarian Republic (SPS "ConsultantPlus").
8. Daly K. Restorative Justice and Sexual Assault: An Archival Study of Court and Conference Cases. *British Journal of Criminology*. 2006. Vol. 46. Iss. 2.
9. Cassation Ruling of the Volgograd Regional Court of 2 August 2010 (SPS "ConsultantPlus").
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 June 2013 No. 19 "On the Application by Courts of Legislation Regulating the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2013. No. 8.
11. Golovinskaia I. V. Judicial Fine as a Basis for Exemption from Criminal Liability. *Modern Lawyer*. 2016. No. 4.
12. Skripchenko N. Iu. Judicial Fine: Problems of Implementation of Legislative Novels. *Journal of Russian Law*. 2017. No. 7.
13. Resolution of the Gagarinsky District Court of the Smolensk Region of 31 July 2019 in case No. 1-164/2019 "On the Termination of the Criminal Case in Connection with the Appointment of a Court Fine" (SPS "ConsultantPlus").
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15 May 2018 No. 10 "On the Practice of Applying by Courts the Provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").
15. Karpova N. A., Kalininskaia Ia. S. Changing the Category of a Crime to a Less Serious One: Theory and Practice of Application. *Modern Law*. 2016. No. 11.
16. Resolution of the Supreme Court of the Republic of Crimea on case No. 4U-450/2015 (SPS "ConsultantPlus").
17. Daly K., Wade D. Sibling Sexual Violence and Victims' Justice Interests: A Comparison of Youth Conferencing and Judicial Sentencing. In Zinsstag E., Keenan M. (eds.). *Restorative Responses to Sexual Violence: Legal, Social and Therapeutic Dimensions*. Routledge, 2017.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-57-63>

В XX в. проблема защиты прав человека стала ключевой во внутригосударственном и международном праве. Поэтому вопрос применения смертной казни связан прежде всего с основным, неотчуждаемым правом каждого человека на жизнь (т.е. с явным противоречием ему). Международные стандарты в сфере защиты прав человека, а также ограничения и запреты применения смертной казни оказали большое влияние на развитие правовых систем и национальную уголовную юстицию. Намечилась устойчивая общемировая тенденция к сокращению применения смертной казни. По этому пути пошли все страны Европы, отказавшись в своем законодательстве и (или) на практике от сохранения и применения высшей меры наказания, заменив смертную казнь пожизненным заключением или длительными сроками лишения свободы. Среди европейских государств и стран СНГ Республика Беларусь является единственной страной, где продолжают казнить людей. В настоящее время сложилось явное противоречие между нормами международного права и нормами внутригосударственного права этой страны, что обуславливает актуальность анализа статуса смертной казни в Республике Беларусь с учетом современных правовых реалий. Предметом исследования являются научные и нормативные источники, публикации в средствах массовой информации, статистические данные по рассматриваемой проблеме. Цель данного исследования заключается в правовой оценке порядка назначения и исполнения высшей меры наказания в Республике Беларусь, ее юридической природы. Методологическую основу исследования составляет диалектический подход к изучению социально-правовых процессов и явлений, определяющих статус смертной казни в Республике Беларусь. В целях получения достоверных и научно обоснованных результатов комплексно применялись формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, логический, системный, статистический методы исследования. С авторских позиций проведен анализ норм международных актов, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, сделан вывод об особенностях правового статуса осужденных к смертной казни, о необходимости гуманизации уголовной политики страны. По мнению автора, смертная казнь относится не к правовым, а к политическим институтам, является неотъемлемым элементом тоталитарной власти, не только инструментом государственной политики, но и серьезной гуманитарной проблемой.

БОРСУЧЕНКО

Светлана Алексеевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА
Минюста России) (г. Москва)
bca38@mail.ru

**Уголовный кодекс Республики
Беларусь;
Уголовно-исполнительный
кодекс Республики Беларусь;
международные акты;
права человека;
уголовная политика;
смертная казнь;
осужденные к смертной казни;
правовой статус осужденных
к смертной казни**

Svetlana A. BORSUCHENKO

Candidate of Legal Sciences, Assistant
Professor, Department of Criminal
Law and Criminology, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

bca38@mail.ru

THE LEGAL STATUS OF THE DEATH PENALTY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

In the 20th century, the problem of protecting human rights has become a key issue in domestic and international law. Therefore, the issue of the use of the death penalty is associated, first of all, with the fundamental, inalienable right of every person to life (i.e. with its obvious contradiction). International standards in the field of human rights protection, as well as restrictions and prohibitions

**Criminal Code of the Republic of Belarus;
Penitentiary Code of the Republic of Belarus;
international acts;
human rights;
criminal policy;
death penalty;
those sentenced to death;
legal status of those sentenced to death**

on the use of the death penalty, have had a great impact on the development of legal systems and national criminal justice. There has been a steady global trend towards a reduction in the use of the death penalty. All European countries have followed this path, having abandoned in their legislation and (or) in practice the preservation and application of capital punishment, replacing the death penalty with life imprisonment or long terms of imprisonment. Among the European and CIS countries, the Republic of Belarus is the only country where people continue to be executed. At present, there is a clear contradiction between the norms of international law and the norms of the domestic law of this country, which makes the analysis of the status of the death penalty in the Republic of Belarus relevant, taking into account modern legal realities. The subject of research is scientific and regulatory sources, publications in the media, statistical data on the problem under consideration. The purpose of this study is to provide a legal assessment of the procedure for the appointment and execution of capital punishment in the Republic of Belarus, its legal nature. The methodological basis of the study is a dialectical approach to the study of social and legal processes and phenomena that determine the status of the death penalty in the Republic of Belarus. In order to obtain reliable and scientifically grounded results, formal legal, historical and legal, comparative legal, logical, systemic, statistical research methods were comprehensively applied. From the author's point of view, an analysis of the norms of international acts, criminal and penal legislation of the Republic of Belarus is carried out, a conclusion is made about the peculiarities of the legal status of those sentenced to death, the need to humanize the country's criminal policy. According to the author, the death penalty refers not to legal, but to political institutions, is an integral element of totalitarian power, not only an instrument of state policy, but also a serious humanitarian problem.

Вопрос о сокращении применения смертной казни стал активно обсуждаться в зарубежных странах еще в XIX в. [1, с. 121] Первым европейским государством, отменившим смертную казнь, стала Португалия в 1867 г.

Активная деятельность ООН, Совета Европы, религиозных, правозащитных и аболиционистских организаций привела к значительному сокращению применения смертной казни в мире. В настоящее время насчитывается 142 страны, отменившие смертную казнь на законодательном уровне и (или) на практике [2].

На Европейском континенте действуют следующие международные соглашения, предусматривающие обязательства государств не применять смертную казнь:

– Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни (принят и открыт для подписания на 82-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 44/128 от 15 декабря 1989 г. (на 2018 г. – 85 государств-участников) [3];

– Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (Страсбург, 28 апреля 1983 г.,

с изм. от 11 мая 1994 г.) (ратифицировали 46 европейских государств) [4];

– Протокол № 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно полной отмены смертной казни в любых обстоятельствах (Вильнюс, 3 мая 2002 г.) (ратифицировали 44 страны) [5].

Общемировая тенденция в международном сотрудничестве государств проявилась также в отказе от применения смертной казни за международные преступления. Смертная казнь не содержится в числе мер уголовного наказания, предусмотренных в Уставе Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г., где в качестве наиболее сурового вида наказания установлено пожизненное лишение свободы (п. «а» ст. 47) [6, с. 250].

Республика Беларусь является единственной страной среди европейских государств и стран СНГ, где применяется смертная казнь. Европейский союз и другие международные организации неоднократно призывали белорусские власти ввести мораторий на смертную казнь.

В Резолюции Европейского парламента от 16 февраля 2012 г. по смертной казни в Беларуси отмечается, что есть факты серьезных процессуальных нарушений в ходе предварительного следствия и судебного

рассмотрения по такой категории дел, применяются пытки с целью получения признательных показаний в ходе допросов, обвиняемые лишены доступа к адвокатам, нет доказательств их вины [7].

Согласно ч. 2 ст. 24 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда [8].

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (в ред. от 9 января 2019 г. № 171-З) (далее – УК РБ) в качестве исключительной меры наказания допускает применение смертной казни (расстрела) за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах (до отмены смертной казни) [9].

В соответствии с ч. 2ст. 59 УК РБ смертная казнь не может быть назначена лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет; женщинам; мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора 65 лет.

В случае выполнения лицом, совершившим преступление, обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, смертная казнь не применяется (ч. 2. ст. 69¹ УК РБ).

В случае установления психического расстройства, лишаящего осужденного возможности отдавать себе отчет в своих действиях, приговор к смертной казни в исполнение не приводится (ст. 176 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь).

Смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным заключением.

Согласно УК РБ к смертной казни могут быть приговорены лица, признанные виновными в преступлениях против мира и безопасности человечества: развязывании либо ведении агрессивной войны при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 122); убийстве представителя иностранного государства или международной организации в целях провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве (ч. 2 ст. 124); акте международного терроризма при отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 126); геноциде (ст. 127); преступлениях против безопасности человечества (депортация, незаконное содержание в заключении, обращение в рабство, массовое или систематическое осуществление казней без суда, похищение людей, за которым следует их исчезновение, пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью, политическими убеждениями и вероисповеданием гражданского населения) (ст. 128); военных преступлениях и других нарушениях законов и обычаев ведения войны (применение оружия массового пора-

жения (ст. 134), нарушение законов и обычаев войны при отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 135)); преступлениях против жизни и здоровья (убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 139)); преступлениях против общественной безопасности и здоровья населения (акт терроризма при отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 289)); преступлениях против государства (измена государству, совершенная должностным лицом, занимающим ответственное положение, или лицом, на которое распространяется статус военнослужащего, при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 356), заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти при отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 357), акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля (ч. 2 ст. 359), диверсия, совершенная организованной группой либо повлекшая гибель людей или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 360)); преступлениях против порядка управления (убийство сотрудника органов внутренних дел (ст. 362)).

Регулируется исполнение наказания в виде смертной казни Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь 2000 г. (в ред. от 17 июля 2020 г. № 51-З) (далее – УИК РБ) [10].

Особенности правового положения осужденных к смертной казни установлены ст. 174 УИК РБ. Согласно данной норме осужденные к смертной казни содержатся под усиленной охраной в отдельных камерах, выполняют обязанности и имеют права, установленные для лиц, содержащихся в местах исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу. Прогулка этой категории осужденных не предоставляется.

После вступления приговора суда в законную силу осужденные к смертной казни имеют право:

- 1) обратиться в установленном законом порядке с ходатайством о помиловании;
- 2) иметь свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их продолжительности и количества;
- 3) получать и отправлять письма без ограничений;
- 4) иметь одно краткосрочное свидание с близкими родственниками в месяц;
- 5) получать одну посылку или передачу один раз в три месяца в порядке, устанавливаемом администрацией учреждения, приобретать на протяжении месяца по безналичному расчету продукты питания и предметы первой необходимости на денежные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в том числе полученные по почтовым переводам, в размере, установленном для лиц, содержащихся в тюрьмах на строгом режиме;
- 6) оформлять в установленном законом порядке необходимые гражданско-правовые и брачно-семейные отношения;
- 7) иметь свидания со священнослужителем;

8) получать необходимую медицинскую помощь.

Особенности правового статуса осужденных к смертной казни связаны с условиями содержания этой категории осужденных, повышенными мерами по их охране. У осужденных к смертной казни существенно ограничена сфера законных интересов, поскольку данный вид наказания не обеспечивает дифференцированного подхода к осужденным, не стимулирует их исправление, не предполагает выработки стремления к обладанию теми или иными благами, как, например, при отбывании других видов наказания, в том числе пожизненного лишения свободы (в частности, применения мер поощрения, перевода из одних условий содержания в другие, условно-досрочного освобождения и т.п.).

Одним из важных прав осужденных к смертной казни является право на обращение к Президенту с ходатайством о помиловании.

Порядок рассмотрения вопросов помилования осужденных регламентирован Указом Президента Республики Беларусь от 3 декабря 1994 г. № 250 (в ред. от 11 января 2014 г. № 17) «Об утверждении Положения о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений» [11].

В соответствии со ст. 96 УК РБ помилование осуществляется Президентом Республики Беларусь *в отношении индивидуально-определенного лица*.

Помилование осуществляется *по личным ходатайствам осужденных*, которые рассматриваются только после вступления приговоров в законную силу.

Президент Республики Беларусь, кроме ходатайств о помиловании, рассматривает материалы в отношении лиц, осужденных к смертной казни, не ходатайствующих о помиловании, представления Председателя Верховного Суда либо Генерального прокурора о применении помилования к лицам, осужденным к смертной казни.

Ходатайства о помиловании подаются осужденными через администрацию исправительного учреждения.

Лица, осужденные к смертной казни, могут обратиться с ходатайством о помиловании к Президенту РБ в течение 10 суток со дня вручения им копии приговора или кассационного определения. Если осужденный к смертной казни не подаст в указанный срок ходатайство о помиловании либо сделает заявление о своем нежелании обращаться с таким ходатайством, должен быть составлен соответствующий акт. Ходатайство или акт направляются Президенту РБ не позднее трехдневного срока со дня приема ходатайства от осужденного или составления акта. Исполнение приговора в отношении лица, осужденного к смертной казни, приостанавливается до рассмот-

рения ходатайства о помиловании или материалов об отказе от подачи ходатайства.

Ходатайства о помиловании осужденных, а также материалы до внесения на рассмотрение Президента Республики Беларусь предварительно рассматриваются в Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Беларусь.

К участию в работе Комиссии могут быть допущены представители СМИ и общественных объединений, однако правозащитники Белорусского Хельсинкского комитета неоднократно обращались с такой просьбой, но в ее удовлетворении было отказано.

Решения Комиссии по рассмотрению ходатайств о помиловании принимаются простым большинством голосов ее присутствующих членов, вносятся в протокол и подписываются ими. При равенстве голосов голос председательствующего является решающим.

Ходатайства о помиловании лиц, осужденных к смертной казни, или материалы об отказе этих лиц от подачи ходатайств о помиловании до внесения на рассмотрение Комиссии высылаются Верховному Суду и Генеральной прокуратуре, которые в двухнедельный срок представляют заключения с изложением содержания принятых решений суда, обстоятельств совершенных преступлений, данных о личности осужденного, а также свои предложения по существу каждого ходатайства или материалов об отказе от подачи ходатайства.

Ходатайства о помиловании осужденных к смертной казни с предложениями Комиссии вносятся на рассмотрение Президента Республики Беларусь.

Решения о помиловании или об отклонении ходатайств о помиловании осужденных принимаются в форме указов Президента Республики Беларусь.

Указы Президента Республики Беларусь о помиловании или об отклонении ходатайств о помиловании направляются к исполнению в отношении лиц, осужденных к смертной казни, в Верховный Суд.

Сообщения об исполнении указов Президента Республики Беларусь в отношении осужденных к смертной казни направляются Президенту Республики Беларусь Верховным Судом.

Надо сказать, что сведения о работе Комиссии и случаях помилования крайне редко освещаются в прессе. Например, известен только один случай, когда А. Лукашенко помиловал приговоренного к смертной казни, хотя таких приговоров было вынесено более 400 [12].

Статья 175 УИК РБ регулирует порядок исполнения смертной казни.

Приговор к смертной казни, вступивший в законную силу, обращается к исполнению после получения официального сообщения об отклонении жалоб, направленных в порядке надзора, и ходатайства о помиловании.

В законе не предусмотрено, сколько времени осужденный может ждать казни (как правило, от трех месяцев до года).

Смертная казнь исполняется непублично путем расстрела, приговор приводится в исполнение в СИЗО № 1 г. Минска.

Исполнение смертной казни в отношении нескольких осужденных производится отдельно относительно каждого и в отсутствие других осужденных к смертной казни.

При исполнении смертной казни присутствуют прокурор, представитель учреждения, в котором исполняется смертная казнь, и врач-специалист. По разрешению прокурора в исключительных случаях при исполнении смертной казни допускается присутствие и других лиц.

Смерть осужденного констатируется врачом-специалистом. Об исполнении приговора составляется акт.

Администрация учреждения, в котором исполняется смертная казнь, обязана уведомить об исполнении приговора суд, постановивший его, а суд извещает одного из близких родственников. Суд, постановивший приговор, направляет в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, по месту нахождения этого суда сообщение о смерти лица, осужденного к смертной казни. Тело для погребения родственникам не выдается, о месте погребения не сообщается, выдается только свидетельство о смерти.

Статья 176 УИК РБ предусматривает основания для приостановления исполнения смертной казни.

При обнаружении у осужденного к смертной казни признаков психического расстройства (заболевания) администрация учреждения организует его медицинский осмотр комиссией в составе трех врачей-специалистов, о чем составляется протокол.

В случае установления психического расстройства (заболевания), лишаящего осужденного возможности отдавать себе отчет в своих действиях, приговор к смертной казни в исполнение не приводится и протокол медицинского осмотра направляется в суд, постановивший приговор.

В отношении такого осужденного суд приостанавливает исполнение приговора к смертной казни и решает вопрос о назначении осужденному принудительной меры безопасности и лечения в порядке, установленном УК РБ.

В случае выздоровления осужденного вопрос о применении к нему смертной казни или возможности замены ее другим наказанием решается судом, постановившим приговор.

В 2018 г. в Республике Беларусь к смертной казни были приговорены два человека, а также приведены в исполнение четыре смертных приговора, вынесенных ранее. В 2019 и 2020 гг. было вынесено по три смертных приговора [13; 14; 15].

Официальной статистики об исполнении смертных приговоров нет; такая информация поступает от правозащитников, которые общаются с другими осужденными и родственниками приговоренных к высшей мере наказания.

Евросоюз и ОБСЕ продолжают призывать белорусские власти соблюдать право на жизнь всех своих граждан без исключения и ввести мораторий на смертную казнь. Однако Беларусь систематически нарушает международные соглашения, к которым присоединилась. Так, в апреле 2016 г. был расстрелян осужденный Сергей Иванов, жалоба которого находилась на рассмотрении в Комитете ООН по правам человека [16]. Как участник Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (принятого 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [17], государство должно обеспечить временные меры защиты приговоренному к смертной казни, пока его дело рассматривает Комитет ООН по правам человека [18].

Очевидно, что международные стандарты в сфере защиты прав человека, ограничения и запреты применения смертной казни должны служить ориентиром для развития национальной уголовной юстиции.

С теоретической точки зрения смертная казнь не отвечает принципам уголовного права и уголовного законодательства, противоречит личному характеру наказания, не может обеспечить реализацию целей наказания, а значит, не отвечает всем признакам наказания, что выделяет ее из этой правовой категории и относит исключительно к политической мере. Криминологической обусловленности смертная казнь не имеет, что также подтверждается многочисленными исследованиями [19, с. 15]. Следовательно, проблема смертной казни имеет не правовой характер (т.е. не является средством борьбы с преступностью), а нравственный, гуманитарный, общечеловеческий.

Пристатейный библиографический список

1. *Гернет М. Н.* Смертная казнь. М. : Тип. Я. Данкинъ и Я. Хомутовъ, 1913.
2. Доклад о применении смертной казни в 2018 г. (от 10 апреля 2019 г.) // Amnesty International : сайт. URL: <https://www.amnesty.org/en/> (дата обращения: 23.12.2020).
3. Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни (принят и открыт для подписания на 82-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 44/128 от 15 декабря 1989 г.) // Советская юстиция. 1992. № 7–8.
4. Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (Страсбург, 28 апреля 1983 г., с изм. от 11 мая 1994 г.) // Действующее международное право : в 2 т. Т. 2. М. : Юрайт ; Международные отношения, 2007.
5. Протокол № 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно полной отмены смертной казни в любых обстоятельствах (Вильнюс, 3 мая 2002 г.) // Юрист-международник. 2003. № 1.
6. Устав Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Российский ежегодник международного права (1995). СПб. : Россия-Нева, 1995.
7. Резолюция Европарламента по смертной казни в Беларуси (от 17 февраля 2012 г.) // Смертная казнь в Беларуси : сайт. URL: <https://dp.spring96.org/ru/news/50035> (дата обращения: 23.12.2020).
8. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 23.12.2020).
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. от 11 ноября 2019 г. № 253-3) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. 2/50.
10. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-3 (в ред. от 17 июля 2020 г. № 51-3 (2/2770 от 22 июля 2020 г.)) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 32. 2/140.
11. Указ Президента Республики Беларусь от 3 декабря 1994 г. № 250 (в ред. от 11 января 2014 г. № 17) «Об утверждении Положения о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устранению последствий преступлений» (зарегистрирован в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 23 февраля 2001 г. № 1/2077).
12. Сколько осужденных помиловал президент? Специальная комиссия статистику не ведет // Последние новости Беларуси и мира : сайт. URL: <https://news.tut.by/society/651641.html> (дата обращения: 23.12.2020).
13. В Беларуси приведены в исполнение два смертных приговора // Новости Барановичей, Бреста, Беларуси, Мира : сайт. URL: <https://www.intex-press.by/2018/05/29/v-belarusi-privedeny-v-ispolnenie-dva-smertnyh-prigovora/> (дата обращения: 23.12.2020).
14. Приговоры года : три смертных, пожизненное и приведенные в исполнение // Онлайн Брест : сайт. URL: <https://onlinebrest.by/novosti/prigovory-goda-tri-smertnyh-pozhiznennoe-i-privedennye-v-ispolnenie.html> (дата обращения: 23.12.2020).
15. В Беларуси вынесли уже третий с начала 2020 года смертный приговор // Комсомольская Правда в Беларуси : сайт. URL: <https://www.kp.by/daily/27098.5/4175537/> (дата обращения: 23.12.2020).
16. В свидетельстве о смерти Сергея Иванова указано : «Приведение приговора в исполнение» // Правозащитный центр «Весна» : сайт. URL: <https://spring96.org/ru/news/83145> (дата обращения: 23.12.2020).
17. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 1.
18. Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни (одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 1984/50 от 25 мая 1984 г.) // Советская юстиция. 1992. № 7–8.
19. *Борсученко С. А.* Криминологические аспекты смертной казни // эж-Юрист. 2012. № 23 (726).

References

1. *Gernet M. N.* Death Penalty. Moscow: Printing House Ia. Dankin & Ia. Khomutov, 1913.
2. Report on the Use of the Death Penalty in 2018 (10 April 2019). URL: <https://www.amnesty.org/en/> (date of the application: 23.12.2020).

3. Second Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights Aimed at Abolishing the Death Penalty (adopted and opened for signature at the 82nd plenary meeting of the UN General Assembly by resolution 44/128 of 15 December 1989). *Soviet Justice*. 1992. No. 7-8.

4. Protocol No. 6 to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms Regarding the Abolition of the Death Penalty (Strasbourg, 28 April 1983, as amended on 11 May 1994). In *International Law in Force*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Iurait; Mezhdunarodnye otnosheniia, 2007.

5. Protocol No. 13 to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms Concerning the Complete Abolition of the Death Penalty in All Circumstances (Vilnius, 3 May 2002). *International Lawyer*. 2003. No. 1.

6. Charter of the International Criminal Court of 17 July 1998. In *Russian Yearbook of International Law* (1995). St. Petersburg: Russia-Neva, 1995.

7. Resolution of the European Parliament on the Death Penalty in Belarus (17 February 2012). URL: <https://dp.spring96.org/ru/news/50035> (date of the application: 23.12.2020).

8. Constitution of the Republic of Belarus of 15 March 1994 (as amended and supplemented by the republican referendums on 24 November 1996 and 17 October 2004). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (date of the application: 23.12.2020).

9. Criminal Code of the Republic of Belarus of 9 July 1999 No. 275-Z (as amended on 11 November 2019 No. 253-Z). *National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus*. 1999. No. 76.2/50.

10. Criminal Executive Code of the Republic of Belarus of 11 January 2000 No. 365-Z (as amended on 17 July 2020 No. 51-Z (2/2770 of 22 July 2020)). *National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus*. 2000. No. 32.2/140.

11. Decree of the President of the Republic of Belarus of 3 December 1994 No. 250 (as amended on 11 January 2014 No. 17) "On Approval of the Regulation on the Procedure for Pardoning Convicts in the Republic of Belarus, Releasing Persons from Criminal Liability Who Contributed to the Disclosure and Elimination of the Consequences of Crimes" (registered in the National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus on 23 February 2001 No. 1/2077).

12. How Many Convicts Did the President Pardon? The Special Commission Does Not Keep Statistics. URL: <https://news.tut.by/society/651641.html> (date of the application: 23.12.2020).

13. Two Death Sentences Were Carried Out in Belarus. URL: <https://www.intex-press.by/2018/05/29/v-belarusi-privedeny-v-ispolnenie-dva-smertnyh-prigovora/> (date of the application: 23.12.2020).

14. Sentences of the Year: Three Mortals, Life Imprisonment and Executed. URL: <https://onlinebrest.by/novosti/prigovory-goda-tri-smertnyh-pozhiznennoe-i-privedennye-v-ispolnenie.html> (date of the application: 23.12.2020).

15. The Third Death Sentence Since the Beginning of 2020 Has Been Passed in Belarus. URL: <https://www.kp.by/daily/27098.5/4175537/> (date of the application: 23.12.2020).

16. The Death Certificate of Sergei Ivanov States: "Execution of the Sentence". URL: <https://spring96.org/ru/news/83145> (date of the application: 23.12.2020).

17. Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on 16 December 1966 by resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly). *Bulletin of International Treaties*. 1993. No. 1.

18. Measures to Guarantee the Protection of the Rights of Those Sentenced to Death (approved by the UN Economic and Social Council resolution 1984/50 of 25 May 1984). *Soviet Justice*. 1992. No. 7-8.

19. *Borsuchenko S. A. Criminological Aspects of the Death Penalty. ej-Lawyer*. 2012. No. 23 (726).

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ, КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-64-70>

Актуальность: своевременность, достоверность, обоснованность и полнота расследования и раскрытия преступления в современных условиях во многом определяются эффективностью и широтой использования следователем на предварительном следствии достижений цифровых информационных, компьютерных и телекоммуникационных технологий. По мнению автора, это позволит следователю правильно определить направление расследования, его информационное наполнение, выбрать наиболее приемлемую тактику производства следственных и иных процессуальных действий, обеспечить обоснованность принимаемых процессуальных решений. Подчеркивается, что указанная деятельность следователя неразрывно связана с его процессуальной самостоятельностью и является ее выражением. Методология: методологическую основу исследования составили общенаучные методы (системный, структурно-функциональный), а также частнонаучные методы (сравнительного правоведения, технико-юридического анализа теоретических и нормативно-правовых источников, конкретизации, толкования). Целью исследования является анализ научной литературы, нормативной базы, касающейся возможности использования следователем современных информационных технологий, а также законодательного регулирования их применения в процессе расследования и производства следственных действий. Основные результаты исследования: автором сформулированы возможные направления использования современных информационных технологий в целях достижения полноты, объективности и достоверности расследования. Область применения: материалы статьи могут быть использованы в научных исследованиях для дальнейшей теоретической разработки цифровизации уголовного судопроизводства. Выводы: использование информационных технологий способствует повышению эффективности и качества деятельности следователя, его процессуальной самостоятельности, экономии материальных и временных ресурсов.

**ТОРБИН
Юрий Григорьевич**

доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
уголовно-процессуального права
и криминалистики Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
Заслуженный юрист РФ (г. Москва)
torbinug@rambler.ru

**Цифровые, информационные,
компьютерные технологии;
следователь;
процессуальная
самостоятельность;
инновационный подход**

Yury G. TORBIN

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Criminal Procedure
and Criminalistics, All-Russian State
University of Justice, Honored Lawyer
of the Russian Federation (Moscow)

torbinug@rambler.ru

**INNOVATIVE APPROACHES USED BY THE INVESTIGATOR
AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION AS A FORM
OF MANIFESTATION OF HIS PROCEDURAL
INDEPENDENCE**

Actuality: The timeliness, reliability, validity and completeness of the investigation and disclosure of the crime in today's conditions are largely determined by the efficiency and breadth of the investigator's use at the preliminary investigation of the achievements of digital information, computer and telecommunication technologies. According to the author, this will allow the investigator to correctly determine the direction of the investigation, its information content, choose the most acceptable tactics of investigation and other procedural

**Digital, information, computer
technology;
investigator;
procedural autonomy;
innovative approach**

actions, to ensure the validity of the procedural decisions. It is emphasized that the investigator's activities are inextricably linked to his procedural autonomy and is its expression. Methodology: The methodological basis of the study was general scientific methods (systemic, structural-functional), as well as private-scientific methods (comparative law, technical and legal analysis of theoretical and legal sources, specification, interpretation). The aim of the study is to analyze the scientific literature, the regulatory framework concerning the possibility of the investigator using modern information technologies, as well as the legislative regulation of their application in the investigation and investigation process. The main results of the study: The author formulated possible directions for the use of modern information technologies in order to achieve completeness, objectivity and reliability of the investigation. Scope: Article materials can be used in scientific research to further theoretically develop the digitization of criminal proceedings. Conclusion: The use of information technology contributes to improving the efficiency and quality of the investigator's activities, his procedural autonomy, saving material and time resources.

Современное состояние и развитие цифровых информационных, компьютерных и телекоммуникационных технологий, которые стремительно вторгаются почти во все сферы жизнедеятельности общества и государства, не обошли стороной правоохранительные и судебные органы. В частности, это касается сферы борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка, включая процессуальную деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

Одной из ключевых процессуальных фигур российского уголовного судопроизводства, осуществляющих раскрытие и расследование наиболее сложных и общественно опасных деяний, является следователь.

Уникальность и неповторимость нынешнего положения следователя состоит в том, что именно он в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ, уголовно-процессуальный закон) вправе осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также выполнять иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом (п. 41 ст. 5 УПК РФ). Такое краткое, хотя и емкое определение процессуального статуса следователя раскрывается в его полномочиях, определенных в ч. 2 ст. 38 УПК РФ, а детализируется и конкретизируется по своему содержанию в целом ряде других статей уголовно-процессуального закона, а также иных федеральных законах и ведомственных правовых актах. Следует подчеркнуть, что его деятельность строго регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства. Одновременно к нему предъявляются высокие требования профессионального, образовательного, нравственного, социокультурного и иного характера. Он должен не только иметь необходимые теоретические знания в области уголовного и уголовно-процессуального права, а также смежных отраслей права, владеть необходимыми

навыками и умениями, приобретаемыми в процессе обучения, но и обладать такими основными качествами, как: профессионализм, компетентность, образованность, интеллектуальность, честность, неподкупность, принципиальность и др., которые в конечном счете характеризуют личность.

Совокупность указанных свойств и качеств позволяет следователю обеспечить всесторонность, достоверность, полноту и объективность проведения предварительного следствия, законность и обоснованность привлечения к уголовной ответственности виновных лиц, совершивших преступление, а также защиту прав, свобод и законных интересов иных участников уголовного судопроизводства.

Высокий уровень требований, предъявляемых к следователю, был заложен еще в 60-х гг. XIX в. в соответствующих указах Александра II 1860 г. и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в соответствии с которым судебный следователь выступал в качестве «объективного и беспристрастного исследователя, стремящегося к установлению истины» [1, с. 1739–1744].

В советский период времени в юридической литературе подчеркивались качества, которым должен был отвечать следователь: «...быть политически зрелым, образованным, культурным работником, хорошо вооруженным специальными знаниями в области советского законодательства, правовых наук, в совершенстве владеющим техникой, тактикой и методикой расследования...» [2, с. 4].

Разумеется, что в современных условиях этого уже явно недостаточно. Следователь должен умело использовать достижения технического прогресса, и прежде всего высокие информационно-поисковые технологии, средства массовой коммуникации, все то, что связано с цифровизацией уголовного судопроизводства.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что нормы УПК РФ не содержат прямого указания на необходимость применения лично следователем технических средств и AI-технологий в процессе осуществления им своих полномочий (ст. 38 УПК РФ). Предусмотрена лишь возможность применения при производстве следственных действий технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ). При этом не уточняется, кто конкретно их применяет, равно как и не перечисляются виды технических средств. Правда, при производстве освидетельствования предусмотрена возможность фотографирования, видеозаписи и кино съемки (ч. 5 ст. 179 УПК РФ). Аналогичное положение содержится и в ч. 4 ст. 190 УПК в отношении проведения допроса, равно как и проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего (ч. 5 ст. 191 УПК РФ). Определенный вывод о видах используемых технических средств и приемов, применяемых при производстве следственных действий, можно сделать исходя из содержания ч. 2 ст. 166 УПК РФ, где, помимо применения технических средств, говорится об использовании стенографирования, фотографирования, кино съемки, аудио- и видеозаписи. В свою очередь в соответствии с ч. 8 названной статьи УПК РФ к протоколу следственного действия могут быть приложены фотографические негативы и снимки (фотосъемка), киноленты (кино съемка), диапозитивы, фонограммы допроса (звукозапись), кассеты видеозаписи (видеозапись), а также чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, электронные носители информации, полученной или скопированной с других носителей информации в ходе производства следственного действия.

Обосновывая объективную потребность в развитии и совершенствовании процесса расследования и раскрытия преступления на основе применение современных достижений в научно-техническом обеспечении этого процесса, надо исходить из характеристики и содержания деятельности следователя. В соответствии с теорией уголовно-процессуальной науки деятельность следователя носит познавательный-поисковый и достоверительный характер с использованием ретроспективных непосредственных и опосредованных подходов к изучению обстоятельств расследуемого события преступления, подлежащих доказыванию, посредством производства следственных и иных процессуальных действий, направленных на получение необходимой информации как о самом преступлении, так и лице, его совершившем.

Разумеется, следователь, получая в процессе расследования огромный массив информации, далеко

не всегда в состоянии лишь посредством логических приемов оценить ее доказательственное значение и относимость к расследуемому преступлению, тем более что, как отмечают некоторые авторы, следователи расходуют на обобщение, систематизацию, переработку и анализ криминалистически значимой информации более 40% своего рабочего времени [3, с. 651–657].

Для решения указанной задачи следователь должен воспользоваться современными методами и техническими приемами сбора, обработки, хранения и использования информации, базирующимися на цифровых технологиях. В этом проявляется творческий характер деятельности следователя, основой которой является его процессуальная самостоятельность в определении направленности хода расследования, принятии процессуальных решений о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Следует подчеркнуть, что процессуальная самостоятельность следователя является краеугольным камнем его полномочий, свидетельствует о той важной роли, которую государство и общество отводили и отводят следователю в деле борьбы с преступностью.

С учетом этого учеными высказываются различные точки зрения, позиции, концепции, касающиеся определения понятия «процессуальная самостоятельность следователя».

Одни авторы в основу данного понятия кладут предусмотренные уголовно-процессуальным законом полномочия следователя, включающие определение направления расследования и связанных с ним процессуальных действий и решений [3; 4; 5].

Другие вычлениют лишь производство следственных действий, видя ограничения самостоятельности следователя в этом случае в получении разрешения суда или руководителя следственного органа [7].

Третьи подчеркивают, что самостоятельность следователя проявляется в возможности отстаивать свое убеждение в правильном определении стратегии и тактики проводимого расследования и отстаивать его посредством несогласия с мнением руководителя следственного органа и прокурора, обжалуя их [8; 9, с. 41–44; 10, с. 1325–1330; 11].

По мнению ряда авторов, процессуальная самостоятельность следователя не есть полная свобода в совершении процессуальных действий и принимаемых решений, а представляет собой лишь возможность отстаивать свое мнение по ключевым вопросам уголовного дела, если с ним не согласны иные должностные лица, обладающие властными полномочиями [12, с. 121–124].

Отдельные авторы полагают, что спорить о самостоятельности следователя беспредметно, поскольку он таковой не обладает с учетом того влияния, кото-

рое оказывают на него руководитель следственного органа и прокурор [13, с. 55; 14, с. 10–12].

Как нам представляется, процессуальная самостоятельность следователя именно в контексте ее отражения в нормах уголовно-процессуального закона можно определить как *совокупность совершаемых следователем процессуальных действий и принимаемых им процессуальных решений с использованием научных и профессиональных знаний, технико-криминалистических средств и информационных технологий в границах, очерченных уголовно-процессуальным законом, в ходе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и сформировавшегося на этой основе внутреннего убеждения в законности, обоснованности и справедливости его деятельности по установлению истины, которую он вправе отстаивать перед другими участниками уголовного судопроизводства, обладающими властными полномочиями.*

Важным проявлением процессуальной самостоятельности следователя является планирование расследования преступления. Анализируя данную проблему, некоторые авторы рассматривают процесс планирования расследования конкретного преступления неоправданно широко. Наряду с определением правильного направления расследования, его задач, перечислением следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, применением технических средств и тактических приемов криминалистики они включают в него целый ряд других положений. К ним они относят: определение содержания деятельности следователя на всех этапах расследования; целеустремленность, эффективность, полноту, всесторонность и объективность расследования; работу с доказательствами; объединение возможностей следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий, повышение результативности их производства; обеспечение соответствия всех осуществляемых действий и мероприятий действующему уголовно-процессуальному закону; регулирование нагрузки, экономию времени, сил и средств следственного аппарата, максимальную быстроту расследования; обеспечение равномерности в работе и ритмичности всего процесса расследования; контроль за исполнением следственных и иных действий и мероприятий; получение эффективных результатов расследования [15].

Как нам представляется, план расследования, помимо краткого изложения фабулы уголовного дела и его движения, описания первоочередных задач расследования и содержания выдвигаемых следственных версий, в обязательном порядке предусматривает производство следственных, иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий с перечислением вопросов, подле-

жащих установлению при их проведении, участников и исполнителей этих действий, а также сроки их проведения, которые, в свою очередь, должны соотноситься с процессуальными сроками предварительного расследования, закрепленными в уголовно-процессуальном законе.

Полнота, эффективность и реализуемость составляемого плана во многом определяется не только характером расследуемого преступления, его сложностью, многоэпизодностью, многосоставностью, многосубъектностью, но и профессионализмом, компетентностью, наличием опыта работы следователя, а также широтой его познаний в других научных областях, эвристическим мышлением и интуицией, стремлением к использованию рекомендаций ученых в области криминалистики, судебной экспертизы, оперативно-розыскной деятельности, юридической психологии, логики и других научных направлений. Как представляется, именно наличие этих прогрессивных качеств, свойств и устремлений позволит следователю более целенаправленно и эффективно использовать и возможности инновационных технологий в процессе расследования и раскрытия преступления. По мнению ряда авторов, это использование осуществляется посредством справочно-информационного обеспечения, а также путем решения логико-поисковых задач, построения следственных версий, определения целей расследования и планирования [16, с. 53; 17, с. 15; 18, с. 93].

Так, при составлении плана расследования и определении возможных направлений по организации и методике расследования конкретных видов преступлений следователь может воспользоваться информацией, содержащейся в соответствующих справочно-информационных системах («Маньяк», «Спрут», «Блок», «Сейф» и др.) [19, с. 2–9]. Что же касается выдвижения и проверки следственных версий, то в этих целях могут быть использованы такие справочно-информационные системы, как, например, «Типовые версии по делам об убийствах».

Существенно расширит кругозор следователя, детерминирует его возможности в определении направления в проводимом им расследовании и окажет практическую помощь в планировании его деятельности такой инновационный подход, как использование имитационных программ («Расследование ДТП», «Расследование убийств», «Расследование компьютерных преступлений»), рабочих модульных программ («Автоматизированное рабочее место следователя (АРМС)», «Автограф», «Фоторобот»), электронных справочных программ («Кража культурных ценностей», «Расследование преступлений, связанных с наркотиками», «Расследование преступлений, связанных с взрывами», «Расследование компьютерных преступлений») [20].

Разумеется, названные типовые программы, используемые на первоначальном этапе планирования расследования, должны быть адаптированы к конкретному уголовному делу, поскольку они не содержат каких-то индивидуальных следственных задач, относящихся к нему. Задача следователя как раз и заключается в том, чтобы определить их посредством логического и эвристического мышления, моделирования и иных методов научного познания. Именно эти положения должны быть положены в основу составления плана расследования по конкретному преступлению.

Важное место среди модульных программ занимает «Автоматизированное рабочее место следователя (АРМС)», которая, по мнению отдельных авторов, должна включать целый ряд подпрограмм, в том числе: о законодательстве; доказательствах; следственных действиях; судебных экспертизах; технико-криминалистических средствах и ряд других [15].

Инновационные подходы должны использоваться следователем и при производстве следственных действий. Однако, как справедливо отмечают некоторые авторы, несовершенство процессуальной регламентации следственных действий в значительной степени осложняет практическое решение методических задач расследования, а равно тактику действий следователя [21, с. 57–63], в том числе и в использовании технических средств и инновационных подходов.

Особую актуальность инновационный подход в деятельности следователя приобретает при производстве им следственных действий, направленных на получение виртуальной информации, когда расследуются киберпреступления [22; 23; 24; 25; 26]. Это касается осмотра носителей электронной информации в целях установления наличия виртуальных следов; следственного эксперимента; обыска и выемки носителей электронной информации; назначения компьютерно-технической экспертизы. Прежде всего расследование такого вида преступлений должно поручаться следователю, который компетентен в области телекоммуникационных систем, компьютерных технологий и компьютерной техники и способен распознать механизм совершения киберпреступления [27]. Однако нужно подчеркнуть, что вполне достаточно, чтобы следователь обладал лишь необходимыми познаниями в указанных технологиях: он не может заменить собой специалиста, который должен участвовать в производстве следственных действий при расследовании киберпреступлений. Инно-

вационный подход следователя в данном случае будет заключаться в умении пригласить соответствующего специалиста еще на этапе подготовки к производству того или иного следственного действия, правильном подборе понятых, обладающих навыками работы с компьютерной техникой и телекоммуникационными сетями и владеющих знаниями в сфере компьютерных технологий, и умении правильно оценить как действия участников следственного действия, так и полученные результаты, причем не с помощью алгоритмических предписаний, а благодаря эвристическому мышлению, о котором мы уже упоминали, требующему индуктивной логики. Указанные требования представляются необходимыми и при производстве допроса и очной ставки подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего.

Необходимо напомнить, что следователь, планируя производство осмотра места происшествия, имеет реальную возможность получения спутниковых фотозображений открытых участков местности за счет дистанционного зондирования поверхности Земли. Информацию о наличии необходимых кадров в интересующее время в конкретном месте следователь Следственного комитета РФ может получить через электронную почту. Это стало возможным благодаря соответствующему соглашению между Следственным комитетом РФ и Научным центром оперативного мониторинга Земли РКС Роскосмоса. Аналогичным образом компьютерные системы, используя цифровые устройства автотранспорта, позволяют следователю получать полезную информацию о скорости автомобиля, весе пассажиров и водителя, маршрутах.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что применение следователем инновационных подходов в процессе расследования и раскрытия преступления предоставляет ему достаточные преимущества в использовании достижений цифровых информационных, компьютерных и телекоммуникационных технологий, что позволяет правильно определять направление расследования по конкретному уголовному делу, наиболее полно и целенаправленно использовать доказательственную информацию, целенаправленно, эффективно, в оптимальной последовательности проводить следственные и иные процессуальные действия и принимать выверенные процессуальные и тактические решения. Это обеспечивает своевременное, законное, обоснованное, достоверное установление обстоятельств расследуемого преступления, его раскрытие и установление лица, совершившего преступление.

Пристатейный библиографический список

1. *Глебова А. Г.* Некоторые проблемы совершенствования организации следственного аппарата и процессуального статуса следователя в России // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи. 2014. № 5.
2. *Тарасов-Родионов П. И.* Предварительное следствие. М. : Госюриздат, 1955.
3. *Долгинов С. Д.* Информационные технологии в расследовании преступлений экономической направленности // Пермский юридический альманах. 2019.
4. *Хорьяков С. Н.* Процессуальная самостоятельность следователя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
5. *Марфицин П. Г.* Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) : монография. Омск : Омская Академия МВД России, 2002.
6. *Арсенова Т. Б.* Процессуальная самостоятельность следователя: понятие и пределы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6.
7. *Вартанов А. Р.* Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.
8. *Гуляев А. П.* Следователь в уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1981.
9. *Мухиддинов А. А.* Уголовно-процессуальная самостоятельность следователя в свете требований нового УПК Республики Таджикистан // Российский следователь. 2012. № 4.
10. *Быков В. М.* Правовое положение следователя в уголовном процессе России (ч. 3) // Право и политика. 2012. № 8.
11. *Рытькова В. Ю.* Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007.
12. *Зотов А. Ю.* Процессуальная самостоятельность следователя как его правовое состояние // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27).
13. *Цветков Ю. А.* Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // Российский следователь. 2014. № 14.
14. *Венев Д. А.* Независимость следователя: реальность или фикция? // Российский следователь. 2016. № 9.
15. *Семьина Н. Б.* Основы планирования и программирования следственной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
16. *Грицаев С. И.* Криминалистические проблемы организационных функций следователя в расследовании. Краснодар : КубГАУ, 2006.
17. *Зеленский В. Д.* Основы компьютеризации расследования. Краснодар : КубГАУ, 1999.
18. *Сидоров А. А.* Правовая информатика и кибернетика: учебное пособие. Краснодар : КубГАУ, 2006.
19. *Грицаев С. И., Помазанов В. В., Заболотная Ю. А.* Компьютеризация целеопределения и планирования расследования // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 108 (04).
20. *Решетников В. М.* Инновационные технологии в расследовании преступлений. Рабочая программа. Волгоград : Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 2019.
21. *Белкин А. Р.* Несовершенство процессуальной регламентации отдельных следственных действий и попытки оптимизации комплекса методических и тактических средств расследования преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36).
22. *Воробьев В. В.* Преступления в сфере компьютерной информации : юридическая характеристика составов и квалификация : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.
23. *Степанов-Егиянц В. Г.* Преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации : сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
24. *Тропина Т. Л.* Киберпреступность : понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005.
25. *Нарижный А. В.* Использование специальных познаний при выявлении и расследовании преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
26. *Чекунов И. Г.* Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение предупреждения киберпреступности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
27. *Шевченко Е. С.* Тактика производства следственных действий при расследовании киберпреступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

References

1. Glebova A. G. Some Problems Improve the Organization of the Investigative Apparatus and the Procedural Status of the Investigator in Russia. *Materials of the International Scientific and Practical Conference "Criminal Proceedings: History and Modernity" Dedicated to the 150th Anniversary of the Charter of Criminal Procedure of the Russian Empire*. 2014. No. 5.
2. Tarasov-Rodionov P. I. Preliminary Investigation. Moscow: Gosizdat, 1955.
3. Dolginov S. D. Information Technology in the Investigation of Crimes of Economic Orientation. *Permian Legal Almanac*. 2019.
4. Khoriakov S. N. Procedural Independence of the Investigator: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2006.
5. Marfitsin P. G. Investigator's Discretion (Criminal Procedure Aspect): Monograph. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002.
6. Arsenova T. B. Procedural Independence of the Investigator: Concept and Limits. *Herald of the Moscow University of the Russian Interior Ministry*. 2009. No. 6.
7. Vartanov A. R. Problems of Procedural Independence of the Investigator on the CPC of the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2012.
8. Guliaev A. P. Investigator in Criminal Proceedings. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1981.
9. Mukhiddinov A. A. Criminal-Procedural Independence of the Investigator in Light of the Requirements of the New CPC of the Republic of Tajikistan. *Russian Investigator*. 2012. No. 4.
10. Bykov V. M. The Legal Position of the Investigator in the Criminal Process of Russia (Part Three). *Law and Politics*. 2012. No. 8.
11. Rytikova V. Iu. Legal Regulation of the Procedural Status of the Investigator in the Criminal Proceedings of Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Kaliningrad, 2007.
12. Zotov A. Iu. Procedural Independence of the Investigator as His Legal State. *Herald of the Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry*. 2017. No. 1 (27).
13. Tsvetkov Iu. A. Procedural Independence of the Investigator in the Modern Paradigm of Pre-Trial Proceedings. *Russian Investigator*. 2014. No. 14.
14. Venev D. A. Investigator's Independence: Reality or Fiction? *Russian Investigator*. 2016. No. 9.
15. Semina N. B. Basics of Planning and Investigative Programming: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2009.
16. Gritsaev S. I. Forensic Problems of Organizational Functions of the Investigator in the Investigation. Krasnodar: Kuban State Agrarian University, 2006.
17. Zelenskii V. D. Basics of Computerization of the Investigation. Krasnodar: Kuban State Agrarian University, 1999.
18. Sidorov A. A. Legal Informatics and Cybernetics: Textbook. Krasnodar: Kuban State Agrarian University, 2006.
19. Gritsaev S. I., Pomazanov V. V., Zabolotniaia Iu. A. Computerization of Targeting and Planning of Investigation. *Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. 2015. No. 108 (04).
20. Reshetnikov V. M. Innovative Technologies in the Investigation of Crimes. The Work Program. Volgograd: Volgograd Institute of Management (Branch of RANEP), 2019.
21. Belkin A. R. Imperfect Procedural Regulation of Certain Investigative Actions and Attempts to Optimize a Set of Methodical and Tactical Means of Investigating Crimes. *Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry*. 2016. No. 4 (36).
22. Vorobiov V. V. Computer Crimes: Legal Characteristics of Compositions and Qualifications: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. N. Novgorod, 2000.
23. Stepanov-Egiants V. G. Crimes in the Field of Security Circulation of Computer Information: Comparative Analysis: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2005.
24. Tropina T. L. Cybercrime: Concept, State, Criminal Measures of Combat: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Vladivostok, 2005.
25. Narizhnyi A. V. The Use of Special Knowledge in the Detection and Investigation of Crimes in the Field of Computer Information and High Technology: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2009.
26. Chekunov I. G. Criminological and Criminal Protection of Cybercrime Prevention: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2013.
27. Shevchenko E. S. Tactics of Investigation in the Investigation of Cybercrime: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2016.

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ ОБЖАЛОВАНИЯ И ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-71-77>

Актуальность темы определяется повышенным уровнем гарантий права осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом, установленным как отечественными конституционными предписаниями, так и целым рядом международных правовых актов. Вступление в законную силу Федерального закона от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», значительно изменившего процесс кассационной проверки судебных решений в уголовном судопроизводстве, начало деятельности апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции обуславливает необходимость научного осмысления и исследования эффективности проведенных реформ. Предметом проведенного исследования послужили нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующие процедуру обжалования и пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, а также практика Европейского Суда по правам человека, Верховного Суда РФ. Цель работы заключается в обосновании необходимости дальнейшего реформирования и совершенствования законодательной регламентации института пересмотра уголовных дел. Методологической основой исследования послужил комплекс общенаучных и частнонаучных методов: диалектического, анализа и синтеза, логико-юридического, сравнительно-правового. В статье проанализированы основные этапы реформирования процедуры пересмотра уголовных дел, степень достижения их целей. Автором исследованы современная законодательная регламентация, судебная практика, точки зрения, изложенные в научной литературе, относительно обжалования судебных решений в уголовном судопроизводстве. Новизна работы обусловлена обоснованием необходимости внесения комплекса изменений в ст. 401.8, п. 5 ч. 1 и п. 6 ч. 2 ст. 401.11, ч. 2 ст. 401.12 УПК РФ. Анализ действующего законодательства и судебной практики, выработка на их основе предложений по изменению и дополнению норм УПК РФ имеют не только теоретическое, но и практическое значение для обеспечения конституционных прав граждан, повышения эффективности правосудия. Таким образом, отмечая продуктивность проведенной законодателем реформы процедуры обжалования судебных решений в уголовном судопроизводстве, автор констатирует необходимость дальнейшего совершенствования ее законодательной регламентации, в том числе и в целях соблюдения разумных сроков судопроизводства и оперативного восстановления нарушенных прав, приближения ее к средствам правовой защиты, признаваемым Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

ПЕРЕЛЯТКО

Наталья Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
уголовного процесса Саратовской
государственной юридической
академии (г. Саратов)

naperetyatko@yandex.ru

Реформирование системы пересмотра уголовных дел; выборочная и сплошная кассация; решения судьи, принимаемые по результатам рассмотрения кассационных жалоб; меры пресечения, избираемые судом кассационной инстанции; унификация процедуры обжалования

Natalia M. PERETYATKO

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Criminal Procedure, Saratov State Law
Academy (Saratov)

naperetyatko@yandex.ru

ON THE LEGISLATIVE REGULATION OF THE PROCEDURE FOR APPEALING AND REVIEWING JUDICIAL DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS THAT HAVE ENTERED INTO LEGAL FORCE

Reform of the system for reviewing criminal cases; selective and continuous cassation; judge's decisions taken on the results of consideration of cassation complaints; preventive measures chosen by the court of cassation instance; unification of the appeal procedure

The relevance of the topic is determined by the increased level of guarantees of the right of a convicted person to review the sentence by a higher court, established by both domestic constitutional regulations and a number of international legal acts. Entry into force of the Federal Law of 11 October 2018 No. 361-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation", which radically changed the procedure for appealing and reviewing judicial decisions in criminal proceedings that have entered into force, the beginning of the activity of appeal and cassation courts of general jurisdiction, necessitates scientific reflection and research on the effectiveness of the reforms. The subject of the study was the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the procedure for appealing and reviewing court decisions that have entered into force, as well as the practice of the European Court of Human Rights and the Supreme Court of the Russian Federation. The purpose of this work is to substantiate the need for further reform and improvement of the legal regulation of the institute of criminal cases review. The methodological basis of the study was a set of general scientific and private scientific methods: dialectical, analysis and synthesis, logical-legal, comparative-legal. The article analyzes the main stages of reforming the procedure for reviewing criminal cases, the degree of achieving their goals. The author studies the current legislative regulation, judicial practice, and the points of view expressed in the scientific literature regarding the appeal of court decisions in criminal proceedings. The novelty of the work is due to the justification of the need to make a set of changes in Arts. 401.8, 401.11(1)(5) and (2)(6), 401.12(2) of the Criminal Procedure Code. Analysis of the current legislation and judicial practice, development of proposals on changing and supplementing the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is not only theoretical, but also practical for ensuring the constitutional rights of citizens, improving the efficiency of justice. Thus, noting the productivity conducted by the legislator of the reform of the procedure of appeal against court decisions in criminal proceedings, the author notes the need for further improvement of its legislative regulation, including to comply with reasonable terms of justice and prompt redress its approach to remedies in the sense of the Convention for the protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

Право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, гарантировано Конституцией Российской Федерации (ч. 30 ст. 50), причем «Конституция РФ исходит из обязанности государства обеспечить каждому рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями» [1]. Право на пересмотр решения вышестоящей судебной инстанцией закреплено в Международном пакте о гражданских и политических правах, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция) (протокол № 7). Сравнивая содержание указанного права в двух международных правовых актах, отметим, что в Европейской конвенции делается исключение для малозначительных правонарушений и тех дел, которые по первой инстанции уже были рассмотрены вышестоящим судом.

Наличие в действующем законодательстве институтов апелляционного, кассационного и надзорного пересмотра уголовного дела, гарантирующих справедливую процедуру обжалования и устранение не-

законных и неправосудных решений, вынесенных нижестоящими судами, позволяет не только оперативно восстанавливать нарушенные права участвующих в деле лиц, но и характеризует саму форму судопроизводства в целом. Неразрывную взаимосвязь формы пересмотра судебных решений и формы судопроизводства выявили еще дореволюционные юристы [2, с. 60]. Следовательно, законодательная регламентация процедуры пересмотра судебных решений имеет принципиальное значение для характеристики как уголовного судопроизводства в целом, так и его демократических начал.

Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) неоднократно констатировал, что российский институт пересмотра уголовных дел не является средством правовой защиты в значении, заложенном в Европейской конвенции. Среди прочего, в частности, указывалось, что кассация не отвечает требованиям относительно рассмотрения дела «в полном объеме», надзорное производство – относительно неопределенности сроков обжалования судебных

решений, нескольких «ступеней» надзорного разбирательства, особых полномочий Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей и др.

Реформирование отечественной системы пересмотра уголовных дел осуществляется поэтапно. Проблемы унификации процедур и правил пересмотра уголовных дел была призвана решить международная программа «Введение апелляционного порядка пересмотра судебных решений в Российской Федерации». Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [3] апелляционный порядок обжалования судебных решений, присущий ранее только пересмотру решений мирового судьи, был распространен на все без исключения формы. Таким образом, была создана первая ступень обжалования для приговоров и иных актов по уголовным делам, не вступивших в законную силу, с довольно широкими полномочиями для пересмотра, включающими в себя как вопросы факта, так и вопросы права.

Очевидно, что все формы обжалования должны включаться в определенную систему, дополнять друг друга, гарантировать исправление ошибок на последующей стадии, если по каким-то причинам они были пропущены на предыдущей. Реформирование апелляционной процедуры не могло, в свою очередь, не затронуть и последующие стадии уголовного процесса. В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» была отмечена необходимость изменения существующего кассационного порядка пересмотра судебных решений. Законодатель устраняет одну из существовавших ранее двух ступеней обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу (апелляция и кассация), переводя ее в ранг процедур, относящихся к проверке вступивших в силу решений. Кассация ограничивается проверкой вопросов права, поскольку вопросы обоснованности и справедливости приговора остаются предметом проверки в апелляции. Надзорная инстанция планируется как экстраординарная форма проверки и пересмотра, в ней исключается обжалование решений, вынесенных в ходе досудебного производства, и сохраняется она только в Президиуме Верховного Суда РФ.

Однако и вновь установленная процедура потребовала определенной коррекции. Так, Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ [4] отменил предельный срок, в течение которого можно подать кас-

сационную жалобу, представление. Указанное изменение было воспринято ЕСПЧ как принципиальное, поскольку отсутствие пресекательных сроков в новой форме кассационного порядка уже не позволяло отнести его к обычным средствам правовой защиты, придавало кассации экстраординарный характер и, следовательно, не должно быть обязательно пройдено заявителем перед подачей жалобы в ЕСПЧ [5].

Отметим еще одну особенность, присущую до реформенной кассации. Согласно ранее действовавшему порядку пересмотра уголовного дела (до вступления в законную силу Федерального закона от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ), прежде чем жалоба, представление могли быть непосредственно рассмотрены судом кассационной инстанции, их предварительно единолично изучал судья соответствующего кассационного суда. Его полномочия были довольно обширны и включали в себя право на отказ в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Предсказуемым результатом такого положения стала ситуация, когда подавляющее число жалоб отклонялось, так и не попав на рассмотрение суда кассационной инстанции. Схожая процедура была предусмотрена (и действует в настоящее время) для надзорного производства. Отметим, что определенная аналогия кассации и надзора проявлялась также и в предмете проверки; в перечне субъектов обжалования; требованиях, которым должны соответствовать жалоба или представление; сроках пересмотра окончательных судебных решений; основаниях отмены или изменения окончательных судебных решений; правилах поворота к худшему в положении осужденного (оправданного); сути итоговых решений суда, принимаемых по итогам проверки, и т.п. Вполне справедливо, что такая степень схожести процедур пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, привела к тому, что исключительность, присущая надзорной инстанции, была перенесена и на кассацию. Показательно, что увеличение количества инстанций и ревизионный порядок пересмотра уголовного дела русские процессуалисты связывали с развитием бюрократизма в судебной деятельности и со сменой устности бумажным производством. Отсюда медленность производства и тяжелые последствия для населения [6, с. 292].

Исправление сложившейся ситуации было принято законодателем в 2018 г. В пояснительной записке к Федеральному закону от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в качестве целей реализации законопроекта среди прочих названы четкое разграничение и реальное обеспечение инстанционности уголовного процесса, обретение подлинной независимости судов апелляционной

и кассационной инстанции при пересмотре приговоров, вынесенных областными и приравненными к ним судами, и др. Кроме того, серьезным изменениям подвергся и сам порядок пересмотра уголовных дел в кассационной инстанции. В результате внесенных изменений были фактически созданы два различных порядка производства в кассации: сплошной и выборочный.

В выборочной кассации сохранен предварительный единоличный контроль судьи кассационного суда, в результате которого он самостоятельно решает, попадет жалоба на рассмотрение суда кассационной инстанции или нет. Однако такой выборочный порядок предусмотрен для промежуточных судебных решений. Итоговые решения могут быть пересмотрены в порядке выборочной кассации в том случае, если они уже были предметом рассмотрения кассационного суда.

При пересмотре итоговых судебных решений в порядке сплошной кассации предварительный единоличный судейский фильтр на предмет приемлемости жалобы или представления применительно к основаниям для пересмотра итогового судебного решения отменен. В ст. 401.8 УПК РФ предусмотрены полномочия судьи кассационного суда по назначению судебного заседания и разрешению связанных с ним вопросов. Вместе с тем отмечено, что постановление выносится при отсутствии оснований для возвращения кассационной жалобы. Такие основания перечислены в ст. 401.5 УПК РФ, и их редакция не претерпела изменений. Однако принципиально то, что теперь судья в порядке сплошной кассации не решает вопрос об отсутствии или наличии оснований для пересмотра судебных решений кассационным судом.

Положительно оценивая подход законодателя к расширению гарантий по пересмотру судебных решений, вступивших в законную силу, отметим следующее. Очевидно, стремясь продемонстрировать принципиальный отход в сплошной кассации от предварительного процессуального фильтра, законодатель не указал, в какой форме судья должен принять решение о возвращении жалобы, представления при наличии указанных в ст. 401.5 УПК РФ оснований. Конечно, в первую очередь анализ соответствия жалобы установленным требованиям должен произвести судья суда первой инстанции, так как предварительная подготовка материалов для обжалования возложена именно на него (ст. 401.7 УПК РФ). Вместе с тем, если законодательно предусмотрен такой сценарий, согласно которому постановление выносится при отсутствии оснований для возвращения жалобы, должен быть также законодательно предусмотрен и порядок действий при их наличии, тем более что Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении, посвященном вопросам уголовной кассации

[7], указывает, что судья вправе возвратить уголовное дело с кассационными жалобой, представлением не только лицу, внесшему жалобу, представление, но и в суд первой инстанции, если это требуется для устранения препятствий к разбирательству в суде кассационной инстанции (п. 10). Предлагаем внести соответствующие изменения в ст. 401.8 УПК РФ, раскрыв порядок действий судьи при наличии оснований для возвращения жалобы.

Заслуживают повышенного внимания правоприменителей и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно обоснования возможных решений судьи суда кассационной инстанции, принимаемых им по результатам рассмотрения кассационных жалобы, представления в выборочной кассации (ст. 401.11 УПК РФ). Так, согласно законодательной регламентации п. 5 ч. 1 ст. 401.11 УПК РФ, постановление судьи суда кассационной инстанции об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, помимо прочего, должно содержать мотивы, по которым отказано в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Пленум Верховного Суда РФ рекомендует дополнительно учитывать положения ч. 4 ст. 7 УПК РФ и, соответственно, не только указывать мотивы принятого решения, но и отвечать на доводы жалобы, представления, в которых оспаривается законность приговора, определения, постановления суда (п. 15). «Мотивы для передачи кассационных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции» (п. 6 ч. 2 ст. 401.11 УПК РФ), по мнению Пленума Верховного Суда РФ, необходимо толковать как «указание на то, в чем именно выразились нарушения уголовного закона (неправильное его применение) и (или) нарушения уголовно-процессуального закона, и мотивы, по которым их следует признать существенными, повлиявшими на исход дела, а в случае поворота к худшему – исказившими саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия» (п. 14). Указания Пленума Верховного Суда РФ своевременны и весьма актуальны, поскольку в судебной практике присутствуют ошибки, связанные с недостаточной мотивировкой принятого решения [8].

Учитывая то, что предварительные выводы судьи, сформулированные им в результате изучения доводов жалобы, представления в порядке выборочной кассации, могут преградить для участников уголовного судопроизводства доступ к правосудию, они должны быть обоснованными, мотивированными, понятными для всех участников процесса. Считаем необходимым законодательно закрепить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, соответствующим образом изменив п. 5 ч. 1 и п. 6 ч. 2 ст. 401.11 УПК РФ.

Вместе с тем разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, посвященные возможности избрания меры пресечения в случае отмены приговора и передачи уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции, а также при возвращении уголовного дела прокурору, вызывают вопросы и требуют анализа. В п. 25 отмечается, что при необходимости суд кассационной инстанции может избрать меру пресечения из числа тех, которые предусмотрены в ст. 98 УПК РФ. Из указанных разъяснений вытекает, что суд кассационной инстанции вправе избрать меру пресечения, связанную с ограничением свободы, в том числе и заключение под стражу, в отсутствие того лица, в отношении которого она применяется. Верховный Суд РФ полагает, что участники уголовного процесса, в том числе осужденный или оправданный, достаточно сведущи в уголовно-процессуальном праве и должны знать о потенциальной возможности применения заключения под стражу в суде кассационной инстанции. Извещение указанных участников процесса о месте, времени и дне судебного заседания презюмируется как достаточная гарантия соблюдения прав. Полагаем, подобная трактовка не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ по вопросам соответствия Конституции РФ уголовно-процессуальных норм, регламентирующих ранее ограниченные возможности стороны защиты в случае применения заключения под стражу, и не обеспечивает в полной мере права осужденного или оправданного. Позволим выразить сомнение в том, что «заинтересованные лица осведомлены относительно характера решений, принимаемых судом кассационной инстанции, в том числе и о возможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу», поскольку о такой возможности, помимо анализируемого Постановления Пленума РФ, нигде прямо не сказано. Если «руководствоваться общими положениями, закрепленными в уголовно-процессуальном законе», а именно ст. 108 УПК РФ, необходимо обеспечить присутствие в судебном заседании осужденного или оправданного, так как согласно ч. 5 ст. 108 УПК РФ принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный розыск.

Конституционный Суд РФ неоднократно проверял соответствующие нормы УПК РФ относительно процедуры избрания такой меры пресечения, как заключение под стражу. В одном из его постановлений сформулирована четкая позиция, согласно которой решение вопроса о применении такой меры пресечения, как заключение под стражу, возможно только в судебном заседании, где с участием всех заинтересованных сторон суду надлежит вновь оценить все причины, по которым избрание меры пресечения не-

обходимо. Причем переход дела на новый этап судопроизводства не означает автоматический перенос решения о целесообразности применения меры пресечения, а, наоборот, предполагает необходимость постановки такого вопроса вновь с учетом задач, присущих стадии. Непреложны и решения Конституционного Суда РФ относительно обязательного обеспечения участия в судебном заседании и того лица, в отношении которого мера пресечения избирается, предоставления ему реальной возможности изложить свою позицию по данному вопросу, подкрепив ее соответствующими доказательствами. Обеспечение участия обвиняемого необходимо не только при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, но и при ее продлении или оставлении без изменения. Отдельно отметим, что «конституционно-правовой смысл законоположений о судебной процедуре избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации, определяет содержание и применение соответствующих норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на всех судебных стадиях, включая производство в кассационном и надзорном порядке» [9].

Следует учитывать и позиции ЕСПЧ, придающего принципиальное значение справедливому судебному разбирательству, неизменным атрибутом которого является состязательность и возможность донести свою позицию по делу до суда. Так, например, в деле по жалобе Синичкина против России ЕСПЧ указал, что «непредставление заявителем ходатайства об участии не составляет ясного и недвусмысленного отказа от этого права» [10]. Таким образом, позиции ЕСПЧ предельно ясны: суд второй инстанции должен как минимум выяснить желание подсудимого участвовать в судебном заседании при пересмотре своего дела. Считаем, что если в жалобе или представлении есть указание на необходимость применения уголовного закона о более тяжком преступлении ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, явка осужденного или оправданного в суд кассационной инстанции должна признаваться обязательной. Предлагаем изменить соответствующим образом ч. 3 ст. 401.8 и ч. 2 ст. 401.12 УПК РФ.

В научной литературе высказано предложение об унификации норм процессуального права России (гражданского, арбитражного и уголовного), регулирующих такие межотраслевые институты, как апелляция, кассация и надзор. Так, например, Г. Я. Борисевич считает, что природа апелляционного, кассационного, надзорного производства едины во всех видах судопроизводства. Соответственно, общность этой природы должна предопределять и одинаковый уровень защиты прав граждан во всех видах судопро-

изводства. Основываясь на данном постулате, автор предлагает, в частности, внести в УПК РФ запрет обращения в кассационную инстанцию, если не были исчерпаны иные способы обжалования, (подразумевается апелляционная инстанция), аналогичный закреплению в ГПК РФ и АПК РФ [11, с. 90–102].

Мы не согласны с приведенной точкой зрения по следующим основаниям. Безусловно, общие, универсальные принципы судопроизводства должны быть едиными. Вместе с тем следует помнить, что в основе деления права на отрасли лежат различные предмет и метод правового регулирования. Применение одинаковых методов правового регулирования для частного и публичного права по меньшей мере нецелесообразно, а то и просто бесполезно. Как представляется, достижение целей уголовного судопроизводства в виде защиты прав и законных интересов не только потерпевшего, но и обвиняемого, создание надежных гарантий и противовесов для обеспечения конституционных прав граждан и наделенных властными полномочиями по применению самых серьезных мер принуждения должностных лиц посредством методов гражданского и арбитражного процесса достигнуты не будут. Не следует забывать и то, что при пересмотре уголовного дела в апелляционном порядке в уголовном процессе возможно ухудшение положения осужденного, оправданного, поэтому введение обязательности данной стадии процесса обосновать тезисом о «необходимости разъяснения преимуществ апелляционного производства по срав-

нению с кассационными», как полагает автор, вряд ли получится. Упущение возможности для обжалования в гражданском судопроизводстве может привести к имущественным потерям, тогда как в уголовном судопроизводстве потери неизмеримо выше.

Вместе с тем предложение Г. Я. Борисевич относительно необходимости пресекательного срока для обращения в кассацию заслуживает внимания. Однако цель его введения видится не в унификации различных по своей природе судопроизводств, а в обеспечении принципа правовой определенности. Вопрос о сроках, в течение которых возможно обжалование в суде кассационной инстанции, представляется важным и потому, что отсутствие такового в отечественном законодательстве приводит к исключительности данной процедуры в понимании ЕСПЧ. Соответственно, граждане, еще не исчерпав возможности кассации, где, возможно, их жалоба получила бы удовлетворение, обращаются в ЕСПЧ.

Отмечая продуктивность проведенной законодателем реформы процедуры обжалования судебных решений в уголовном судопроизводстве, следует констатировать необходимость дальнейшего совершенствования ее законодательной регламентации, в том числе и в целях соблюдения разумных сроков судопроизводства и оперативного восстановления нарушенных прав, приближения ее к средствам правовой защиты в значении, заложенном в Европейской конвенции.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросом судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.
2. *Случевский В.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 31 дек.
4. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 71.
5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 апреля 2016 г. по делу «Кашлан (*Kashlan*) против России» (жалоба № 60189/15) // Ставропольский краевой суд : сайт. URL: http://kraevoy.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=420 (дата обращения: 25.02.2020).
6. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2019. 7 марта.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июля 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1271.

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 апреля 2010 г. по делу «Синичкин (*Sinichkin*) против России» (жалоба № 20508/03) // СПС «Гарант».

11. *Борисевич Г. Я.* О разумном балансе защиты прав личности в контрольно-проверочных стадиях в процессуальном праве России // *EX JURE*. 2018. № 2.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 8 December 2003 No. 18-P “On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, As Well As Chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Request of Courts of General Jurisdiction and Complaints of Citizens”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2003. No. 51. Art. 5026.

2. *Sluchevsky V.* Textbook of Russian Criminal Procedure. Judicial System – Legal Proceedings. 4th ed. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich’s Printing House, 1913.

3. Federal Law of 29 December 2010 No. 433-FZ “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Invalidation of Certain Legislative Acts (Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation”. *Rossiiskaia Gazeta*. 31 December 2010.

4. Federal Law of 31 December 2014 No. 518-FZ “On Amendments to Articles 401.2 and 412.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2015. No. 1 (part 1). Art. 71.

5. Decision of the European Court of Human Rights of 19 April 2016 on the case “*Kashlan v. Russia*” (application no. 60189/15). URL: http://kraevoy.stv.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=420 (date of the application: 25.02.2020).

6. *Foinitsky I. Ya.* Course of Criminal Proceedings. St. Petersburg: Alpha, 1996. Vol. 2.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25 June 2019 No. 19 “On the Application of the Norms of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Regulating Proceedings in the Court of Cassation Instance”. *Rossiiskaia Gazeta*. 7 March 2019.

8. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2019) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 17 July 2019) (SPS “ConsultantPlus”).

9. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 22 March 2005 No. 4-P “On the Case of Checking of Constitutionality of Several Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Regulating the Order and Terms of Application as a Preventive Measure of Detention on Stages of Criminal Proceedings Following the Completion of the Preliminary Investigation and Forward the Case to the Court in Connection with Complaints of Some Citizens”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2005. No. 14. Art. 1271.

10. Decision of the European Court of Human Rights of 8 April 2010 on the case “*Sinichkin v. Russia*” (application no. 20508/03) (SPS “Garant”).

11. *Borisevich G. Ia.* On a Reasonable Balance of Protection of Individual Rights in the Control and Verification Stages in the Procedural Law of Russia. *EX JURE*. 2018. No. 2.

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-78-83>

Актуальность рассматриваемой темы определена состоянием правового регулирования внешнеторговых предпринимательских отношений в Российской Федерации, необходимостью рассмотрения его соответствия международно-правовым нормам, современным потребностям экономической торговой деятельности. Многие существующие проблемы, обозначенные в документах стратегического планирования, публикациях специалистов, требуют теоретического осмысления и разрешения. Предмет исследования включает нормативные правовые акты, регулирующие вопросы предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли, положения международных соглашений по вопросам предпринимательства. Цель исследования состоит в выявлении характерных особенностей правового регулирования внешнеторговой предпринимательской деятельности. Методологическая основа исследования включает общенаучные и частные научные методы: сравнительно-правовой, структурно-функциональный, формально-юридический, статистический и иные методы познания. Основное содержание статьи включает сравнительно-правовое рассмотрение современных источников нормативного правового регулирования внешнеторговой предпринимательской деятельности. Новизна ее проявляется в том, что в статье оцениваются современные перспективы развития предпринимательского права; формулируются приоритеты в сфере правового регулирования внешнеторговой предпринимательской деятельности. В качестве важной государственной задачи, в частности, авторы рассматривают проведение систематизации существующих источников внешнеторгового предпринимательского права.

ИШЕКОВ

Константин Анатольевич

доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовых
основ управления факультета
государственного управления
Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова
(г. Москва)

ishekov77@mail.ru

ШАТУНОВ

Евгений Алексеевич

аспирант 3-го курса Московского
финансово-промышленного
университета «СИНЕРГИЯ»
(г. Москва)

jekashat@yandex.ru

**Правовое регулирование;
международное право;
национальное право;
предпринимательство;
внешнеторговое право**

Konstantin A. ISHEKOV

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Department of Legal Basis
of Management, Faculty of Public
Administration, Lomonosov Moscow
State University (Moscow)

ishekov77@mail.ru

Evgeny A. SHATUNOV

Postgraduate, Moscow University
for Industry and Finance "Synergy"
(Moscow)

jekashat@yandex.ru

**Legal regulation;
international law;
national law;**

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF BUSINESS ACTIVITIES IN FOREIGN TRADE

The relevance of the topic under consideration is determined by the state of legal regulation of foreign trade business relations in the Russian Federation, the need to consider its compliance with international legal norms, the modern needs of economic trade. Many existing problems are identified in strategic planning documents, publications of specialists, and find their confirmation in the law enforcement activities of international and national judicial bodies. The subject of the research includes normative legal acts regulating issues of entrepreneurial activity in the field of foreign trade, provisions of international agreements on entrepreneurship. The purpose of the study is to identify the characteristic features of the legal regulation of foreign trade entrepreneurial activity. The methodological basis of the research includes general scientific and private scientific methods: comparative legal, structural and functional, formal legal, statistical and other methods of cognition. The main content of the article includes a comparative legal examination of modern sources of legal regulation of foreign trade business activity. Its novelty is manifested in the fact that the article

**entrepreneurship;
international trade law**

assesses the current prospects for the development of business law; the priorities in the field of legal regulation of foreign trade entrepreneurial activity are formulated. In particular, the author considers the systematization of existing sources of foreign trade business law as an important state task.

В настоящее время, несмотря на многочисленные препятствия, Российская Федерация достаточно успешно решает многие ключевые задачи участия субъектов предпринимательской деятельности во внешнеэкономической сфере. Между российскими и зарубежными хозяйствующими лицами при поддержке заинтересованных государств и международных организаций активно развивается взаимное сотрудничество и партнерство. Вместе с тем современные внешние вызовы, обусловленные санкционной политикой в отношении Российской Федерации, экономическими последствиями пандемии COVID-19 и другими негативными факторами, диктуют необходимость совершенствования нормативной правовой базы внешнеэкономической деятельности, требуют разработки дополнительных правовых гарантий соблюдения и защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов. Как отметило в своем итоговом документе Минэкономразвития России, «за прошедшее десятилетие товарная торговля России с зарубежными странами росла со среднегодовым темпом порядка 1,0%, что значительно медленнее, чем мировая торговля (в среднем более 2% в год)» [1, с. 20]. В связи с изложенным возникает необходимость в рассмотрении действующих источников внешнеэкономического предпринимательского права с целью выявления имеющихся коллизий и пробелов правового регулирования, определения путей их преодоления и устранения, устойчивого развития нормативной правовой основы соответствующих правоотношений сообразно со сложившимися реалиями.

С учетом присутствия международного (иностранного) элемента в механизме регулирования внешнеэкономических предпринимательских отношений первое место занимают международно-правовые источники, которые находят свое выражение в общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах и международных обычаях и обладают приоритетом над текущим национальным законодательством.

Следует отметить, что один из главных постулатов о соотношении международного и внутригосударственного права, который заключается в положении о том, что при невыполнении международного договора или иного международно-правового акта государство не вправе делать ссылку на собственное национальное законодательство в качестве обоснования, не является абсолютным. Данное пра-

вило не действует в неизменном виде в отношении всех имеющихся норм международного права, касающихся регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли, ввиду того, что относительно приоритета норм международного права существуют свои изъятия и особенности. Так, международные обычаи занимают подчиненное место в отношении источников права и не должны входить в противоречие с нормами национального законодательства вне зависимости от их изложения в письменной форме. В данном случае имеет значение вид конкретного источника внешнеэкономического права, а не форма его выражения, которая отвечает установленным требованиям структурированности и определенности [2, с. 9].

Обычаи имеют особенности, проявляющиеся в том, что они одновременно вбирают в себя накопленный многовековой мировой опыт и пользуются защитой со стороны государства, что придает им юридическое значение источника права. Это сближает их с другими источниками регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли.

Важнейшим международным правовым актом, регулирующим вопросы предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли, является международный договор, характерные признаки которого включают в себя письменную форму (формальная определенность) и его соответствие международному праву. При этом основное значение имеют международные договоры, совместно выработанные договаривающимися сторонами, облеченные в соответствующую форму письменного документа, которые составляют неотъемлемую часть международного и национального права [3, с. 52]. В ст. 7 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) предусмотрено непосредственное применение на территории России международных договоров, кроме случаев необходимости принятия для этого внутригосударственного акта в соответствии с международным договором.

Отношения между субъектами предпринимательской деятельности разных государств при заключении договоров купли-продажи товаров регулируются Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) (далее – Венская конвенция). Этот международный акт имеет приоритет над внутренним законодательством государства, где зарегистрирован субъект предпринимательской деятельности. Большая часть возника-

ющих во внешнеэкономической сфере предпринимательских споров разрешается посредством применения положений Венской конвенции.

Данный документ характеризуется наличием некоторых расхождений с национальным законодательством РФ относительно регулирования некоторых аспектов. К примеру, наблюдается коллизия в отношении правового регулирования ответственности субъектов торговой деятельности. В частности, в соответствии со ст. 79 Венской конвенции сторона не несет ответственности за неисполнение обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля, наступление которого не могло быть взято в расчет при заключении договора [4]. В действующем российском гражданском законодательстве основанием для освобождения от ответственности в предпринимательских обязательствах выступает непреодолимая сила, к которой не относится нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке необходимых для исполнения товаров, отсутствие у должника денежных средств, необходимых для удовлетворения требований кредиторов.

В другом случае расхождение наблюдается в нормативной правовой регламентации общего срока исковой давности по требованиям сторон по договорам международной купли-продажи товаров, который в соответствии со ст. 196 ГК РФ составляет три года. Статья 8 Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 14 июня 1974 г.) в свою очередь предусматривает срок исковой давности в четыре года по требованиям, вытекающим из договора международной купли-продажи товаров или связанным с его нарушением, прекращением либо недействительностью [5]. Указанные коллизии должны быть преодолены путем приведения норм гражданского законодательства РФ в соответствие с нормами международного права, как предусматриваемыми более высокий уровень гарантий прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности. В последнем конкретном случае срок исковой давности должен составлять четыре года по аналогии с общемировыми стандартами.

Следующий уровень регулирования международной хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства в сфере внешней торговли составляют межправительственные соглашения. Так, в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) принято и действует межправительственное Соглашение о поддержке и развитии малого предпринимательства в государствах – участниках СНГ. В данном Соглашении предусматриваются следующие направления осуществления сотрудничества: развитие контактов субъектов предпринимательства; формирование условий для активизации внешнеэкономической де-

ятельности субъектов малого предпринимательства; оказание помощи в создании межгосударственной и национальных инфраструктур для поддержки малого предпринимательства; содействие финансово-кредитной и инвестиционной поддержке предпринимательства; комплексное содействие развитию инновационной деятельности субъектов малого предпринимательства и другие направления [6].

Таким образом, международные правовые источники регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли выполняют важную функцию обеспечения взаимодействия хозяйствующих субъектов с использованием инструментов общего рыночного пространства, международных механизмов по разрешению споров и тем самым создают единый правопорядок. В современных условиях возникновения новых политических кризисов, применения санкций и иных сдерживающих механизмов воздействия наносится ущерб всему спектру международного правового регулирования внешней торговли, которое все более приобретает отрывочный и бессистемный характер. Тем самым инкорпорирование международных норм в российскую правовую систему должно происходить на основе учета прежде всего положений российской Конституции и не допускать ущемления интересов российских субъектов торговых правоотношений.

Специфика внутригосударственной правовой регламентации предпринимательских отношений в сфере внешней торговли связана со значительным участием государства в урегулировании соответствующего вида деятельности. Особое место в рассматриваемой сфере занимает процедура лицензирования субъектов внешнеэкономической деятельности, которая осуществляется в соответствии с нормами Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [7]. Анализ положений данного документа показывает наличие более высоких требований со стороны законодателя к субъекту внешнеэкономической предпринимательской деятельности, чем к хозяйствующему субъекту на внутреннем рынке. Процесс выдачи и прекращения лицензии в рассматриваемой области разделяется на множество детально регламентированных этапов, сопровождаемых строгим контролем со стороны уполномоченных контрольных органов государства. Конкретные административные правовые вопросы выполнения процедуры лицензирования субъектов внешнеэкономической деятельности регулируются на уровне подзаконных нормативных актов.

Правила Всемирной торговой организации (далее – ВТО) позволяют использовать лицензирование для регулирования внешнеэкономической деятельности. При этом регулирование лицензирования должно происходить в соответствии с соглашениями-

ми ВТО в направлении гармонизации национально-го и наднационального регулирования. По этой причине многие исследователи справедливо ставят под сомнение необходимость сохранения подзаконного регулирования лицензирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли [8, с. 99]. Указанная позиция представляется справедливой. На наш взгляд, внешнеторговую предпринимательскую деятельность следует лицензировать на основании нормативных актов Таможенного союза.

Вопросы участия во внешней торговле субъектов предпринимательской деятельности также регулируются положениями Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [9]. Данный Федеральный закон принимался в пакете законов, необходимых для вступления Российской Федерации в ВТО. Он восполнил многие существовавшие до этого законодательные пробелы, в частности, предусмотрев формулировку «нетарифного регулирования» и его систематизированный перечень, отсутствие которых в ранее действовавшем законе было существенным технико-юридическим упущением. Вместе с тем данный Закон имеет отдельные пробелы и недостатки: в частности, он не содержит многих ключевых понятий, таких как «внешнеэкономическая сделка», «международный коммерческий договор». Отсутствуют в нем и другие значимые категории, не отражены современные тенденции, связанные с широким использованием сети «Интернет», электронных средств платежа, снижением административных, языковых и иных барьеров, расширением круга субъектов внешнеторговых сделок.

Предпринимательская деятельность в сфере внешней торговли также осуществляется на уровне подзаконного правового регулирования посредством вынесения нормативных актов, принимаемых Президентом РФ, Правительством РФ и федеральными органами исполнительной власти. Путем разработки таких подзаконных актов происходит детализация отдельных вопросов, касающихся административно-правовых процедур при реализации внешнеторговой деятельности.

В сфере регулирования внешней торговли подзаконные нормативные акты имеют ограниченное применение, поскольку первоочередное место в ней отведено актам международного характера и федеральным законодательным актам. Необходимость обеспечения гарантий прав и законных интересов субъектов внешнеторговой предпринимательской деятельности требует сокращения доли регулирования этой сферы подзаконными актами административно-правового характера, ужесточения требований к принятию таких актов и их содержанию.

При этом Российское государство не может не реагировать на ужесточение санкционной политики,

которая, безусловно, негативно влияет на развитие внешнеторговой деятельности. Поправка внешнеполитического курса наиболее полно воплощена в Указе Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» в качестве ответной меры за введенные экономические санкции [10]. В соответствии с предписанием главы государства, органы исполнительной власти должны детализировать порядок реализации внешнеторговых ограничений с отдельными государствами, сосредоточить свои усилия в направлении замещения привозной продукции на внутреннем рынке. С учетом изложенного вторжение международных норм права во внутригосударственные отношения в сфере предпринимательства представляется недопустимым.

За последние годы позиция России в рейтинге Всемирного банка по индикатору «Международная торговля» неуклонно повышалась: в 2016 г. – 170, в 2017 г. – 140, в 2018 г. – 100, в 2019 и 2020 гг. – 99 [1, с. 17]. Несмотря на то что данный рейтинг формируется сугубо на основе опросов субъектов предпринимательской деятельности, тем не менее он является позитивным индикатором.

Практика организации внешнеэкономической деятельности указывает на то, что для стран с положительным опытом и международными подтвержденными высокими рейтингами характерны децентрализация предпринимательства и сферы внешней торговли, минимальный уровень барьеров для внешнеторговых операций, применение внутренних корпоративных форм контроля и иные факторы. В частности, в первой двадцатке стран – лидеров рейтинга Всемирного банка находятся члены Европейского союза, которые осуществляют взаимную торговлю вовсе без таможенного оформления [1, с. 18]. Все это указывает на наличие взаимосвязи успешных внешнеторговых показателей с минимизацией административных барьеров и ограничений для субъектов предпринимательской деятельности. Кроме того, для практического применения представляются полезными следующие меры.

В процессе разработки актов нормативного правового регулирования внешнеторговой предпринимательской деятельности требуются привлечение представителей внешнеторговой деятельности, учет их законных интересов на всех этапах правотворчества. В этой связи целесообразно предусмотреть правовой механизм в виде установления порядка и принципов согласования с представителями бизнес-сообщества содержания нормативных актов, затрагивающих их интересы.

В этом же направлении требуется расширение компетенции торгово-промышленных палат РФ, объединяющих субъектов предпринимательской вне-

шнеторговой деятельности, посредством передачи им некоторых государственных функций в сфере регулирования и контроля. Это позволит снизить риски неэффективного государственного регулирования и контроля и повысить корпоративную ответственность в системе субъектов внешнеторговой предпринимательской деятельности. Тем самым в государственной внешней политике сфере внешней торговли должно принадлежать приоритетное место.

Кроме того, необходимо повысить роль и значение предпринимательских обычаев путем установления их приоритета над положениями ненормативных договоров, так как обычаи содержат общеобязательные нормы поведения, признанные (санкционированные) со стороны государства. Как было отмечено ранее, в настоящее время обычаи занимают подчиненное место в системе источников права и не осуществляют в достаточной мере свой полезный потенциал. В этой связи необходимо дополнение ст. 5 ГК РФ путем закрепления приоритета правовых обычаев в отношении индивидуальных гражданско-правовых договоров. Данное предложение должно способствовать добросовестному поведению субъектов предпринимательской деятельности и стабильности режима делового оборота.

Действующее нормативное правовое регулирование должно отвечать возникающим и изменяющимся реалиям экономико-правовой жизни, не носить бессистемный, отрывочный характер с преобладанием

массы подзаконных актов административно-правового характера. Подобные обстоятельства ослабляют потенциал внешнеторгового участия российских субъектов предпринимательской деятельности, снижают их конкурентоспособность по сравнению с хозяйствующими субъектами других стран.

В целом наличие множества регулирующих экономическую деятельность законов и других источников права обуславливает появление предложений о необходимости принятия в Российской Федерации кодифицированного нормативного акта в рассматриваемой сфере. Подобный кодифицированный акт должен включать в себя Общую и Особенную часть. В этой связи вопросы осуществления предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли должны входить в отдельный раздел (главу) Особенной части такого кодифицированного акта на основе и с учетом общих положений и принципов Общей части. Данная мера позволит отразить существующие особенности предпринимательских отношений и выстроить систему нормативного регулирования данных отношений в структурированном виде. Кроме того, проведение кодификации правовых норм, регулирующих внешнеторговые предпринимательские отношения, будет способствовать дальнейшему формированию четкой законодательной основы для данной правовой отрасли, что, в свою очередь, позволит ей обрести системность, последовательность и устойчивое развитие.

Пристатейный библиографический список

1. Итоги внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в 2019 году // Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/66eec1250c653fc9abd0419604f44bbd/VED.pdf> (дата обращения: 03.12.2020).
2. Шестакова М. П. Международные торговые обычаи: Инкотермс 2020 // Международное публичное и частное право. 2020. № 2.
3. Лаптев В. А. Международные договоры, определяющие нормы предпринимательского права в России // Юридический мир. 2016. № 6.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
5. Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 14 июня 1974 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 9.
6. Соглашение правительств государств – участников СНГ от 17 января 1997 г. «О поддержке и развитии малого предпринимательства в государствах – участниках СНГ» (утв. постановлением Правительства РФ от 21 августа 2001 г. № 615 с оговоркой) // Российская газета. 1997. 1 февр.
7. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (в ред. от 18 февраля 2020 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
8. Дмитриева Е. А. Антидемпинговые меры и внешнеторговое лицензирование: развитие законодательства в условиях региональной экономической интеграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 2.
9. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ (в ред. от 1 мая 2019 г.) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

10. Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 (в ред. от 19 июня 2020 г.) «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4470.

References

1. Results of Foreign Economic Activity of the Russian Federation in 2019. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/66eec1250c653fc9abd0419604f44bbd/VED.pdf> (date of the application: 03.12.2020).
2. Shestakova M. P. International Trade Customs: Incoterms 2020. *International Public and Private Law*. 2020. No. 2.
3. Laptev V. A. International Treaties Defining the Norms of Business Law in Russia. *Legal World*. 2016. No. 6.
4. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Vienna, 11 April 1980). *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 1994. No. 1.
5. Convention on the Limitation Period in the International Sale of Goods (New York, 14 June 1974). *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 1993. No. 9.
6. Agreement of the Governments of the CIS Member States of 17 January 1997 "On the Support and Development of Small Business in the CIS Member States" (approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 21 August 2001 No. 615 with a proviso). *Rossiiskaia Gazeta*. 1 February 1997.
7. Federal Law of 4 May 2011 No. 99-FZ (as amended on 18 February 2020) "On Licensing Certain Types of Activities". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 19. Art. 2716.
8. Dmitrieva E. A. Antidumping Measures and Foreign Trade Licensing: Development of Legislation in the Context of Regional Economic Integration. *Bulletin of St. Petersburg University. Law*. 2015. No. 2.
9. Federal Law of 8 December 2003 No. 164-FZ (as amended on 1 May 2019) "On the Basics of State Regulation of Foreign Trade". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2003. No. 50. Art. 4850.
10. Decree of the President of the Russian Federation of 6 August 2014 No. 560 (as amended on 19 June 2020) "On the Application of Certain Special Economic Measures to Ensure the Security of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 32. Art. 4470.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ И ОПЕРАТОРОВ ИГОРНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, РАЗМЕЩЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ, В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-84-89>

В различных странах мира существуют самые разнообразные правовые режимы, регулирующие деловую активность субъектов предпринимательской деятельности в сети Интернет. Особенного внимания в данной области заслуживает такое явление, как организация проведения азартных игр и заключения пари в сети Интернет, ввиду наличия в ряде стран, в том числе и в Российской Федерации, формального запрета на подобный способ ведения игорного бизнеса на фоне наличия развитых технологий преодоления технических блокировок игорных ресурсов в сети Интернет, вводимых во исполнение упомянутых выше формальных запретов. Предметом настоящей статьи является исследование особенностей правового регулирования отношений, возникающих между пользователями интернет-ресурсов, посредством которых организуется проведение азартных игр и заключение пари, и операторами данных ресурсов в России, а также ряде зарубежных стран. Изучение названной проблематики осуществляется посредством описания, анализа, сравнения российского и зарубежного игорного законодательства, сбора и анализа статистических сведений, характеризующих как формальное, так и фактическое состояние регулирования в области алектонных сделок в сети Интернет. В исследовании также применяются методы моделирования и дедукции. По результатам изучения зарубежного опыта правового регулирования игорной деятельности в сети Интернет сформулирован вывод о возможности формирования в Российской Федерации соответствующего гражданско-правового и налогового режимов и организации деятельности по проведению азартных игр и заключению пари в сети Интернет, ориентированных на полную легализацию такой деятельности.

**ОЛЕНЕВ-СИГАЧЕВ
Юрий Алексеевич**

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА
Минюста России) (г. Москва)
olenev333@yandex.ru

Правовое регулирование деятельности по организации и проведению азартных игр и заключению пари; регулирование игорного дела в зарубежных странах; правовое регулирование деятельности по организации и проведению азартных игр и заключению пари в сети Интернет

Yury A. OLENEV-SIGACHEV

Postgraduate Student, Department
of Civil and Business Law, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

olenev333@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF RELATIONS BETWEEN USERS AND OPERATORS OF GAMBLING ESTABLISHMENTS LOCATED ON THE INTERNET IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

**Legal regulation of the organization and conduct of gambling and betting; regulation of gambling in foreign countries;
legal regulation of the organization and conduct of gambling and betting on the Internet**

In different countries there are different legal regimes governing the business activities of business entities on the Internet, special attention in this area was the phenomenon of organization of gambling and betting on the Internet, owing to a number of countries, including in the Russian Federation, a formal ban on this way of gambling business, on the background of the availability of advanced technology to overcome technical locks gambling resources on the Internet, input pursuant to the above-mentioned, formal prohibitions. The subject of this work is the study of the peculiarities of legal regulation of relations arising between users of Internet resources, through which gambling and betting are organized, and operators of these resources in Russia, as well as in a number of foreign countries. The study of these issues is carried out through the description, analysis, comparison of Russian and foreign gambling legislation, collection

and analysis of statistical data that characterize both the formal and actual state of regulation in the field of aleatory transactions on the Internet. In the study, modeling and deduction methods are also used. Based on the results of studying the foreign experience of legal regulation of gambling activities on the Internet, a conclusion is formulated about the possibility of forming in the Russian Federation the appropriate tax, private law and civil law regimes for organizing activities for gambling and betting on the Internet, aimed at comprehensive legalization of such activities.

Правовое регулирование азартных игр и пари, как и деятельность по их организации, имеет давнюю историю и различные формы. Одним из наиболее важных вопросов регулирования данного вида предпринимательской активности является регулирование отношений, возникающих между оператором игорного заведения и игроком, принимающим участие в азартной игре или заключении пари.

В теоретическом аспекте отношения, возникающие в результате взаимодействия между игроком в обычном игорном заведении (или пользователем в игорном заведении, размещенном в сети Интернет) и структурой, состоящей из игорного заведения и оператора (организатора) игорного заведения, по поводу участия в азартной игре или заключения пари, представляют собой заключение алеаторной сделки, в которой момент ее совершения, размер и соотношение встречных имущественных обязанностей сторон не могут быть четко определены [9, с. 3–9].

За многовековую историю игорной деятельности в различных странах мира сформировались различные по своей сложности и эффективности правовые режимы, регулирующие данную область в традиционном понимании организации игорного процесса, где организатор игорной деятельности является оператором такого заведения, как казино, букмекерская контора и т.п., фактически расположенного в некотором, заранее определенном географическом месте, а игрок физически является посетителем данного рода заведений и участником азартных игр, организуемых оператором. Такая модель регулирования может быть самой разнообразной в разных странах мира, однако указанное регулирование всегда имеет ряд общих черт, характеризующее правовое регулирование предпринимательской деятельности в области организации и проведения азартных игр и пари и формирующее данные отношения как отдельную область, определяемую их спецификой и особенностями.

В общем виде в большинстве стран мира предпринимательская деятельность по организации и проведению азартных игр и заключению пари регулируется посредством создания специального нормативного правового акта, регулирующего специальные вопросы отношений, возникающих при ор-

ганизации данной деятельности; в законодательстве также формируется система мер ответственности за нарушения в области деятельности по организации азартных игр. Кроме того, как правило, осуществляется учреждение специального государственного органа (или наделение соответствующими полномочиями уже действующего государственного органа), осуществляющего контроль, лицензирование и оперативное регулирование в области игорной деятельности; создание специального налогового регулирования такой деятельности.

Таким образом, оператор игорного заведения, соблюдая требования специального законодательства, после прохождения процедуры лицензирования осуществляет деятельность по организации проведения азартных игр и заключению пари, в которых участвуют игроки.

При этом в силу развития технологий и, как следствие, дистанционных способов взаимодействия между участниками различных правоотношений, в том числе по поводу алеаторных сделок, появления юрисдикций с более мягкими налоговыми режимами формируется новый метод организации игорной деятельности посредством сети Интернет. В данном случае становится все более популярной новая форма ведения игорного бизнеса, где оператором игорного заведения является иностранное юридическое лицо, зарегистрированное в юрисдикции с льготным налоговым режимом, прошедшее соответствующую процедуру лицензирования в такой юрисдикции, а виртуальным игорным заведением является сайт, размещенный в сети Интернет. Однако стоит отметить тот факт, что нормативное регулирование вопросов взаимодействия граждан с подобными ресурсами в различных странах мира выглядит неодинаково по сравнению с общим подходом к регулированию традиционного взаимодействия оператора игорного заведения, игорного заведения как такового и игрока, о чем было упомянуто ранее.

Исходя из проведенного анализа зарубежного опыта правового регулирования взаимодействия граждан с операторами игорных заведений посредством игорного сайта в сети Интернет (в том числе и с зарубежными операторами), можно предложить сле-

дующую видовую классификацию стран по способам правового регулирования данного явления в целом, а также его отдельных аспектов:

– государства, в которых в отношении национальных операторов установлен запрет на организацию азартных игр в сети Интернет и такая деятельность не подлежит лицензированию. Однако операторы игорных сайтов, зарегистрированные в иных юрисдикциях и имеющие соответствующую лицензию таких юрисдикций, вправе беспрепятственно предлагать свои услуги гражданам данных стран. Такими странами являются: Греция, Монако, Норвегия, Канада, Швеция, Швейцария и др. [10];

– государства, в которых установлен запрет на организацию азартных игр в сети Интернет, такая деятельность не лицензируется и, как следствие, на государственном уровне осуществляется блокировка игорных сайтов местных операторов. При этом зарубежные операторы игорных сайтов в сети Интернет и их платформы вправе осуществлять деятельность и взаимодействовать с гражданами свободно, даже при отсутствии у них лицензии той юрисдикции, в которой они зарегистрированы. Такими странами являются: Новая Зеландия, Мексика, Япония и др. [10];

– государства, в которых организация азартных игр онлайн и взаимодействие по данному поводу с гражданами разрешено исключительно при наличии национальной лицензии. Такими странами являются: Финляндия, Франция, Великобритания, Нидерланды и др. [10];

– государства, в которых отсутствует нормативный запрет в отношении национальных и зарубежных операторов на организацию азартных игр и проведение пари в сети Интернет, а равно и взаимодействие с гражданами по данному поводу. При этом в таких странах отсутствует процедура лицензирования указанной деятельности. Такой подход в основном представлен в странах Африки, а также в Аргентине, Косово, Гибралтаре и др. [10]

Приведенная выше классификация позволяет подтвердить упомянутый ранее тезис о наличии существенной дифференциации подходов к регулированию деятельности сторон алеаторных сделок в сфере организации и участия в азартных играх и заключении пари в сети Интернет.

Также, осуществляя сравнительно-правовой анализ примеров нормативного регулирования отношений пользователей игорных ресурсов в сети Интернет и их операторов, нельзя не остановиться более подробно на правовых режимах, регулирующих данную сферу в таких странах, как Соединенные Штаты Америки и Великобритания.

В США деятельность по проведению азартных игр и пари в сети Интернет подверглась достаточно жесткому регулированию, что выразилось в приня-

тии в 2006 г. соответствующего нормативного акта – Закона о борьбе с незаконными азартными играми в Интернете (*UIGEA*), который, однако, не ограничивает возможность организации азартных игр в сети Интернет, а также взаимодействия операторов соответствующих игорных заведений и граждан США, но вводит запрет на осуществление банковскими учреждениями переводов и прочих финансовых операций между гражданами и лицами, организующими азартные игры в сети Интернет [7]. Также в 1999 г. Министерство юстиции и Конгресс США внесли поправки в Закон «О проводе» от 1961 г., в целом запрещающий операторам букмекерских контор и тотализаторов принимать ставки от граждан посредством средств проводной связи. Упомянутые поправки были направлены на введение запрета в отношении использования любого «средства проводной связи» для организации приема спортивных ставок. Учитывая, что понятие «средство проводной связи», являющееся одним из основных в Законе «О проводе», относится ко всем телекоммуникационным средствам, предполагалось, что данный акт распространит свое действие и на отношения в сети Интернет. Стоит отметить, что вслед за развитием технологий интернет-соединение получило возможность беспроводной формы существования, что привело к принятию в 2006 г. Закона об азартных играх в Интернете, который ограничивает возможность операторов букмекерских контор и тотализаторов принимать спортивные ставки от граждан онлайн, в отличие от российского регулирования в данной части [8].

В Великобритании индустрия азартных игр в сети Интернет всесторонне легализована и регулируется Законом об азартных играх 2005 г. Исходя из упомянутого нормативного акта на территории Соединенного Королевства местные операторы игорных заведений в сети Интернет вправе осуществлять свою деятельность и вести взаимодействие по вопросам азартных игр с резидентами. Иностранные операторы при этом также обязаны получить лицензию Соединенного Королевства. Кроме того, их деятельность будет разрешена на территории страны, если они обладают лицензией той игорной юрисдикции, которая входит в так называемый «белый список» стран, чья лицензия на организацию игорной деятельности в сети Интернет может применяться на территории Великобритании. Операторы, которые получают лицензии из таких юрисдикций, могут осуществлять взаимодействие и заключать алеаторные сделки с пользователями из Великобритании [11].

В свою очередь, страны постсоветского пространства, как правило, придерживаются стратегии установления запрета на организацию игорной деятельности в сети Интернет и введения специальных мер ответственности за такие деяния, но при этом

оставляют без нормативного внимания активность пользователей, направленную на получение доступа к игорным ресурсам, в том числе осуществляющим деятельность из иностранных юрисдикций. Ярким примером данного подхода является законодательство Российской Федерации в данной сфере.

Нормативной базой для деятельности, направленной на организацию запрета игорного бизнеса в сети Интернет в России, является Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», где в ч. 3 ст. 5 устанавливается прямой запрет на данный способ организации азартных игр [3]. Упомянутый запрет не лишен санкции за его нарушение, что выражено в наличии таких статей, как 171.2 УК РФ [1] и 14.1.1 КоАП РФ [2]. Размер санкции за организацию игорной деятельности в сети Интернет зависит от объема извлеченного дохода в результате такой деятельности; сама же возможность привлечения к ответственности не зависит от размера извлеченного организатором дохода и количества привлеченных пользователей.

С другой стороны, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» предусмотрено внесение информации, нарушающей требования действующего законодательства о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей, с использованием сети Интернет и иных средств связи, в «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [4]. Согласно данному Федеральному закону сайты в сети Интернет, содержащие определенную информацию об азартных играх в Интернете или непосредственно сайты в сети Интернет, на которых организуется проведение азартных игр, подлежат блокировке. Критерии незаконного игорного контента, в свою очередь, были определены в приказе Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 351, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18 мая 2017 г., а именно: «К информации по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием сети «Интернет» и иных средств связи, нарушающей требования Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ... относится размещенная в сети «Интернет» информация, отвечающая одному или нескольким из следующих критериев: наличие фото-, видео-, аудио- и (или) текстовой, графической информации о предложении принять участие в азартной игре, в лотерее, способствующей привлечению вни-

мания потенциального участника на рассматриваемой странице сайта в сети «Интернет», где имеется возможность принять участие в азартной игре, в лотерее, сделать ставку, получить выигрыш». Другим важным показателем запрещенного игорного контента в сети Интернет является наличие возможности осуществления перевода денежных средств организатору игорной деятельности посредством сайта в сети Интернет [6].

Кроме того, распространение рекламы игорных ресурсов в сети Интернет также влечет ответственность для владельца рекламного ресурса. Такая ответственность наступает в силу ч. 2 ст. 27 Федерального закона «О рекламе», вводящей запрет на публикацию рекламы основанных на риске, игр и пари в сети Интернет [5].

Несмотря на запрет организации сайтов для проведения азартных игр в сети Интернет, законом определяются «исключительные случаи», когда использование информационно-коммуникационных сетей для названных выше целей является легальным. Так, ст. 4 Федерального закона «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» содержит норму, фиксирующую право на создание букмекером (или организатором тотализатора), имеющим необходимую государственную лицензию и состоящим в саморегулируемой организации, сайта в сети Интернет, осуществляющего прием интерактивных ставок. Таким образом, легализуется не организация игорной деятельности в виде заключения пари в Интернете, а создание вспомогательных площадок лицензированных заведений в определенной сфере игорной индустрии, как и возможность взаимодействия с гражданами России в данной сфере. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что законодательство России в целом не запрещает участие в азартных играх пользователей сети Интернет, равно как и не обеспечивает их правом требовать возврата средств, утраченных вследствие блокировки незаконного игорного сайта.

В завершение стоит сказать, что мировая правоприменительная практика в вопросах регулирования отношений пользователей и организаторов азартных игр в сети Интернет характеризуется использованием самых разнообразных подходов, отличающихся по своей сути и содержанию. Применяется как политика реальных запретов, препятствующих ведению такой деятельности и последующему взаимодействию с гражданами в одних странах, так и создание нормативных, и организационно-административных условий для организации азартных игр в сети Интернет и взаимодействия с гражданами по данному поводу в других. Данное обстоятельство особо ярко проявля-

ется на примере сравнения правопорядков США, Великобритании и Российской Федерации. В Великобритании, как было сказано выше, реализована политика создания нормативных и организационно-административных условий для ведения игорной деятельности в сети Интернет. В США и Российской Федерации, напротив, законодательные и исполнительные органы власти в целом проводят политику установления реальных запретов на организацию азартных игр и пари в сети Интернет. Однако данные страны испытывают определенные сложности в вопросах организации блокировки доступа населения к запрещенным игорным сайтам в связи с нахождением в иностранных юрисдикциях как самих сайтов в виде доменных имен и серверных мощностей, так и их операторов. Условия российского правового пространства позволяют эффективно распространять указанный запрет только на территорию Российской Федерации при соответствующем участии российских провайдеров, ведущих свою деятельность в рамках россий-

ской юрисдикции. Отечественный провайдер имеет возможность ограничивать доступ к таким сайтам (технически блокирование интернет-ресурса осуществляется по *IP*-адресу, по *DNS* (системе доменных имен) и по *URL*), однако следует заметить, что пользователи преодолевают блокирование и получают доступ к незаконным сайтам азартных игр, используя прокси и *VPN*. В результате пользователь перестает пользоваться техническими услугами провайдера для непосредственного доступа к запрещенному игорному сайту в сети Интернет, что выводит российского провайдера из последовательности взаимодействия между пользователем и онлайн-казино. Такое положение, в свою очередь, негативно сказывается как на результатах усилий, предпринимаемых соответствующими государственными органами в части реализации запретов, установленных в отношении нелегального игорного контента, так и на репутации и возможном экономическом результате осуществляемой деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 октября 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 351, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18 мая 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».
7. 31 U.S. Code Subchapter IV – Prohibition on Funding of Unlawful Internet Gambling // LII / Legal Information Institute : сайт. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/31/subtitle-IV/chapter-53/subchapter-IV> (дата обращения: 25.01.2021).
8. 18 U.S. Code Chapter 50 – Gambling // LII / Legal Information Institute : сайт. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-50> (дата обращения: 25.01.2021).
9. Бакаева И. В. Сделки как основная форма участия в гражданском обороте // Законы России : опыт, анализ, практика. 2019. № 7.
10. Анализ доступности азартных игр онлайн во всем мире // Новости игорного бизнеса : сайт. URL: <https://newsofgambling.com/analiz-dostupnosti-azartnyh-igr-online-vo-vsem-mire/> (дата обращения: 25.01.2021).
11. Laffey D., Della Sala V., Laffey K. Patriot Games : The Regulation of Online Gambling in the European Union // ResearchGate : сайт. URL: https://www.researchgate.net/publication/284205680_Patriot_games_the_regulation_of_online_gambling_in_the_European_Union (дата обращения: 25.01.2021).

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ (as amended on 27 October 2020) (SPS “ConsultantPlus”).
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30 December 2001 No. 195-FZ (SPS “ConsultantPlus”).

3. Federal Law of 29 December 2006 No. 244-FZ "On State Regulation of Activities for the Organization and Conduct of Gambling and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

4. Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (SPS "ConsultantPlus").

5. Federal Law of 13 March 2006 No. 38-FZ "On Advertising" (SPS "ConsultantPlus").

6. Order of Roskomnadzor No. 84, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 292, Rospotrebnadzor No. 351, Federal Tax Service of Russia MMB-7-2/461@ of 18 May 2017 (SPS "ConsultantPlus").

7. 31 U.S. Code Subchapter IV – Prohibition on Funding of Unlawful Internet Gambling. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/31/subtitle-IV/chapter-53/subchapter-IV> (date of the application: 25.01.2021).

8. 18 U.S. Code Chapter 50 – Gambling. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-50> (date of the application: 25.01.2021).

9. *Bakaeva I. V.* Transactions as the Main Form of Participation in Civil Turnover. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2019. No. 7.

10. Analysis of the Availability of Online Gambling All Over the World. URL: <https://newsofgambling.com/analiz-dostupnosti-azartnyh-igr-online-vo-vsem-mire/> (date of the application: 25.01.2021).

11. *Laffey D., Della Sala V., Laffey K.* Patriot Games: The Regulation of Online Gambling in the European Union. URL: https://www.researchgate.net/publication/284205680_Patriot_games_the_regulation_of_online_gambling_in_the_European_Union (date of the application: 25.01.2021).

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-90-95>

Вопросы независимости судебной власти являются ключевыми для любых судебных разбирательств. Обеспечение доступа граждан к правосудию, его максимальной открытости и прозрачности, реализация принципа независимости при вынесении судебных решений представляют основные направления развития судебной системы. Качество доносимой до граждан информации о деятельности судей существенно влияет на формирование общественного мнения о функционировании судебной системы, в том числе о независимости правосудия. Электронное правосудие как раз и призвано способствовать обеспечению прозрачности и открытости информации, что обуславливает актуальность статьи. Предметом данного исследования выступают нормы процессуального законодательства, отдельные взгляды ученых, касающиеся вопросов правовых перспектив развития электронного правосудия в обеспечении независимости судебной власти. Цель работы – характеристика электронного правосудия как средства, влияющего на обеспечение независимости судебной власти, а также анализ развития системы электронного правосудия в целом. В качестве метода научного исследования авторами использованы законы формальной логики, метод системного анализа, сравнительно-правовой метод. Новизна работы состоит в том, что авторами выявлены проблемы правового регулирования электронного правосудия и его влияние на обеспечение независимости судебной власти, выработаны предложения по их устранению. Отмечается, что применение информационных и коммуникационных технологий в рассматриваемой сфере существенно понизит возможность злоупотребления правом. Сделаны выводы о том, что за счет введения системы электронного правосудия устраняются встречающиеся на практике отрицательные формы поведения судьи.

МАЛЬКО

Александр Васильевич

доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры государственно-
правовых дисциплин, главный
научный сотрудник отдела
научных исследований
Поволжского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА
Минюста России), заслуженный
деятель науки РФ (г. Саратов)
nauka@sarrpa.ru

ДАВЫДОВ

Петр Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент, адвокат (г. Астрахань)
petrdav@mail.ru

ЩЕРБАКОВА

Лилия Геннадиевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии, доцент
кафедры гражданского права
и процесса Поволжского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Саратов)
lilia2107@mail.ru

**Электронное правосудие;
независимость судебной
власти;
цифровые технологии;
доступность правосудия**

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

Alexander V. MALKO

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of State and Law
Disciplines, Senior Researcher,
Department of Scientific Researches,
Volga Institute (Branch) of All-Russian
State University of Justice, Honoured
Scientist of the Russian Federation
(Saratov)
nauka@sarrpa.ru

Pyotr A. DAVYDOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Lawyer
(Astrakhan)
petrdav@mail.ru

Lilia G. SHCHERBAKOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Arbitration Procedure, Saratov
State Law Academy, Associate
Professor, Department of Civil Law
and Procedure, Volga Institute
(Branch) of All-Russian State
University of Justice (Saratov)
lilia2107@mail.ru

**DIGITAL JUSTICE AS A MEANS OF REINFORCING
INDEPENDENCE OF JUDICIAL POWER***

The issues of independence of judicial power are the core ones for any judicial proceedings. The main branches of the development of judicial system are represented by ensuring citizens' access to justice, its maximum openness and transparency, the implementation of the principle of independence when passing court decisions. The quality of information conveyed to citizens about the activities of judges significantly affects the formation of public opinion about the functioning of the judicial system, including the independence of justice. Digital justice is due to cause the clearness and openness of information. This fact serves the relevance of the present article. The subject of this particular research is represented by the norms of procedural legislation, individual views of scientists regarding the issues of legal prospects for the development of electronic justice in ensuring the independence of the judicial power. The purpose of this work is to characterize digital justice as a means that affects the independence of the judiciary, as well as to analyze the development of the digital justice system as a whole. As a method of scientific research, the authors use the laws of formal logic, the method of systems analysis, and the comparative legal method. The novelty of the work lies in the fact that the authors identify the problems of legal regulation of digital justice and its impact on ensuring the independence of the judicial power, and develop proposals for their elimination. The authors also underline that the application of informational and communicative technologies in the described sphere can significantly lower the possibility to misuse the legal system. The authors conclude that by means of digital justice system they can eliminate negative forms of judges' behavior which one can face in practice.

**Digital justice;
independence of judicial power;
digital technologies;
access to justice**

В последние годы цифровые технологии, особенно в области связи и обмена информации посредством сети Интернет, развиваются стремительными темпами. Переход на электронный документооборот происходит повсеместно, актуальными становятся социальные контакты посредством видеоконференций, увеличивается количество дистанционных и онлайн-услуг. Однако нужно констатировать, что законодательство и сферы, связанные с государственным управлением и отправлением правосудия, в данном вопросе отстают, поскольку деятельность органов государственной власти, правоохранительных органов и судебной системы носит подзаконный характер. Для внедрения указанных технологий повсеместно в юридических сферах, а особенно в сфере правоох-

ранительной деятельности и отправления правосудия, требуется постоянная модернизация процессуального законодательства Российской Федерации.

Необходимо понимать, что система электронного правосудия вовсе не исключает полностью физическое участие сторон. Даже в международной практике полностью дистанционная деятельность используется исключительно в системе третейских онлайн-судов [1, р. 43–56].

На протяжении последних нескольких лет проводилась модернизация в различных сферах, в том числе государственного устройства, правоохранительной деятельности и отправления правосудия. Во многие сегменты правительства и судебной системы действительно начали внедряться цифровые

* The study is carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 18-29-16111.

технологии, новые способы передачи информации, межведомственного взаимодействия и т.д. Конечно же, одним из важнейших достижений в этой области стало введение систем электронного правительства, электронного документооборота в межведомственном взаимодействии, а также системы многофункциональных центров по всей стране и электронной системы «Госуслуги», без которой невозможно полноценно использовать так называемую систему «электронного правосудия».

Было объявлено, что в России введена в действие система электронного правосудия. В Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) и Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) были внесены соответствующие изменения. Однако в итоге на практике стало возможным лишь подать ряд процессуальных документов в суд посредством сети Интернет, стали формироваться единые банки судебных решений в арбитражных судах, а также в судах общей юрисдикции, повсеместно введены аудиопротоколирование, а также системы видео-конференц-связи. Иначе говоря, эффективность и доступность электронного правосудия до сих пор остается на низком уровне. Указанная система доступна лишь лицам, зарегистрированным на портале государственных услуг. Важно понимать, что система электронного правосудия не должна ограничиваться только подобными элементами. При этом адвокатским сообществом справедливо отмечается, что, поскольку адвокатская деятельность присутствует практически во всех сферах правовой жизни, необходимо подключать к цифровизации государственной деятельности адвокатов, ибо ограничение доступа к этим ресурсам и способам защиты прав граждан дистанционно существенно ограничивает возможность оказания им квалифицированной и, главное, своевременной правовой помощи. Как справедливо отметила Е. Авакян, «мы должны создать систему, позволяющую нам как участнику Системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) общаться с государством и, следовательно, получить необходимую для этого аккредитацию» [2]. Очевидно, что без подключения адвокатов к СМЭВ невозможно создать полноценный алгоритм для реализации на практике стабильного электронного судопроизводства.

В настоящий момент в условиях пандемии, вызванной распространением коронавирусной инфекции COVID-19, важнейшим вопросом стала возможность организации судебных процессов дистанционно. Эта проблема касается не только России, но и всех стран, которые ввели ограничительные меры или особые и чрезвычайные положения на своих территориях. Универсальной возможности преодоления указанной проблемы пока не найдено. При этом в нашей стране

до введения ограничительных мероприятий считалось, что видео-конференц-связь фактически решает этот вопрос. На практике же стало очевидным, что системы видео-конференц-связи в России использовались только между конкретными судами регионов для допроса свидетелей или организации участия сторон. Подобные формы имеют ряд существенных недостатков, в частности низкое качество звука, трудность коммуникации и многое другое. При этом важно, что ни один из процессуальных кодексов Российской Федерации не допускает того, чтобы суд дистанционно мог установить личности участвующих в суде с использованием видео-конференц-связи, а также разъяснить участникам их права, т.е. законность указанной коммуникации достигается лишь присутствием судей как с одной, так и с другой стороны видеоконференции. Теперь стало очевидно, что наличие возможности организации для участников судопроизводства видео-конференц-связи не позволяет проводить полноценные судебные заседания дистанционно, поскольку доступ лиц, участвующих в деле, и иных участников судопроизводства в суд ограничен. Особенно много препятствий для дистанционного проведения полноценных судебных процессов в уголовной сфере, так как проведение судебных заседаний в такой форме существенно ограничивает право подсудимого на представление доказательств, а также изменяет суть принципов уголовного судопроизводства, предусмотренных УПК РФ. Например, цифровизация затрудняет право лица на конфиденциальное общение с защитником. В части принципов уголовного судопроизводства возникает сомнение в законности онлайн-заседаний, поскольку они могут ограничивать или изменять права участников процесса, т.е. происходит эволюция системы отправления правосудия. В частности, при введении участия подсудимого в процессе посредством видео-конференц-связи долгое время существовал спор о том, является ли это участие личным и не ограничивает ли это прав гражданина. Хотя важно отметить, что в целом цифровизация правосудия существенно усиливает реализацию принципа гласности, а данный принцип опосредованно, но все же стимулирует реальное осуществление принципа независимости суда. Это, несомненно, важно для российской судебной системы.

Необходимо отметить и то, что в свете современных достижений науки и техники в том, что касается рассмотрения гражданских дел, возможно реализовать лишь специфические виды судебных процессов, которые не требуют личного присутствия сторон либо допускают рассмотрение дела в отсутствие сторон при их прямом волеизъявлении. Даже в арбитражном процессе довольно часто возникают ситуации, требующие личного пояснения правовой позиции по делу. В уголовном судопроизводстве важным выступает принцип непосредственности и устности уголовного процес-

са. Этот принцип фундаментален, и без обеспечения личного участия гражданина или его защитника легитимность судебного акта всегда будет под сомнением. Важным для каждого из видов судопроизводства будет являться соблюдение права на представление доказательств, ведь при дистанционном рассмотрении дел порядок их представления в суд станет очень сложным и тактически иным. Единственно возможным вариантом может стать нотариальное удостоверение письменных доказательств и их заблаговременное направление через почту в суд. Однако трудность возникает при необходимости допроса свидетеля. Полагаем, что в сложившейся ситуации, в условиях распространения вируса COVID-19, необходимо рассмотреть возможность создания системы электронного судопроизводства на основе алгоритмов и моделей социальных сетей, что позволит преодолеть большинство обозначенных трудностей при организации специфической регистрации каждого из участников судопроизводства. Группировка участников и наделение их правами и обязанностями в таком случае будет осуществляться судом как администратором системы. Помимо этого, для организации судебного процесса в ряде судов применяются веб-коммуникации, за которыми будущее. В связи с тем, что территория нашей страны достаточно велика, обеспечить явку сторон и свидетелей в другой регион нередко бывает довольно проблематично. Поэтому онлайн-соединение между судом и непосредственными участниками процесса посредством какого-либо специального приложения является оптимальным и оправданным.

Тем не менее, как указывалось выше, в такой ситуации возникает ряд процессуальных моментов, создающих препятствия для отправления правосудия. Как установить личности свидетелей и иных лиц, которые будут принимать участие в деле, без их личной явки в суд? Как предупредить об ответственности за дачу ложных показаний вызванных для дачи показаний свидетеля или эксперта? Указанные вопросы подлежат тщательному изучению и отражению в процессуальном законе. Одним из вариантов преодоления названных препятствий может стать введение универсальных электронных цифровых паспортов и подписей с обязательным направлением заверенных копий этих документов или электронных образов в суд по почте.

Существует три ключевых момента, которые должны характеризовать независимую судебную систему. Совет Европы, в частности, считает, что для этого необходимо обеспечить доступность соответствующей информации; заместить непосредственный контакт сторон в ходе судебной или медиативной процедуры так называемыми «электронными» отношениями (иными словами, «дематериализовать» судебный процесс); проводить видеоконференции и использовать специальные электронные сети для обеспечения взаимосвязи между органами суда [3, с. 65].

В настоящее время принята Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг., которая должна вывести качество судопроизводства на новый уровень [4]. В ней подчеркивается важность внедрения современных информационных и коммуникационных технологий в процесс судопроизводства. Предлагается произвести трансформацию способов распространения информации, улучшить техническое оснащение судов и функционирование сайтов судов. Отмечается также необходимость обеспечения максимально надежной защиты персонального доступа судей и работников судебного аппарата к информационным ресурсам судов, что предполагает наличие индивидуальных логинов и паролей и невозможность передачи таких данных лицам, подающим и принимающим документы и реагирующим на них.

В октябре 2020 г. Министерство юстиции РФ выступило с законодательной инициативой об унификации порядка использования электронных документов в судопроизводстве. Устанавливается также порядок участия в судебном заседании посредством веб-конференции. Соответствующие поправки предполагается внести в АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи». Они необходимы для полноценной работы суперсервиса «Правосудие онлайн».

На наш взгляд, введение таких инноваций окажет значительное влияние на все судопроизводство как с тактической точки зрения, так и с содержательной стороны. Среди положительных моментов можно отметить то, что применение подобных технологий позволит существенно минимизировать возможность злоупотребления правом, а также будет способствовать снижению уровня именно эмоциональной составляющей любого разбирательства, усилению независимости суда. Протокол судебного заседания в письменной форме окончательно утрачивает свою актуальность. Согласно представленному в августе 2019 г. проекту будущего суперсервиса «Правосудие онлайн», с 2022 г. предполагается обеспечить удаленное участие в процессе через сайт «Госуслуги», а с 2024 г. – внедрить аутентификацию участника судебного процесса по биометрическим данным. Это значительный шаг вперед, однако, как подчеркивается, онлайн-заседания смогут проводиться по гражданским, арбитражным и административным (по спорам между гражданами и госорганами) делам. При этом ограничивается возможность использования этой системы по уголовным делам [5].

«С 12 мая 2020 года было прекращено действие ограничительных мер, введенных на период «нерабочих дней» совместным постановлением Верховного суда и Совета судей России. Новых указаний о том, как теперь должны работать суды, Верховный суд не дал. Но Судебный департамент при Верховном суде 7 мая разослал письма председателям су-

дов общей юрисдикции в регионах, апелляционных и кассационных судов, а также арбитражных судов с предложением «осуществлять деятельность в полном объеме и составе», за исключением заболевших коронавирусом судей и сотрудников» [6]. Полагаем, возобновление работы судов представляет угрозу для жизни и здоровья граждан в связи с большим скоплением людей и опасностью распространения инфекции, что может повлечь дальнейшую парализацию работы всей системы отправления правосудия. Как справедливо отмечает М. Толчеев, «все понимают, что жить рядом с вирусом нам придется еще немалое время, и все, что мы можем, – это принимать разумные меры предосторожности» [7]. Очевидным остается тот факт, что без применения систем дистанционного участия в судебных заседаниях обеспечить безопасность в судах пока невозможно.

«Объединенные пресс-службы судов сразу нескольких регионов создали специальную группу в соцсети «ВКонтакте» для самых свежих судебных новостей и проведения прямых трансляций судебных процессов. В том числе отмечается, что, по информации пресс-службы Вологодского областного суда, впервые прямая трансляция в сети «ВКонтакте» судебного заседания прошла в прошлом году. Онлайн-прецедент был создан, когда рассматривалось ходатайство об условно-досрочном освобождении Варвары Карауловой, москвички, осужденной за общение с вербовщиками террористической организации. Сейчас пресс-службы судов Санкт-Петербурга, Вологодской, Свердловской и Мурманской областей создали в «ВКонтакте» группу «СудNews». В ней предусмотрены онлайн-трансляции процессов» [8]. Конечно, это вынужденные меры, но, поскольку прецедент уже создан, необходимо проанализировать как позитивные, так и негативные аспекты дистанционных форм проведения процессов и заниматься внедрением их в практику.

Таким образом, наиболее разумным видится проведение судебного заседания в режиме веб-конференции, когда каждый участник процесса сможет участвовать в нем дистанционно [9]. Соответствующий закон необходим уже сегодня. Именно подобными мерами можно добиться существенного развития электронного правосудия, что позволит существенно упростить, ускорить судопроизводство, сделать его более прозрачным и доступным для всех категорий участников. Конечно, это не приведет к мгновенной реализации принципа независимости суда, однако со временем ситуация начнет меняться.

Важно отметить, что введение в правоприменительную деятельность подобных новаций может повлечь дополнительный стресс и создать дополнительную ответственность как для работников судов, так и для самих судей. Не секрет, что члены судейского сообщества – люди замкнутые, не публичные. Циф-

ровизация их деятельности изменяет режим существования судебной системы, бросает вызов самим судьям, ибо процесс нового вида становится в большей степени публичным. Использование в отправление правосудия сети Интернет автоматически выводит судебное разбирательство и все его результаты за пределы здания суда. При этом не только стороны и участники процесса получают возможность оценить результаты деятельности конкретного судьи.

Как следствие, судьи станут в большей степени ориентированными на общественное мнение, а не на мнение вышестоящих инстанций и руководства. Это, в свою очередь, позволит ликвидировать такое отрицательное для правосудия явление, как догматический формализм при принятии решения, когда судья ориентируется на некую догму и стремится к соответствию принимаемого решения неким установкам сверху, а не праву и его личным представлениям о справедливости. К сожалению, здравый смысл при принятии судьей решения нередко отходит на второй план. Даже при назначении наказания судья ориентируется на мнение прокурора и иные, часто не относящиеся к самому делу обстоятельства, что приводит к принятию явно несправедливого судебного акта, далекого по содержанию от акта отправления правосудия.

Помимо этого введение новой системы электронного правосудия позволит устранить встречающиеся на практике отрицательные формы поведения судей. Например, судьи станут задумываться о корректности формулировок, избегать пренебрежительного тона в диалогах со сторонами и иными участниками процесса. Подобные новшества по сути создают новую систему судопроизводства, которая становится объектом внимания для всех пользователей сети «Интернет». Лица, чьи права нарушены судом или иными участниками процесса, получают возможность использовать для защиты права придание огласки указанным фактам. Как известно, любая публичная деятельность накладывает дополнительную ответственность на субъекта, который ее осуществляет. Отправление правосудия не может стать исключением. Судья, прокурор, адвокат и иные участники судопроизводства будут вынуждены более ответственно подходить к исполнению своих обязанностей.

Созданная система «ГАС Правосудие» активировала процесс доступности результатов правосудия. Проводимая реформа системы судопроизводства, создание и внедрение работоспособной системы электронного правосудия сделают деятельность судебной системы прозрачной, доступной и более понятной для общества.

Известно немало примеров, когда именно средства массовой информации и социальные сети смогли реально помочь гражданам в громких уголовных и гражданских делах посредством донесения инфор-

мации до широких масс. Судебная власть не может не обращать на это внимания. Гласность всегда ограничивает возможность манипуляций и поверхностного отношения к делу. К сожалению, сегодня лишь те дела, которые стали публичными, заканчиваются принятием справедливых судебных актов. Именно мнение гражданского общества активно влияет на формирование судебной системы, руководству-

щейся внутренним убеждением и законом, а не мнением руководства либо стороны обвинения.

Таким образом, повсеместное применение электронного правосудия на практике опосредованно повлияет на подход судей к рассмотрению дел и принятию решений, станет одним из факторов, обуславливающих реализацию принципа независимости судебной власти.

Пристатейный библиографический список

1. *Casallas L. Á. Justicia Electrónica // Revista Digital de Derecho Administrativo. 2010. № 4.*
2. *Катанян К. Эволюция правосудия и цифровое правоприменение // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : сайт. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/evolyutsiya-pravosudiya-i-tsifrovoe-pravoprimenenie/> (дата обращения: 10.12.2020).*
3. *Антонов Я. В. Правовые характеристики электронного правосудия как проекта электронной демократии в контексте международной практики и влияние электронного правосудия на обеспечение независимости и беспристрастности органов судебной власти // Управленческое консультирование. 2015. № 6.*
4. *Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».*
5. *Квач К. Минюст подготовил поправки в ГПК, АПК и КАС о подаче исков и жалоб // legal.report : сайт. URL: <https://legal.report/minjust-podgotovil-popravki-v-gpk-apk-i-kas-o-podache-iskov-i-zhalob/> (дата обращения: 10.12.2020).*
6. *Пушкарская А. Неразумно и опасно // BBC : сайт. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52644845> (дата обращения: 10.12.2020).*
7. *Куликов В. Судимся в маске // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2020/05/11/sudy-vozobnovliaiut-rabotu-s-uchetom-sanitarnyh-trebovanij.html> (дата обращения: 10.12.2020).*
8. *Куликов В. Лайкнем приговор // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2020/06/21/sudy-neskolkih-regionov-nachinaiut-translirovat-processy-v-socseti.html> (дата обращения: 10.12.2020).*
9. *Куликов В. Минюст готовит законопроект об участии в судебном заседании из дома // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2020/05/03/minjust-gotovit-zakonoproekt-ob-uchastii-v-sudebnom-zasedanii-iz-doma.html> (дата обращения: 10.12.2020).*

References

1. *Casallas L. Á. Justicia Electrónica. Revista Digital de Derecho Administrativo. 2010. № 4.*
2. *Katanyan K. Evolution of Justice and Digital Law Enforcement. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/evolyutsiya-pravosudiya-i-tsifrovoe-pravoprimenenie/> (date of the application: 10.12.2020).*
3. *Antonov Ia. V. Legal Characteristics of E-Justice as a Project of E-Democracy in the Context of International Practice and the Impact of E-Justice on Ensuring the Independence and Impartiality of the Judiciary. Management Consulting. 2015. No. 6.*
4. *Concept of the Information Policy of the Judicial System for 2020–2030 (approved by the Council of Judges of the Russian Federation on 5 December 2019) (SPS “ConsultantPlus”).*
5. *Kvach K. The Ministry of Justice Has Prepared Amendments to the Code of Civil Procedure, Code of Arbitrazh Procedure and Code of Administrative Procedure on Filing Claims and Complaints. URL: <https://legal.report/minjust-podgotovil-popravki-v-gpk-apk-i-kas-o-podache-iskov-i-zhalob/> (date of the application: 10.12.2020).*
6. *Pushkarskaia A. Unreasonable and Dangerous. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52644845> (date of the application: 10.12.2020).*
7. *Kulikov V. We Sue in a Mask. URL: <https://rg.ru/2020/05/11/sudy-vozobnovliaiut-rabotu-s-uchetom-sanitarnyh-trebovanij.html> (date of the application: 10.12.2020).*
8. *Kulikov V. “Like” the Verdict. URL: <https://rg.ru/2020/06/21/sudy-neskolkih-regionov-nachinaiut-translirovat-processy-v-socseti.html> (date of the application: 10.12.2020).*
9. *Kulikov V. The Ministry of Justice Is Preparing a Bill on Participation in the Court Session from Home. URL: <https://rg.ru/2020/05/03/minjust-gotovit-zakonoproekt-ob-uchastii-v-sudebnom-zasedanii-iz-doma.html> (date of the application: 10.12.2020).*

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК ФАКТОР ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-96-102>

Актуальность исследования определяется тем, что обеспечение информационной безопасности различных субъектов, а также и самого государства является важным вектором государственной политики. Этот факт предопределяет необходимость установления и совершенствования системы норм, сложившейся и функционирующей в данной сфере. Предметом исследования являются внесенные в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» изменения, которые вводят запрет на продажу смартфонов без установленного на них отечественного программного обеспечения, что определяет также научную новизну работы. Авторами в работе с помощью общенаучных и частнонаучных методов исследуются: причины отставания Российской Федерации в сфере информационных технологий; особенности обработки информации (big data), возникающей в результате использования смартфона, и возможности иностранных ИТ-компаний и спецслужб по ее использованию; причина неконкурентоспособности российских ИТ-разработок; положения проекта Постановления Российской Федерации, которым устанавливаются перечень отдельных видов технически сложных товаров, порядок составления и ведения перечня российских программ для электронных вычислительных машин, которые должны быть предварительно установлены, и порядок их предварительной установки. В результате проведенного исследования авторами данной статьи была поставлена цель оценить адекватность и целесообразность предложенного государством регулирования в части предустановки российского программного обеспечения на ввозимые на территорию Российской Федерации смартфоны. В результате исследования авторами были сделаны следующие научные выводы: 1) должны быть разработаны и утверждены прозрачные критерии рассмотрения и включения программ для электронных вычислительных машин в Перечень российских программ; 2) предложенное государством регулирование направлено на преодоление монополизации российского ИТ-рынка крупными иностранными ИТ-компаниями, что в сложившейся ситуации, учитывая усиливающиеся угрозы информационной безопасности Российской Федерации, является полностью оправданным; 3) учитывая долгосрочность заключаемых изготовителями смартфонов контрактов, переход к использованию отдельных видов технически сложных товаров с предварительно установленными российскими программами для электронных вычислительных машин должен быть плавным.

**АЗАРОВ
Михаил Сергеевич**

кандидат юридических наук, доцент
кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова, адвокат КА
«Насимов и партнеры» (г. Москва)

bk_01@mail.ru

**МАХАШЕВИЧ
Дениз Вахидовна**

студент 2-го курса Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

mahashevich@yandex.ru

**Информационные технологии;
программное обеспечение;
облачные платформы;
смартфоны;
информационная безопасность**

Mikhail S. AZAROV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of State Legal and Criminal Law
Disciplines, Plekhanov Russian
University of Economics, Lawyer
at NASIMOV & Partners (Moscow)

bk_01@mail.ru

**DOMESTIC SOFTWARE AS A FACTOR OF THE DIGITAL
SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The relevance of the study is determined by the fact that ensuring information security of various subjects, as well as the state itself, is an important vector of state policy. This fact predetermines the need to establish and improve the system of norms that has developed and functions in this area. The subject of the

Deniz V. MAKHASHEVICH

Second-Year Student, All-Russian
State University of Justice (Moscow)
mahashevich@yandex.ru

**Information technology;
software;
cloud platforms;
smartphones;
information security**

study is the changes made to the Law of the Russian Federation 7 February 1992 No. 2300-I "On the Protection of Consumer Rights", which introduce a ban on the sale of smartphones without domestic software installed on them, which also determines the scientific novelty of the work. The authors uses general scientific and private scientific methods to investigate the reasons for the lag of the Russian Federation in the field of information technology; the features of information processing (big data) resulting from the use of a smartphone and the ability of foreign IT companies and special services to use it; the reason for the non-competitiveness of Russian IT developments; provisions of the draft Resolution of the Russian Federation, which establishes a list of certain types of technically complex goods, the procedure for compiling and maintaining a list of Russian programs for electronic computers that must be pre-installed, and the procedure for their pre-installation. As a result of the research, the authors of this article set a goal to assess the adequacy and expediency of the regulation proposed by the state in terms of pre-installation of Russian software on smartphones imported into the territory of the Russian Federation. As a result of the research, the authors obtained the following scientific results: 1) transparent criteria for the consideration and inclusion of programs for electronic computers in the List of Russian programs should be developed and approved; 2) the regulation proposed by the state is aimed at overcoming the monopolization of the Russian IT market by large foreign IT companies, which in the current situation, given the increasing threats to the information security of the Russian Federation, is fully justified; 3) taking into account the long-term nature of contracts concluded by smartphone manufacturers, the transition to the use of certain types of technically complex goods with pre-installed Russian programs for electronic computers should be smooth.

Информационные технологии (далее – ИТ) – неотъемлемый компонент непрерывно усложняющегося общества XXI в. В основу ИТ, обслуживающих новые коммуникативные практики и не только, положены процессы обработки и накопления (хранения) информации в облачных хранилищах. Тот, в чьей собственности находятся облачные хранилища (серверы), зачастую становится обладателем информации, хранимой на них. Массовое производство персональных компьютеров и прорыв в развитии программного обеспечения (далее – ПО) в 1990-е гг. привели к возникновению целой индустрии, направленной на создание, импорт и экспорт информационных продуктов и услуг, в числе которых облачные платформы (далее – ОП) и сервисы, обеспечивающие их безопасность. По состоянию на конец 2019 г. объем мирового рынка облачных продуктов составил порядка 26 млрд долл.; при этом наиболее популярным и стремительно растущим является сектор мобильных приложений, адаптированных под все виды существующих ныне гаджетов.

Рост рынка ИТ обеспечивался и обеспечивается в первую очередь США, которые являются неизменным лидером на мировой арене как по уровню экспорта ИТ, так и по уровню их импорта. Среди основных причин такого положения вещей можно назвать как государственное стимулирование форсирован-

ного перехода на «рельсы» цифровой экономики, проявляющееся в финансовой поддержке крупных ИТ-корпораций и наукоемкого бизнеса, занимающегося предоставлением информационных услуг, так и огромные капиталовложения в университетские научные сообщества, а также создание комфортной среды для молодых ИТ-специалистов, которые и не думают искать работу за пределами США.

К сожалению, Российская Федерация не является мировым (и даже региональным) лидером в сфере ИТ и не осуществляет контроль в отношении большинства ОП, функционирующих по всему миру.

Распад СССР привел к падению курса национальной валюты, росту инфляции, дефициту потребительских товаров, остановке предприятий и обнищанию населения молодого российского государства. Развитие сферы ИТ перестало быть частью государственного интереса, а главным принципом российской экономики на долгие годы, уже в начале своего становления сконцентрировавшейся вокруг топливно-энергетического комплекса, стал отказ от собственного товарного и высокотехнологичного производства в пользу импорта из-за рубежа.

Все это привело к тому, что мы пользуемся смартфонами исключительно иностранного производства (в основном китайскими и американскими), а также иностранным ПО, установленным на этих смартфо-

нах. И хотя российские компании уже отчасти могут позиционировать себя в качестве крупных игроков на рынке информационных услуг (например, компания «Яндекс»), до создания всемирно известного отечественного ПО пока еще далеко: не существует даже отечественной операционной системы для смартфонов.

Российской Федерации, как государству укрепляющемуся, необходимо обратить пристальное внимание на сферу ИТ и вот почему.

Что такое смартфон? Ноутбук? Смарт-телевизор? Это прежде всего технически сложные товары (далее – ТСТ). Кроме того, это некая оболочка, поддерживающая функционирование информационной системы. Во многом подобные информационные системы ведут лишь первичный учет поступающей от пользователей ТСТ информации, а ее обработка осуществляется уже на соответствующих ОП.

Первичный учет выглядит следующим образом. Браузер, которым мы пользуемся, фиксирует историю поиска, а значит, отслеживаются наши интересы или предпочтения; навигатор запоминает наши перемещения; антивирус сканирует все наши операции в смартфоне и позволяет удаленно знакомиться с содержанием файлов, хранящихся на нем; мессенджер сохраняет нашу переписку, которая позволяет проанализировать характер наших взаимоотношений с другими людьми; голосовой помощник запоминает наш голос; сканер отпечатков пальцев на смартфоне запоминает информацию биометрического свойства и т.п. Совокупные возможности крупнейших ИТ-компаний мира, которые являются собственниками ОП и услугами которых мы пользуемся, позволяют собрать объем информации о каждом из нас, недоступный ни одной спецслужбе мира.

По сути вышесказанное означает, что китайский или американский смартфон, которым мы пользуемся, накапливает информацию о нашей повседневной жизни и передает ее для обработки на ОП, которая не находится под контролем российского государства (органов власти) и российских юридических лиц. Казалось бы, применительно к каждому из нас по отдельности ничего страшного в этом нет. Иностранные спецслужбы вряд ли будут интересоваться посещаемые нами места, просматриваемые нами новости, наша переписка и т.д.

Если мы не являемся хранителями государственных секретов, то, в принципе, какая разница, кто хранит информацию о нас и занимается ее обработкой на ОП?

Однако все не так просто. Иногда количество собранной информации придает ей новое качество. Дело в том, что по состоянию на сегодняшний день подобная информация имеется в распоряжении ИТ-гигантов, а следовательно, и силовых ведомств не-

скольких очень развитых стран в отношении, скажем без преувеличения, огромного числа наших граждан (фактически, это все пользователи смартфонов в нашей стране). И самое примечательное состоит в том, что такую информацию ИТ-гиганты собирают уже на протяжении доброго десятка лет. Что это, если не большие данные (big data)? Именно они позволяют добывать очень ценную и неочевидную на первый взгляд информацию. В частности, это могут быть довольно точные и глубокие сведения о психологии российского народа (о его сильных и слабых сторонах), об особенностях взаимоотношений российского общества и государства, о реакции российских граждан на политические, экономические и прочие события, происходящие в России и в мире, и многие другие сведения (о которых мы даже не подозреваем). Эта информация может быть использована против Российской Федерации в информационной войне и, безусловно, в ходе «горячего» конфликта. Зачем отдавать «партнерам» такой козырь?

Несмотря на то что с некоторых пор мы ориентируем действующие на территории Российской Федерации иностранные ИТ-компании использовать российские серверы для обработки накопленных о россиянах данных, представляется, что эти меры являются запоздалыми и уже собрано довольно увесистое досье на наших граждан. Видимо, далеко не случайно, что именно КНР и США, являясь лидерами в области ИТ, являются лидерами мировой экономики. «Кто владеет информацией – тот владеет миром», – так однажды сказал Натан Майер Ротшильд (1777–1836) [1].

Несмотря на довольно печальную ситуацию в сфере ИТ в нашей стране, это не повод сидеть сложа руки. Есть определенный шанс, что мы все-таки сумеем обеспечить свой цифровой суверенитет. Что для этого необходимо?

Создавать свои гаджеты, загружать на них российскую операционную систему и устанавливать на российских смартфонах отечественное ПО. «Свои» гаджеты (смартфоны) – ТСТ, созданные на компонентах отечественного производства. Российское ПО – то, которое разработано на территории нашей страны российскими специалистами (исключительное право на разработанное ПО принадлежит российским правообладателям), сертифицированное органами безопасности Российской Федерации.

Российские ИТ-разработки не смогут быть конкурентоспособными в обозримой перспективе не столько в силу их качества (российские инженеры и программисты признаны в мире в числе лучших), а в силу того, что российскую ИТ-продукцию попросту не допустят на рынки самых развитых стран: санкции в отношении Российской Федерации будут только нарастать. В этой связи авторы настоящей статьи

полагают, что вопрос развития ИТ в нашей стране должен решаться совместными усилиями государства и бизнеса. Государство должно создать «тепличные» условия для российских разработчиков компонентной базы и ПО. Хорошие специалисты должны оставаться на территории Российской Федерации и работать на благо страны, укрепляя ее информационную безопасность.

Что сейчас происходит с разработкой российской компонентной базы и производством целиком отечественного смартфона или ноутбука – сказать сложно. Информация об этом не доходит до российских потребителей ИТ. Почти так же обстоят дела и с российским ПО.

Российские ИТ-компании, несмотря на весьма ограниченный уровень государственной поддержки, стремятся к объединению своих сил для создания комфортной бизнес-среды, способствующей наращиванию технического и творческого потенциала.

Так, например, некоммерческое партнерство «Руссофт» (далее – НП «Руссофт») в целях защиты интересов российских разработчиков ПО не так давно обратилось в Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации с просьбой о пролонгации комплекса мер поддержки российских компаний (разработчиков ПО) в целях обеспечения их конкурентоспособности и рентабельности в сравнении с зарубежными компаниями. НП «Руссофт» предлагает рассмотреть вопрос о бессрочном продлении льготы по социальным взносам для компаний-разработчиков, 90% дохода которых обеспечивают ИТ-продукты, об отмене НДС с услуг по разработке ПО, об ограничении доли налогов в расходах инновационных компаний 15% и возвращении разработчикам 3% экспорта в виде субсидии [2]. Пока что о принятом решении в связи с обращением НП «Руссофт» неизвестно, однако мы можем отметить возрастающее внимание государства к развитию ИТ на примере создания инновационного центра «Сколково» и внедрения ряда налоговых льгот для его участников.

Опыт других стран показывает, что создание единой и притом конкурентоспособной цифровой инфраструктуры – процесс сложный, затратный и, что самое главное, не быстрый. Российским властям впору это осознать и постепенно, шаг за шагом, добиваться достижения Российской Федерацией собственного цифрового суверенитета не на бумаге, а на деле.

Стоит отметить, что относительно недавно государство наметило курс в части создания необходимой нормативной базы, закрепляющей необходимость предустановки российского ПО на продаваемых в Российской Федерации смартфонах, ноутбуках и смарт-телевизорах иностранного производства.

Проанализируем этот курс применительно к такому виду ТСТ, как смартфон.

2 декабря 2019 г. был принят Федеральный закон № 425-ФЗ «О внесении изменения в статью 4 закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»» (далее – ФЗ от 2 декабря 2019 г.) [3]. Согласно ст. 1 ФЗ от 2 декабря 2019 г. ст. 4 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) дополняется п. 4.1 следующего содержания: «При продаже отдельных видов технически сложных товаров с предварительно установленными программами для электронных вычислительных машин потребителю обеспечивается возможность использовать отдельные виды технически сложных товаров с предварительно установленными российскими программами для электронных вычислительных машин. Перечень отдельных видов указанных технически сложных товаров, порядок составления и ведения перечня российских программ для электронных вычислительных машин, которые должны быть предварительно установлены, и порядок их предварительной установки определяются Правительством Российской Федерации».

Согласно ст. 2 ФЗ от 2 декабря 2019 г. он вступает в силу с 1 апреля 2021 г.

По большому счету ФЗ от 2 декабря 2019 г. вводит запрет на продажу в России смартфонов без установленного на них отечественного ПО.

Согласно данным федерального портала проектов нормативных правовых актов, в настоящее время завершается разработка проекта Постановления Правительства РФ «Об утверждении перечня отдельных видов технически сложных товаров, порядка составления и ведения перечня российских программ для электронных вычислительных машин, которые должны быть предварительно установлены, и порядка их предварительной установки на отдельные виды технически сложных товаров» (далее – Проект ПП РФ) [4].

Согласно Проекту ПП РФ Федеральная антимонопольная служба определена в качестве уполномоченного федерального органа исполнительной власти по ведению перечня российских программ.

Согласно п. 1 Перечня отдельных видов технически сложных товаров, на которые должны быть предварительно установлены российские программы для электронных вычислительных машин (Проект ПП РФ), на ТСТ, определенные этим пунктом, должны быть предварительно установлены такие виды российских программ, как: браузер, карта, антивирус, опция входа на Единый портал госуслуг, мессенджер, социальная сеть, электронная почта, аудиовизуальный сервис, платежный сервис, новостной агрегатор, голосовой помощник и некоторые другие.

Перечисленные виды программ используются либо чаще и, в принципе, во многом определяют удобство пользования смартфоном. Учитывая, что все перечисленные виды программ так или иначе собирают колоссальный объем сведений о частной жизни наших граждан, предпочтительно и оправданно, что они должны быть российскими. Персональные данные, иная информация, характеризующая частную жизнь лица, должна накапливаться на российских серверах, чего вряд ли в полной мере возможно достигнуть, пользуясь иностранным ПО.

Согласно п. 5 Порядка составления и ведения перечня российских программ для электронных вычислительных машин, которые должны быть предварительно установлены на технически сложные товары, и предварительной установки российских программ для электронных вычислительных машин на отдельные виды технически сложных товаров (Проект ПП РФ) изготовители технически сложных товаров, разработчики, правообладатели российской программы для электронных вычислительных машин, федеральные органы исполнительной власти, иные заинтересованные лица вправе обратиться в уполномоченный орган с обращением о включении программы для электронных вычислительных машин в Перечень российских программ по форме и в порядке, утвержденном уполномоченным органом. Уполномоченный орган в соответствии с поручениями Президента РФ, Правительства РФ, а также по собственной инициативе рассматривает вопрос о включении программы для электронных вычислительных машин в Перечень российских программ.

Если Федеральная антимонопольная служба по собственной инициативе будет рассматривать вопрос о включении программы для электронных вычислительных машин в Перечень российских программ, то важно закрепить, во-первых, порядок рассмотрения соответствующих обращений, а во-вторых, прозрачные критерии отбора конкретных программ. Процедура отбора не должна ставиться в зависимость от усмотрения сотрудника службы.

В соответствии с п. 3 Порядка предварительной установки российских программ для электронных вычислительных машин на технически сложные товары (Проект ПП РФ) предварительная установка российских программ для электронных вычислительных машин осуществляется изготовителем технически сложных товаров или иными лицами, уполномоченными изготовителями отдельных видов технически сложных товаров на осуществление предварительной установки российских программ, в том числе лицами, осуществляющими поставку и (или) продажу указанных технически сложных устройств на территории Российской Федерации.

В том случае, если предварительная установка российских программ для электронных вычислитель-

ных машин будет осуществляться лицами, осуществляющими продажу смартфонов, будет существовать риск утраты товарного вида реализуемой продукции. В этом случае установка российского ПО потребует вскрытия упаковки поставленного ТСТ, и довольно трудно представить, что поклонники современных гаджетов предпочтут приобретать товар в упаковке, целостность которой нарушена. Видимо, есть смысл исключить это положение из Проекта ПП РФ: установка российского ПО должна выполняться либо изготовителями ТСТ, либо иными лицами, уполномоченными изготовителями.

Для того чтобы составить верное впечатление от предпринятых государством шагов, следует выделить плюсы и минусы реализуемой инициативы.

Прежде всего скажем о плюсах. Полагаем, что ФЗ от 2 декабря 2019 г. не только не противоречит положениям Доктрины информационной безопасности Российской Федерации и Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., но и полностью соответствует приоритетам, определенным национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации». Так, например, федеральный проект «Информационная безопасность» указанной программы, нацеливает государство на обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства [5].

Иностранные программы, установленные на смартфонах, даже те из них, где в качестве языка пользователя можно выбрать русский язык, все равно изначально предназначены для их использования на территории другой страны. Американские ИТ-гиганты думают прежде всего об ИТ-рынке собственной страны, об удобстве пользования продуктом самими американцами, а уже потом обо всех остальных. Пользователи из других стран вынуждены смириться с этой гегемонией. Американцам нет необходимости использовать, скажем, китайский или европейский продукт, поскольку имеется свой продукт высокого уровня. К этому же следует стремиться и Российской Федерации. В нашей стране уже создан ряд неплохих программных продуктов (их, увы, мало), их и следует развивать, ими и следует пользоваться, поддерживая тем самым российские ИТ-компании; главное, чтобы это российское ПО не уступало зарубежному в плане качества и удобства использования. Одной из интересных идей является возможность выбора в настройках будущего отечественного смартфона и российских программ языка коренных народов, населяющих территорию Российской Федерации (например, одного из государственных языков республик, входящих в состав Российской Федерации) и территорию постсоветского пространства, в качестве языка пользователя.

Действительно, рассмотренные нами ФЗ от 2 декабря 2019 г. и Проект ПП РФ ориентированы исключительно на поддержку российских ИТ-компаний и разработчиков. Но в сложившихся непростых условиях возникает только один вопрос: разработчиков каких еще стран мы должны поддерживать? Принципы всемирной торговли, конкуренция в строгом соответствии с международными правилами – вот те институты, которые постепенно стираются, исчезают из реальности. Происходит регионализация мировой экономики, каждый в отдельности взятый макрорегион становится замкнутой самодостаточной системой. Те, кто понимает эти тенденции, переносят производства в свои страны, стремятся поддерживать собственного производителя.

Согласимся с мнением Алексея Грамматчикова о том, что «здоровый протекционизм российским производителям программных продуктов для смартфонов и прочей бытовой электроники сейчас необходим», ведь «в мире этот рынок под себя подминают глобальные монополисты типа *Google* со своим *Android*, который, как мы видим на примере *Huawei*, моментально может стать инструментом политического или экономического давления на другую страну» [6].

Сейчас задача государства состоит в том, чтобы восстановить баланс, преодолеть монополизацию российского ИТ-рынка крупными иностранными ИТ-компаниями, обратить внимание на собственных производителей смартфонов (надеемся, что есть такие стартапы) и разработчиков ПО и предупредить нарушения антимонопольного законодательства, которые носят трансграничный характер. Если внесенные в Закон о защите прав потребителей поправки противоречат неким международным соглашениям, России следует пересмотреть свое участие в этих соглашениях.

Ожидать монополизации российского ИТ-рынка собственными ИТ-компаниями не приходится: иностранные производители смартфонов смогут самостоя-

тельно выбирать российскую программу для предварительной установки, при условии что она включена в Перечень российских программ.

Кроме того, важно, чтобы российское ПО было неудаляемым и корректно функционировало в том случае, если пользователи обновят операционную систему на смартфоне.

Если говорить о минусах или рисках реализуемой инициативы, то ключевой риск – временной. Заработают ли поправки в Закон о защите прав потребителей в полную силу с января 2021 г.? Уверенности в этом нет. Изготовители смартфонов обычно планируют свою деятельность на несколько лет вперед. Продолжительность выпуска конкретной модели смартфона без изменения в модельном ряду может составлять несколько лет, изготовителями смартфонов могут быть заключены долгосрочные контракты с разработчиками операционных систем (а у последних – с разработчиками конкретного ПО). Не вполне правильно требовать от изготовителей смартфонов моментальной реализации предусмотренных законом мер. Переход должен быть плавным. Не стоит ломать отлаженные бизнес-процессы через колено.

На практике поправки в Закон о защите прав потребителей могут спровоцировать рост нелегального сегмента рынка смартфонов: МВД России не останется без работы.

И все-таки главный вопрос: где отечественные смартфоны, где российская электронная компонентная база? Почему принимаемые государством меры такие половинчатые? Мы заставляем зарубежных производителей смартфонов играть по нашим правилам, а вместе с тем не разрабатываем свой смартфон.

Для России важно создать свой комплексный, конкурентоспособный продукт (хотя бы на рынке стран – участниц ЕвразЭС), который не нужно будет навязывать: это вопрос не столько престижа нашей страны, сколько ее информационной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Ротшильд, Натан Майер // Википедия : сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ротшильд,_Натан_Майер (дата обращения: 04.11.2020).
2. Российские разработчики просят новых льгот // Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/02/20/823568-rossiiskie-razrabotchiki> (дата обращения: 04.11.2020).
3. Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 425-ФЗ «О внесении изменения в статью 4 закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=98494&npr=98494> (дата обращения: 04.11.2020).
5. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Госдума против Google // Эксперт : сайт. URL: <https://expert.ru/2019/11/21/gosduma-prinyala-zakon-o-pre-dustanovke-na-gadzhetyi-rossijskogo-softa-na-smartfonyi/> (дата обращения: 04.11.2020).

References

1. Rothschild, Nathan Mayer. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ротшильд,_Натан_Майер (date of the application: 04.11.2020).
2. Russian Developers Are Asking for New Benefits. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/02/20/823568-rossiiskie-razrabotchiki> (date of the application: 04.11.2020).
3. Federal Law of 2 December 2019 No. 425-FZ "On Amendments to Article 4 of the Law of the Russian Federation 'On Protection of Consumer Rights'" (SPS "ConsultantPlus").
4. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=98494&npa=98494> (date of the application: 04.11.2020).
5. Passport of the National Project "National Program 'Digital Economy of the Russian Federation'" (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, protocol of 4 June 2019 No. 7) (SPS "ConsultantPlus").
6. State Duma against Google. URL: <https://expert.ru/2019/11/21/gosduma-prinyala-zakon-o-predustanovke-na-gadzhetyi-rossijskogo-softa-na-smartfonyi/> (date of the application: 04.11.2020).

СОДЕРЖАНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ПОРЧА ЗЕМЛИ» И ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ЕЕ ПРИЗНАКОВ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-103-108>

Актуальность исследования обусловлена прежде всего тем, что человек неразрывно связан с окружающей природной средой, а любая его деятельность, негативное воздействие оказывают влияние не только на компоненты природной среды, но и на самого человека. Кроме того, в современных условиях на устойчивое социально-экономическое развитие страны в том числе оказывает влияние рациональное и эффективное использование земель. Именно поэтому необходимо найти баланс интересов, те средства правового регулирования, которые бы способствовали переходу к экологически чистым и возобновляемым источникам энергии, минимизации экологических рисков, гармоничному развитию рынка и «зеленой экономики» в целом. Целью настоящего исследования является анализ объективной стороны ст. 254 Уголовного кодекса РФ, разработка научно-практических рекомендаций по дальнейшему совершенствованию правового регулирования в рассматриваемой области. Предмет исследования включает в себя уголовно-правовой и экологический аспекты охраны такого компонента окружающей природной среды, как земля, объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ, судебную практику, а также теоретические представления о рассматриваемых в данной статье проблемах. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (индукция, дедукция, сравнение, комплексный анализ), специальные методы (сравнительно-правовой, формально-логический), а также логико-юридический и статистический. В результате проведенного исследования автором выявлены несовершенства законодательной формулировки уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 254 «Порча земли» УК РФ, а также внесен ряд предложений по усовершенствованию содержания исследуемой нормы. Для наглядного представления о сложности применения ст. 254 «Порча земли» УК РФ приведены сравнительные (статистические) данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за пятилетний период.

**ХАПЕРСКАЯ
Кристина Сергеевна**

аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kxaporskaya@mail.ru

**Биологическая безопасность;
деградация земли;
компоненты природной среды;
объект собственности;
окружающая среда;
отравление земли;
юридическая ответственность;
удобрения;
загрязняющие вещества
и отходы**

Kristina S. KHAPERSKAYA

Postgraduate Student, All-Russian State University of Justice (Moscow)

kxaporskaya@mail.ru

CONTENT OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CORPUS DELICTI "DAMAGE TO THE EARTH" AND PROBLEMS OF INTERPRETATION OF ITS SIGNS

**Biological safety;
land degradation;
components of the natural environment;
object of property;
surrounding environment;
poisoning of the earth;
legal responsibility;
fertilizer;
pollutants and waste**

The relevance of the research is due to the indissoluble connection of a person with the natural environment, and any of his activities, negative impact influence not only the components of the natural environment, but also on the person. In addition, under modern conditions, rational and efficient use of land influences the sustainable socio-economic development of the country. That is why it is necessary to find a balance of interests, the means of legal regulation that would contribute to minimizing environmental risks, the transition to environmentally friendly and renewable energy sources, the harmonious development of the market and the "green economy" as a whole. The purpose of this research is to analyze the objective side of Art. 254 of the Criminal Code of the Russian Federation,

to develop scientific and practical recommendations for further improvement of legal regulation in this area. The subject of study includes criminal law and environmental protection aspects of this component of the natural environment as the earth, the objective side of a crime under Art. 254 of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice and theoretical ideas about the problems in this article. The research methodology is based on general scientific methods (induction, deduction, comparison, complex analysis), special methods (comparative legal, formal logical), as well as logical-legal and statistical methods. As a result of the research, the author identified imperfections in the legislative formulation of the criminal law norm provided for in Art. 254 "Land Damage" of the Criminal Code of the Russian Federation, and also made a number of proposals to improve the content of the norm under study. Comparative (statistical) data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation for a five-year period are presented to illustrate the complexity of law enforcement of Art. 254 "Land Damage" of the Criminal Code of the Russian Federation.

Биологическая безопасность представляет собой состояние защищенности человека, общества и государства от биологических угроз. Человек как элемент экосистемы связан со всеми компонентами природной среды, одним из которых является земля. Ее нецелевое использование, отравление, загрязнение ядовитыми веществами и другие противозаконные действия влекут негативные последствия: снижение плодородия почвы (агроистощение); деградацию земель (заболоченность, засоление, эрозию и т.д.); заражение, вынужденный перевод земель сельскохозяйственного назначения в менее ценные категории земель; выделение загрязняющих веществ с открытых поверхностей испарения в атмосферный воздух, которые подчас причиняют невосполнимый вред не только самой окружающей среде, но и человеку, другим живым организмам.

Нарушение правил утилизации и уничтожения пищевых продуктов и биологических отходов может привести к появлению на потребительском рынке некачественных продуктов животного и растительного происхождения, что приведет к заболеваниям людей, появлению новых неизвестных возбудителей болезней. В свою очередь развитие современных скоростных видов транспорта, повышение интенсивности миграционных процессов, развитие международной торговли свидетельствует о том, что последствия от таких нарушений будут носить длительный и трансграничный характер.

Именно поэтому важными способами обеспечения биологической безопасности являются своевременная идентификация возбудителей опасных инфекционных заболеваний, регулирование миграционных процессов, организация мероприятий по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия, а также усовершенствование законодательства в сфере охраны компонентов природной среды (земли (почвы), воды, недр, поверхностных и подземных вод, атмосферного воздуха).

Столь значимые проблемы требуют комплексного решения. Издаются нормативно-правовые акты на уровне государств, принимаются международные конвенции и протоколы, что оказывает качественное положительное влияние на окружающую среду и отношение к ней [1, с. 95–98].

В этой связи представляется актуальным исследовать некоторые особенности уголовно-правовой ответственности за порчу земли в Российской Федерации.

Согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первом полугодии 2020 г. по ст. 254 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) осуждено всего два человека; в 2019 г. – два человека; в 2018 г. – 0 человек; в 2017 г. – два человека; в 2016 г. – один человек [2]. Сравнительные (статистические) данные за пятилетний период демонстрируют крайне редкое привлечение к уголовной ответственности за порчу земли. Можно предположить, что это связано с бланкетностью нормы, с использованием междисциплинарных понятий, что требует специальных знаний. То, что данная норма уголовного закона не действует, отмечали в своих работах и предлагали новые редакции ст. 254 УК РФ такие ученые-юристы, как Н. А. Лопашенко [3], С. Т. Фаткулин [4], Л. И. Брославский [5].

Одним из проблемных вопросов применения на практике нормы, предусмотренной ст. 254 УК РФ «Порча земли», является вопрос, касающийся строения объективной стороны и формы деяния. Объективная сторона рассматриваемого преступного деяния выражена в нарушении правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании, транспортировке, повлекшие отравление, загрязнение или иную порчу земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности,

в результате чего был причинен вред здоровью человека или окружающей среде.

Объективная сторона заключается прежде всего в нарушении правил обращения с опасными химическими и биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке. Это означает, что при рассмотрении конкретных уголовных дел необходимо обращение к целому ряду нормативных правовых актов природоохранного и земельного права [6; 7], в которых раскрываются определения понятий всех опасных химических и биологических веществ, а также регламентированы правила обращения с ними (например: «не допускается хранение пестицидов (агрехимикатов) под открытым небом» [8]; «не допускается совместная транспортировка пестицидов (ядохимикатов), несовместимых по своим физико-химическим свойствам» [9]; «пестициды (агрехимикаты) применяются только при использовании специальной техники и оборудования» [10] и др.).

Рассматриваемое преступное деяние по составу альтернативно и представлено следующими формами: отравлением; загрязнением; иной порчей земли.

В юридической литературе среди ученых-юристов нет единого мнения, что же понимается под «иной порчей земли». Одни авторы считают [11], что под «порчей земли» следует понимать ухудшение ее плодородия, химико-биологических свойств, размножение опасных биологических организмов. По мнению А. Ю. Боковня, понятие «порча земли» «не охватывает ее захламление, засорение отходами, устройство несанкционированных свалок, полигонов промышленных и бытовых отходов, снос плодородного слоя, устройство канав, затопление и др.» [12]. Данное мнение поддерживает О. С. Грачева: «Деяния, повлекшие порчу земли в результате нарушения иных правил, не указанных в части 1 статьи 254 УК РФ, не образуют состав преступления, предусмотренного данной статьей; к таким действиям относятся загрязнение отходами в результате образования свалок, порча земли сточными водами и т.п.» [13].

С данной точкой зрения нельзя согласиться, так как необходимо отграничивать правила обращения с различными видами загрязняющих веществ (т.е. все виды деятельности в отношении них в рамках хранения, использования и транспортировки) и последствия их нарушения. Можно предположить, что, например, нарушение требований безопасности процессов испытания [8] ядохимикатов (пестицидов) не образует объективную сторону преступления, предусмотренного в ст. 254 УК РФ.

Другие авторы [14], наоборот, полагают, что захламление, т.е. «размещение в неуставленных местах предметов хозяйственной деятельности, твердых производственных и бытовых отходов, которые содержат вредные продукты хозяйственной или иной

деятельности в приведенном выше понимании (например, тара из-под пестицидов)» [15, с. 57], засоление, заражение земли и т.п. выступают формами причинения вреда земле. А. П. Зрелов отмечает, что, несмотря на отсутствие в действующем законодательстве определений таких понятий, как «уничтожение плодородного слоя почвы» и «порча земли», «уничтожение плодородного слоя почвы может рассцениваться как один из частных случаев порчи земли» [16]. На наш взгляд, последняя точка зрения является верной, поскольку она нашла свое отражение в судебной практике.

Отсутствие правоприменительной практики по ст. 254 УК РФ не позволяет в полном объеме понять, какие формы причинения вреда относятся к «порче земли»; в этой связи нами была проанализирована судебная практика по ст. 8.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предусматривающая ответственность за порчу земли в рамках административной ответственности.

В настоящей правоприменительной практике порчей земель признается: захламление их отходами [17]; сброс сточных вод (жидких бытовых отходов) на рельеф местности [18]; разлив нефтяных продуктов [19]; уничтожение плодородного слоя почв на земельном участке путем его перекрытия снятыми вскрывными породами в результате разработки карьера [20]; уничтожение плодородного слоя почвы в результате его перемешивания с минеральным грунтом, обладающим низкими показателями плодородия (потенциально плодородного слоя почвы) [21] и др.

Состав преступления ст. 254 УК РФ сформулирован как материальный, но необходимо отметить, что в юридической литературе не сложилось единого мнения, что же является последствием рассматриваемого преступного деяния. В данной работе мы будем исходить из наиболее распространенной точки зрения: негативные последствия выражены в отравлении, загрязнении, иной порче земли и причинении вреда здоровью человеку или окружающей среде. Некоторые авторы в своих работах отмечают, что порча земли создает лишь угрозу причинения вреда здоровью человека или окружающей среде, так как на момент совершения преступления последствия от порчи земли – масштабы отрицательного эффекта – могут быть только спрогнозированы, что явно противоречит ч. 1 ст. 254 УК РФ; создание лишь угрозы не является последствием порчи [22, с. 55–59; 23, с. 127–131].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 дается разъяснение, что следует понимать под причинением вреда здоровью человека: «причинение вреда здоровью любой степени тяжести одному или нескольким лицам» [24].

Что же касается причинения вреда окружающей среде, то на наш взгляд, в рамках рассматриваемого

го состава преступления УК РФ вред причиняется в первую очередь такому компоненту природной среды (элементу окружающей природной среды), как земля.

Отграничивая ст. 251 УК РФ от других смежных составов экологических преступлений, необходимо отметить, что в качестве последствий выступают существенное изменение радиоактивного фона, причинение вреда здоровью человека, массовая гибель животных либо иные тяжкие последствия (ст. 246 УРФ); угроза причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (ч. 1 ст. 247 УК РФ); загрязнение, отравление или заражение окружающей среды, причинение вреда здоровью человека либо массовая гибель животных (ч. 2 ст. 247 УК РФ).

Учитывая, что земля является одним из элементов окружающей природной среды, загрязнение земли следует рассматривать как загрязнение окружающей среды. Следовательно, нарушение правил, предусмотренных ст. 246, ст. 247 УК РФ, может являться причиной порчи земли. Критериями разграничения данных составов со ст. 254 УК РФ могут служить предмет преступления и объективная сторона.

Именно поэтому было бы целесообразно внести некоторые изменения в ч. 1 ст. 254 УК РФ. В настоящей работе мы будем исходить из того, что в юридическом значении понятия «земля» и «почва» тождес-

твенны, и предметом данного состава преступления является «поверхность, охватывающая плодородный слой почвы» [3]. Приказом Минприроды России от 8 июля 2010 г. № 238 утверждена методика исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды. С помощью нее можно определить в стоимостной форме размер вреда, нанесенного почвам в результате нарушения законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды.

Учитывая данную методику, предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 254 УК РФ: «...повлекшие причинение вреда здоровью человека или вреда почве в крупном размере». Кроме того, следует дополнить ст. 254 УК РФ примечанием: «Примечание. Крупным размером в настоящей статье признается ущерб, нанесенный почвам, исчисленный по утвержденной Приказом Минприроды России от 8 июля 2010 г. № 238 методике, превышающий пятьдесят тысяч рублей».

На основании вышесказанного отметим, что земля нуждается в повышенной защите не только как объект собственности, но и как ценный компонент окружающей природной среды, а неудачная законодательная конструкция ст. 254 УК РФ вызывает сложности в процессе правоприменения, что свидетельствует о необходимости ее усовершенствования.

Пристатейный библиографический список

1. *Восканян Р. О.* Влияние экологической ответственности на гудвил компании // Экономика и управление : научно-практический журнал. 2019. № 1 (145).
2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 26.10.2019).
3. *Лопашенко Н.А.* Экологические преступления : уголовно-правовой анализ. М. : Юрлитинформ, 2017.
4. *Фаткулин С. Т.* Квалификация экологических преступлений : учебное пособие. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2015.
5. *Брославский Л. И.* Экология и охрана окружающей среды : законы и реалии в США, России и Евросоюза. М. : Инфра-М, 2018.
6. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2016 г.) «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ 1998. № 29. Ст. 3399.
7. Приказ Минсельхоза России от 29 февраля 2008 г. № 67 (в ред. от 17 марта 2016 г.) «Об установлении Требований к форме и порядку утверждения рекомендаций о транспортировке, применении и хранении пестицида и агрохимиката и к тарной этикетке» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 16.
8. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 2 марта 2010 г. № 17 (в ред. от 10 июня 2016 г.) «Об утверждении СанПиН 1.2.2584-10» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 22.
9. Постановление Правительства РФ от 9 марта 2010 г. № 132 (в ред. от 1 августа 2015 г.) «Об обязательных требованиях в отношении отдельных видов продукции и связанных с требованиями к ней процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, содержащихся в технических регламентах Республики Казахстан, являющейся государством – участником таможенного союза» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1221.

10. Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» // СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3510.
11. *Попова Ю. П.* Уголовно-правовая характеристика заведомо незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004.
12. *Боковня А. Ю.* Ответственность за загрязнение объектов окружающей среды в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016.
13. *Демичев А. А., Грачева О. С.* Экологическое право : учебник. М. : Прометей, 2017.
14. *Клочкова А. А.* Уголовная ответственность за порчу земли : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.
15. *Лопашенко Н. А.* Ответственность за нарушение правил охраны и использования недр // Российская юстиция. 2002. № 4.
16. *Зрелов А. П.* Порча земель : антикризисный комментарий статьи 8.6 КоАП РФ, проблемы разграничения административной и уголовной ответственности. М. : ЭкОУнис-экологически чистые технологии, 2019.
17. Решение Алтайского краевого суда от 22 декабря 2010 г. по делу № 21-580/2010 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Верховного Суда РФ от 26 августа 2019 г. № 39-АД19-4 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Верховного Суда РФ от 1 декабря 2017 г. № 32-АД17-9 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Решение Липецкого областного суда от 29 марта 2018 г. по делу № 7-21/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Орловского областного суда от 16 февраля 2017 г. по делу № 4А-21/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
22. *Игнатова М. А., Кузнецова О. А.* О разграничении уголовной и административной ответственности за порчу земли // Российский следователь. 2018. № 8.
23. *Репин М. Е.* Некоторые особенности объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 254 «порча земли» Уголовного кодекса Российской Федерации // Наука. Мысль. 2016. № 6.
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 (в ред. от 30 ноября 2017 г.) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

References

1. *Voskanian R. O.* Influence of Environmental Responsibility on the Goodwill of the Company. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal*. 2019. No. 1 (145).
2. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (date of the application: 10/26/2019).
3. *Lopashenko N. A.* Environmental Crimes: Criminal Law Analysis. Moscow: Iurlitinform, 2017.
4. *Fatkulin S. T.* Qualification of Environmental Crimes: Tutorial. Chelyabinsk: South Ural State University Publishing Center, 2015.
5. *Broslavskii L. I.* Ecology and Environmental Protection: Laws and Realities in the USA, Russia and the European Union. Moscow: Infra-M, 2018.
6. Federal Law of 16 July 1998 No. 101-FZ (as amended on 5 April 2016) "On State Regulation of Ensuring the Fertility of Agricultural Lands". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 29. Art. 3399.
7. Order of the Ministry of Agriculture of Russia of 29 February 2008 No. 67 (as amended on 17 March 2016) "On the Establishment of Requirements for the Form and Procedure for Approval of Recommendations on the Transportation, Use and Storage of Pesticides and Agrochemicals and for the Container Label". *Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Bodies*. 2008. No. 16.
8. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 2 March 2010 No. 17 (as amended on 10 June 2016) "On the Approval of SanPiN 1.2.2584-10". *Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Bodies*. 2010. No. 22.
9. Decree of the Government of the Russian Federation of 9 March 2010 No. 132 (as amended on 1 August 2015) "On Mandatory Requirements for Certain Types of Products and Related Processes of Design (Including Surveys), Production, Construction, Installation, Adjustment, Operation, Storage, Transportation, Sale and Disposal Contained in the Technical Regulations of the Republic of Kazakhstan, Which Is a Member State of the Customs Union". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 11. Art. 1221.
10. Federal Law of 19 July 1997 No. 109-FZ (as amended on 27 December 2019) "On the Safe Handling of Pesticides and Agrochemicals". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 29. Art. 3510.
11. *Popova Iu. P.* Criminal and Legal Characteristics of Deliberately Unlawful Detention, Detention and Detention: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Tyumen, 2004.

12. *Bokovnia A. Iu.* Responsibility for Environmental Pollution in the Criminal Law of Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Kazan, 2016.
13. *Demichev A. A., Gracheva O. S.* Environmental Law: Textbook. Moscow: Prometheus, 2017.
14. *Klochkova A. A.* Criminal Liability for Damage to Land: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2010.
15. *Lopashenko N. A.* Responsibility for Violation of the Rules for the Protection and Use of Mineral Resources. *Russian Justice*. 2002. No. 4.
16. *Zrelov A. P.* Land Spoilage: Anti-Crisis Commentary on Article 8.6 of the Administrative Offenses Code of the Russian Federation, the Problem of Differentiating Administrative and Criminal Liability. Moscow: EcoOnis-environmentally friendly technologies, 2019.
17. Decision of the Altai Regional Court of 22 December 2010 in case No. 21-580 / 2010 (SPS "ConsultantPlus").
18. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 26 August 2019 No. 39-AD19-4 (SPS "ConsultantPlus").
19. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 1 December 2017 No. 32-AD17-9 (SPS "ConsultantPlus").
20. Decision of the Lipetsk Regional Court of 29 March 2018 in case No. 7-21/2018 (SPS "ConsultantPlus").
21. Resolution of the Oryol Regional Court of 16 February 2017 in case No. 4A-21/2017 (SPS "ConsultantPlus").
22. *Ignatova M. A., Kuznetsova O. A.* On the Delimitation of Criminal and Administrative Liability for Damage to Land. *Russian Investigator*. 2018. No. 8.
23. *Repin M. E.* Some Features of the Objective Side of the Crime Provided for in Article 254 "Spoilage of Land" of the Criminal Code of the Russian Federation. *Science. Thought*. 2016. No. 6.
24. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18 October 2012 No. 21 (as amended on 30 November 2017) "On the Application by Courts of Legislation on Liability for Violations in the Field of Environmental Protection and Nature Management". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2012. No. 12.

ПРОЩЕНИЕ ДОЛГА КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (часть I)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-109-117>

Современная сложная социально-экономическая ситуация, сложившаяся как в России, так и в большинстве стран мира, обусловленная пандемией новой коронавирусной инфекции и связанная с непомерно высокой нагрузкой на предпринимателей, массовым закрытием предприятий малого и среднего бизнеса, преддефолтным состоянием значительного количества предприятий крупного бизнеса, влечет за собой актуализацию в целом вопросов прекращения обязательств, не связанных с их исполнением. Возросла, в частности, у участников экономической деятельности востребованность такого правового механизма, как прощение долга, что, как предполагается, повлечет за собой новый этап в его правовом исследовании, учитывая значительное количество связанных с ним неразрешенных проблем доктрины, правового регулирования и правоприменительной практики. Целью настоящего исследования является рассмотрение целого ряда актуальных вопросов, связанных с прощением долга. В первой части исследования проведен общетеоретический анализ прощения долга на предмет отнесения его к односторонним или двусторонним сделкам, а также рассмотрено его соотношение с договором дарения. Предметом исследования выступили нормы российского законодательства, регулирующие вопросы прощения долга и существующие в правовой науке взгляды, представления о прощении долга как способе прекращения гражданско-правовых обязательств. Теоретико-методологическую основу работы составили труды ученых-цивилистов, затрагивающих различные аспекты прощения долга. Характер анализируемых вопросов обусловил применение общенаучных методов эмпирического и теоретического исследования: логического, системного и функционального. Системно-правовой подход был применен во взаимодействии с формально-юридическим методом исследования. По результатам проведенного исследования в первой части работы были сделаны выводы о необходимости квалификации прощения долга в качестве двусторонней сделки и способа реализации договора дарения.

ЧЕРЕПАНОВА

Диана Константиновна*

студентка 5-го курса юридического факультета Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

diana.cherepanova97@mail.ru

КОЗЛОВА

Елена Борисовна**

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kozlova@urexpert.ru

**Прощение долга;
прекращение обязательств;
прощение долга как сделка;
дарение;
договор дарения;
намерение одарить**

Diana K. CHEREPANOVA

Fifth-Year Student, All-Russian State University of Justice (Moscow)

diana.cherepanova97@mail.ru

Elena B. KOZLOVA

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)

kozlova@urexpert.ru

DEBT FORGIVENESS AS A GROUND FOR TERMINATION OF OBLIGATION: PROBLEMS OF DOCTRINE, LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE (part I)

The current difficult socio-economic situation, which has developed both in Russia and in most countries of the world, caused by the pandemic of the new coronavirus infection and associated with an unreasonably high burden on entrepreneurs, the massive closure of small and medium-sized businesses, the pre-default state of a significant number of large enterprises, entails for itself updating in general the issues of termination of obligations not related to their performance.

* Разделы 1, 2.

** Аннотация, введение.

**Debt forgiveness;
termination of obligations;
debt forgiveness as a deal;
donation;
donation agreement;
intention to bestow**

The demand for such a legal mechanism as debt forgiveness has increased, in particular, among participants in economic activity, which, it is assumed, will entail a new stage in its legal research, given the significant number of unresolved problems of doctrine, legal regulation and law enforcement practice associated with it. The purpose of this study is to address a variety of pressing issues related to debt forgiveness. In the first part of the study, a general theoretical analysis of debt forgiveness will be carried out with a view to attributing it to unilateral or bilateral transactions, as well as its relationship with a gift agreement. The subject of the research is the norms of Russian legislation governing the issues of debt forgiveness and the views existing in legal science, ideas about debt forgiveness as a way to terminate civil obligations. The theoretical and methodological basis of the work was formed by the works of civil scientists, touching upon various aspects of debt forgiveness. The nature of the issues analyzed led to the use of general scientific methods of empirical and theoretical research: logical, systemic and functional. The systemic legal approach was applied in conjunction with the formal legal research method. Based on the results of the study, in the first part of the work, conclusions were drawn about the need to qualify debt forgiveness as a bilateral transaction and a way to implement a donation agreement.

Введение

Современными учеными-правоведами неоднократно отмечалось, что в гражданском праве вопросы оснований прекращения обязательств в целом разработаны недостаточно, и в первую очередь это касается оснований прекращения, не связанных с фактическим исполнением обязательств. Особое место среди таких оснований прекращения обязательств как, наверное, самое противоречивое занимало и продолжает занимать прощение долга, правовое регулирование которого всегда характеризовалось недостаточностью законодательной регламентации, широтой и отсутствием единообразия правоприменительной практики, чему посвящено достаточное количество исследований [1; 2; 3; 4]. В рамках реформы гражданского законодательства прощение долга не получило своего серьезного развития, что позволяет говорить о сохранении всех проблемных аспектов, связанных с доктринальным пониманием и правоприменением данного основания прекращения обязательств.

С другой стороны, следует констатировать возросшую востребованность этого правового механизма у участников гражданского оборота в связи с ухудшением социально-экономической ситуации в условиях непомерно высокой нагрузки на бизнес, закрытия предприятий малого и среднего предпринимательства как в России, так и в зарубежных странах. Так, уже к августу 2020 г., согласно данным аналитической службы Международной аудиторско-консалтинговой сети «FinExpertiza», пандемия новой коронавирусной инфекции повлекла за собой потерю Россией 1 млн 95 тыс. 423 микро-, малых и средних предприятий, или почти каждого пятого бизнеса в этом секторе [5], многие предприятия крупного бизнеса находятся в предефолтном состоянии.

Как отражено в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг., разработанном Министерством экономического развития РФ [6], распространение новой коронавирусной инфекции стало масштабным вызовом и для мировой, и для российской экономики. Траектория развития в кратко- и среднесрочной перспективе будет определяться не только экономическими, но и эпидемиологическими факторами. В связи с этим и прогноз развития страны разработан указанным профильным ведомством в двух вариантах – базовом и консервативном. Базовый – это наиболее вероятный сценарий развития российской экономики с учетом ожидаемых внешних условий и принимаемых мер экономической политики, а консервативный вариант основан на предпосылке о менее благоприятной санитарно-эпидемиологической ситуации в мире, затяжном восстановлении мировой экономики и структурном замедлении темпов ее роста в среднесрочной перспективе из-за последствий пандемии.

Именно в сложившейся сложной экономической ситуации актуализировалась тема прощения долга как основания прекращения обязательств, не связанного с его исполнением, ведь зачастую предприниматели, исходя из интересов сохранения бизнеса, клиентской базы, хозяйственных связей с контрагентами, могут пожертвовать материальным интересом в фактическом исполнении какого-либо конкретного обязательства.

Экономические интересы участников гражданского оборота требуют в современных условиях решения на уровне правовой доктрины, законодательства и правоприменительной практики проблем, связанных с регламентацией отношений прощения

долга. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» [7] (далее – ПП ВС № 6) не смогло внести ясность в понимание правовой природы прощения долга и дать конкретные ответы на иные вопросы, связанные с законодательным регулированием и применением данного правового механизма. В частности, актуальной остается тематика: отнесения прощения долга к числу односторонних или двусторонних сделок; возмездности и формы такой сделки; возможности квалификации прощения долга в качестве договора дарения; соотношения прощения долга с иными способами прекращения обязательств; налоговых последствий прощения долга во взаимоотношениях между коммерческими организациями.

Именно эти аспекты прощения долга и будут рассмотрены в настоящем исследовании, предметом которого в целом выступили нормы российского законодательства, регулирующие вопросы прощения долга, и существующие в правовой науке взгляды, представления о прощении долга как способе прекращения гражданско-правовых обязательств.

1. Правовая природа прощения долга: односторонняя или двусторонняя сделка

В правовой доктрине широко известна дискуссия о количестве сторон в сделке прощения долга. В первую очередь это связано с тем, что закон не дает однозначного указания на правовую природу прощения долга, определяя его лишь как основание прекращения обязательства. Так, согласно ст. 415 Гражданского кодекса РФ [8] (далее – ГК РФ) прощение долга – способ прекращения обязательства посредством освобождения кредитором должника от лежащих на нем обязанностей. Также закреплено, что прощение долга не должно нарушать прав третьих лиц в отношении имущества кредитора (п. 1 ст. 415 ГК РФ). В качестве примера такого нарушения обычно приводится прощение долга в преддверии банкротства кредитора. Моментом прекращения обязательства является получение должником уведомления от кредитора о прощении долга, при условии что должник не направит в ответ возражений на прощение в разумный срок (п. 2 ст. 415 ГК РФ).

Ученые-исследователи расходятся во мнениях по вопросу о количестве сторон рассматриваемой сделки, поэтому необходимо раскрыть две группы взглядов на правовую природу прощения долга. В первую очередь целесообразно рассмотреть менее популярную позицию о том, что прощение долга является односторонней сделкой. Среди сторонников такого подхода наиболее интересным и убедительным представляется мнение А. Г. Карапетова, который трактует

законодательный механизм прощения долга следующим образом: «...за счет одной односторонней сделки (возражения против прощения долга) с обратной силой отменяется правовой эффект другой (уведомления о прощении долга)» [9, с. 796], т.е. перед нами две односторонние сделки, первая из которых может существовать без второй, тогда как вторая может быть лишь ответом на первую. Автор также отмечает, что на односторонний характер сделки указывает закрепленный в ст. 415 ГК РФ момент прекращения обязательства – получение должником уведомления от кредитора. Указание на момент прекращения обязательства отсутствовало в законодательстве до 2015 г. [10], в связи с чем невозможно объяснить позицию законодателя просто длительным невнесением изменений в ГК РФ, ситуацией, когда закон «отстает» от действительности. Однако А. Г. Карапетов также отмечает, что «наиболее разумным подходом было бы признание прощения долга соглашением, так как игнорировать волю должника в вопросе прощения долга было бы неверно» [9, с. 796], даже несмотря на то, что отказ должника от прощения долга является на практике довольно редким явлением. Данная позиция заслуживает внимания хотя бы потому, что она основывается на прямом толковании закона даже при условии, что, по мнению самого исследователя, прощение долга должно носить двусторонний характер.

Как справедливо отмечает М. А. Егорова, признание прощения долга односторонней сделкой порождает неблагоприятные последствия, так как к нему не будут применяться запреты, установленные для договора дарения, что предоставит «возможность коммерческим организациям совершать сделки, по существу направленные на дарение, путем совершения мнимых односторонних действий по прощению долга, приводящих к явной имущественной выгоде должников» [11, с. 39]. Некоторые исследователи, однако, не видят в этом большой проблемы, так как считают, что запрет на дарение между коммерческими организациями необходимо отменить [12]. Данная позиция основывается на том, что запрет такой формы дарения на сегодняшний день носит исключительно идеологический характер, так как коммерческие организации, чья деятельность направлена на извлечение прибыли, не могут обладать намерением одарить. Однако с практической точки зрения, возможно, отмена данного запрета решила бы проблемы реализации прощения долга. Высокие налоговые ставки на дарение могли бы компенсировать государству такое разрешение, а также являлись бы сдерживающим фактором для тотального заключения договоров дарения между коммерческими организациями.

Если признавать прощение долга односторонней сделкой, также невольно прослеживается сходство ее правовой природы с отказом от иска или части ис-

ковых требований. Общее доктринальное понимание отличий этих институтов заключается в том, что, во-первых, отказ от иска является процессуально-правовым, а прощение долга материально-правовым институтом, во-вторых, целью отказа от иска является прекращение судебного разбирательства, но не самого обязательства. Отказ от иска, как правило, порождает совершенно иные мотивы, такие как оценка сильных контрдоводов ответчика и сомнение в удовлетворении исковых требований, а также экономия финансовых средств и времени на судебное производство, которые превышают стоимость потенциальной выгоды от успешного разрешения дела.

Верховный Суд РФ в п. 35 ПП ВС № 6 также подтвердил такое доктринальное понимание данного соотношения: «Отказ от иска или части исковых требований по спору об исполнении обязательства сам по себе не означает прощение долга и не влечет прекращения обязательства». Однако определенные схожие черты у данных институтов все же есть: невозможность обращения за судебной защитой между теми же сторонами и о том же предмете после отказа от иска напоминает правовые последствия прощения долга, так как в обоих случаях получить исполнение обязательства будет невозможным.

А. А. Павлов [13], например, считает отказ от иска «процессуальной формой» прощения долга. Вопреки данному суждению, представляется, что процессуальной формой выражения прощения долга выступает скорее мировое соглашение, т.е. прощение является, например, одним из его условий, что неоднократно демонстрируется в судебной практике.

Наиболее распространенным мнением является убежденность в двустороннем характере прощения долга. Так, в римском праве прототип института прощения долга существовал именно в качестве договора – акцептиляции (*acceptilatio*, от латинского выражения *acceptum ferre* – «считать полученным») [14, с. 327]. Акцептиляция представляла собой формальный акт уничтожения долгового обязательства, т.е. кредитор заявлял о полученном исполнении обязательства, тогда как на самом деле исполнения не происходило. Договорная природа проявлялась в том, что, во-первых, акцептиляция являлась разновидностью воображаемого платежа, который всегда носил характер соглашения, а во-вторых, акцептиляция фактически представляла собой заданный кредитору должником вопрос: «То, что я тебе обещал, получил ли ты?» и ответ кредитора: «Я получил» [14, с. 327]. Разумеется, современное понимание и реализация прощения долга в рамках российской действительности претерпели значительные изменения, однако два института сквозь время по-прежнему объединены общей идеей и целью – безвозмездно прекратить обязательство, не порождая нового, достигнув при этом обоюдного согласия.

Договорная природа прощения долга признается рядом зарубежных правовых порядков. Так, в Германском гражданском уложении 1896 г. прощение долга реализуется с помощью следующей конструкции: «Кредитор особым договором с должником признает, что обязательство прекратилось» [15, с. 96]. Во Французском гражданском кодексе 1804 г. прощение долга именуется «добровольным отказом кредитора от своего права» [15, с. 97] и закрепляется в перечне способов прекращения обязательств вследствие соглашения сторон.

Мнения о двустороннем характере прощения долга придерживались в своих работах, в частности, известные современные цивилисты Е. А. Суханов [16, с. 44], М. И. Брагинский и В. В. Витрянский [17, с. 261]. Все они основывали свою позицию на том, что прощение долга является разновидностью договора дарения и именно поэтому является двусторонней сделкой. Е. А. Крашенинников также разделял позицию о двустороннем характере: «Прощение долга имеет договорную природу и может быть осуществлено не иначе как с согласия должника» [18, с. 77]. Стоит отметить, что все эти исследователи высказывали свою позицию в работах, написанных до внесения изменений, которые определили момент прекращения обязательства.

Но правовая проблема не была бы таковой, если бы вразрез с законом и доктриной не шла судебная практика.

До выхода ПП ВС № 6 в судебных решениях встречалось отражение обеих указанных выше точек зрения. Так, в марте 2020 г. в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда [19] коллегия фактически признала сделку по прощению долга односторонней. Перед судом встал вопрос о последствиях неполучения должником уведомления о прощении долга: будет ли долг в таком случае считаться прощенным? Суд признал прощение состоявшимся, указав на п. 67 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25: «Если в юридически значимом сообщении содержится информация об односторонней сделке, то при невручении сообщения по обстоятельствам, зависящим от адресата, считается, что содержание сообщения было им воспринято, и сделка повлекла соответствующие последствия» [20].

В большинстве судебных актов, в которых сделка по прощению долга квалифицирована как двусторонняя, суд основывал свой вывод на ее связи с договором дарения. Данные позиции будут рассмотрены далее.

Флагманом правовых позиций по рассматриваемому вопросу является п. 34 ПП ВС № 6, в котором Верховный Суд РФ разъяснил, что «прощение долга представляет собой двустороннюю сделку с подразумеваемым, по общему правилу, согласием должника на ее совершение: обязательство считается прекра-

щенным с момента получения должником уведомления кредитора о прощении долга, если иное не предусмотрено соглашением сторон».

С одной стороны, Верховный Суд РФ предпринял попытку остановить споры о количестве сторон в рассматриваемой сделке, однако тут же отступил от своего намерения внести ясность – указал на «общее правило» о согласии, из которого, видимо, возможны исключения. Если согласие должника подразумевается, значит, его направление кредитору не является обязательным. Возможно, суд в своей позиции исходил из сложившейся практики: отказ должника от прощения долга кредитором – довольно редкое явление, практически во всех случаях направление согласия – формальная процедура, оно действительно просто подразумевается. Таким образом, если должник не возразил на уведомление о прощении долга, значит, выразил свое согласие (презумпция согласия). Однако молчание не является акцептом, если иное не установлено законом, соглашением, обычаем или не следует из прежних деловых отношений сторон (ст. 438 ГК РФ). Можно ли считать прощение долга законодательным исключением из правила данной нормы? Если презюмировать, что прощение долга – двусторонняя сделка, то для ее заключения необходимо волеизъявление двух сторон.

Представляется, что единственным выходом из правовой неопределенности, которую теперь добавил Верховный Суд РФ, является признание согласия должника обязательным, но возможным в виде акцепта, выраженного молчанием. Однако, как верно отмечает А. Г. Карапетов, «кредитор направляет должнику не предложение о прощении долга, а уведомление и... долг считается прощенным с момента получения такого уведомления» [9, с. 796], а в случае, когда акцепт выражен молчанием, моментом заключения соглашения о прощении долга будет являться истечение срока на акцепт (возражение), но не момент доставки оферты (уведомления). Поэтому акцепт молчанием в данной ситуации противоречил бы положениям п. 2 ст. 415 ГК РФ.

Верховный Суд РФ разделил и точку зрения тех, кто считает рассматриваемую сделку односторонней, указав на то, что момент прекращения обязательства прощением долга может устанавливаться соглашением сторон. Представляется, что такое разъяснение являет собой пример неуместно расширительного толкования закона, поскольку ст. 415 ГК РФ такой возможности не предоставляет и положение о моменте прекращения обязательства является императивной нормой, тогда как Верховный Суд РФ расценил его как диспозитивное.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о расхождении разъяснений Верховного Суда РФ и судебной практики в целом с положениями ГК РФ.

Законодатель указывает на односторонний характер прощения долга, говоря об «уведомлении» кредитором должника, а также конкретизируя момент прекращения обязательства. Судебная практика соглашается с моментом прекращения, но называет сделку двусторонней.

Представляется очевидным, что признание волеизъявления должника обязательным необходимо по следующим причинам. Во-первых, может возникнуть ситуация, при которой кредитор прощает не признанный должником долг. Прощение долга всегда предполагает его признание должником: без признания невозможно прощение. Кредитор не может в одностороннем порядке простить долг, который не был в установленном порядке признан должником: например, сторона признала претензию кредитора, внесла изменения в договор, попросила об отсрочке платежа и другие способы [21]. Во-вторых, односторонний характер рассматриваемой сделки существенно нарушает право должника на возражение, создается ситуация навязывания должнику воли кредитора. Должник становится в большей степени зависим от надлежащего уведомления, потому что именно уведомление прекращает обязательство, а не возможное согласие должника. У должника – коммерческой организации есть достаточные мотивы быть не согласным с прощением: это та имущественная выгода или экономический интерес, на которые ссылается кредитор, прощая долг.

Однако, признавая договорный характер прощения долга, мы сталкиваемся с проблемой его соотношения с соглашением об изменении условий договора. Можно ли считать прощение долга изменением условий договора? Ни закон, ни судебная практика на сегодняшний день не разрешает данный вопрос. Если да, то такое изменение, согласно п. 1 ст. 452 ГК РФ, должно совершаться в той же форме, что и договор, если законом, иными правовыми актами, договором или обычаями не предусмотрено иное. В таком случае, если прощается обязательство, например, из договора, для которого предусмотрена обязательная нотариальная форма заключения, прощение долга должно заключаться в том же порядке.

Также при рассмотрении института прощения долга в качестве двусторонней сделки нельзя отождествлять прекращение обязательства прощением долга с прекращением обязательства в связи с расторжением договора, так как в рамках синаллагматического договора расторжение имеет другие правовые последствия: так, например, при прощении долга по обязательству в рамках купли-продажи обязательство уплатить покупную цену прощается, но товар не возвращается продавцу, тогда как при расторжении договора на стороне исполнившего обязательство контрагента происходит неосновательное

обогащение, что порождает возможность истребования полученного по договору [13].

Таким образом, прощение долга необходимо на уровне правовой доктрины квалифицировать как двустороннюю сделку, учитывая, что в данном случае определение количества сторон в сделке – не просто теоретическая проблема или «спор ради спора», поиск ответа обладает своей практической ценностью. Во-первых, достижение единого мнения позволит ответить на вопрос о том, возможно ли встречное предоставление в рамках сделки прощения долга, т.е. может ли прощение долга быть построено по модели возмездного договора или такая конструкция автоматически превращает прощение в другие способы прекращения обязательств (новацию, отступление). Во-вторых, четкое знание о количестве сторон в сделке поможет установить наконец границы между прощением долга и договором дарения.

2. Прощение долга и договор дарения

Проблема соотношения прощения долга и договора дарения стоит в правовой доктрине и юридической практике не менее остро. В ст. 572 ГК РФ избавление должника от лежащей на нем имущественной обязанности, по сути являющееся прощением долга, закреплено в качестве одного из способов дарения. В связи с установленным запретом дарения между коммерческими организациями (ст. 575 ГК РФ) такой способ прекращения обязательства, как прощение долга, оказался для большинства предпринимателей во взаимоотношениях между собой недоступным. И если закон не дает однозначного ответа на вопрос о применении запретов для дарения к прощению долга, то правовая доктрина и судебная практика провели границу между данными институтами и фактически «разблокировали» прощение долга для коммерческих организаций с помощью введения одного важного условия квалификации прощения долга – «отсутствия намерения одарить должника».

Для начала стоит отметить, что еще при зарождении способов прекращения обязательства в начале тысячелетия с принятием ГК РФ идею о тождественности договора дарения и прощения долга отразили в своих работах многие известные ученые [17, с. 261]. Так, профессор Е. А. Суханов отмечал: «...речь идет о разновидности дарения, требующего, следовательно, согласия должника, поэтому к прощению долга применимы правила о договоре дарения, в том числе о запрете и ограничении возможностей дарения» [16, с. 44], т.е. фактически выступал за невозможность использования прощения долга в качестве способа прекращения обязательств между коммерческими организациями.

А. Г. Карапетов в свою очередь как сторонник одностороннего характера прощения долга не отождествляет данную сделку с договором дарения ни полно-

стью, ни в части. Исследователь трактует «избавление должника от имущественной обязанности» как «реализацию договора дарения» через одностороннюю распорядительную сделку – прощение долга: дарственное обещание «лишь порождает обязанность дарителя простить долг, но не прекращает соответствующее требование. Его прекращение осуществляется в рамках самостоятельного волевого акта (прощения долга)» [9, 793], т.е. такой договор дарения может быть построен лишь по конструкции «сделка в сделке» – осуществляется через одностороннюю распорядительную сделку по прощению долга. Представляется, что такая неоправданно сложная правовая конструкция возникла в связи с явным расхождением положений закона со сложившейся практикой и попыткой привести их «к общему знаменателю».

О сущности распорядительной сделки в рамках научных дискуссий слагаются легенды как об институте, который заимствован из германского права и пока объективно не существует в рамках российской правовой действительности, но непременно существовать должен. Однако, как бы ни развивалась правовая доктрина и последующая судебная практика в данном направлении, «привязать» к ней прощение долга не представляется возможным.

Во-первых, распоряжение не может предполагать какого-либо возражения на него со стороны контрагента, должник не может ограничивать «распорядительную власть» кредитора, что противоречит самой конструкции прощения долга. Во-вторых, концепция распорядительной сделки предполагает ее абстрактность, т.е. независимость и обособленность правовых последствий от судьбы основного обязательства. Если представить, что договор дарения расторгнут по причине отказа одаряемого от дара, какова судьба распорядительной абстрактной сделки по прощению долга внутри данного обязательства?

В целом можно сделать вывод о том, что сторонники отождествления институтов дарения и прощения долга низводят прощение долга до сделки, которая не может быть реализована самостоятельно, а лишь в рамках и на основании другого соглашения, в том числе дарения. Таким образом, чтобы простить долг, не идентифицируя его в качестве договора дарения, необходимо объединить три правовые конструкции: договор, обязательство из которого прекращается; договор, в основание которого будет положено прощение долга; одностороннюю сделку по прощению долга. Встает вопрос о целесообразности такой сложной конструкции на практике: не слишком ли много оправданий для одного лишь признания сделки односторонней? Ведь все эти манипуляции производятся с единственной целью – не отождествлять договор дарения и прощение долга ни полностью, ни в части.

Сторонники данной позиции также указывают на несоответствие российской пандектной системе права концепции признания прощения долга разновидностью дарения. Правовое регулирование прощения долга закреплено в общей части ГК РФ, тогда как регулирование договора дарения – нормами особенной части. В действительности в данном случае довольно трудно определить замысел законодателя: зачем помещать в общие положения один из видов договора дарения? Встает вопрос исключительно о соотношении законодательных формулировок «прощение долга» и «избавление от имущественной обязанности». Закон не устанавливает их разграничения, называя разными терминами действия, которые на практике не будут с достаточной степенью отличны друг от друга.

Главный аргумент в защиту непризнания прощения долга дарением заключается в том, что дарение порождает обязательство, тогда как прощение долга всегда прекращает его; таким образом, у данных институтов выявляются противоречащие друг другу цели совершения. Если бы эта аксиома имела практическое значение, то законодатель не стал бы вводить избавление от имущественной обязанности в качестве способа реализации договора дарения.

Представляется, что наиболее точным взгляд на проблему разграничения прощения долга и договора дарения предложил А. М. Эрделевский, который утверждает, что «прощение долга вовсе не обязательно является разновидностью дарения; дарение же в виде освобождения одаряемого от обязанности по отношению к дарителю всегда является одновременно и прощением долга» [22, с. 14]. Таким образом, он справедливо выделяет две разные формы реализации прощения долга на практике: в качестве разновидности договора дарения и в качестве самостоятельной сделки.

Судебная практика, особенно после выхода ПП ВС № 6, предоставляет однозначную правовую позицию о разграничении данных институтов. Первым шагом к поиску баланса стало Информационное письмо ВАС РФ от 21 декабря 2005 г. № 104 [23], в котором давались следующие разъяснения: «...прощение долга является дарением только в том случае, если судом будет установлено намерение кредитора освободить должника от обязанности по уплате долга в качестве дара». Далее в 2018 г. Арбитражный суд г. Москвы в своем решении указал на то, что «об отсутствии намерения кредитора одарить должника может свидетельствовать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству между теми же лицами» [24]. Обе правовые позиции нашли свое подтверждение в п. 31 ПП ВС РФ № 6: «Прощение долга не свидетельствует о заключении договора да-

рения, если совершается кредитором в отсутствие намерения одарить должника». Как указывает Верховный Суд РФ, «об отсутствии такого намерения могут свидетельствовать, в частности: взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству (например, признанием долга, отсрочкой платежа по другому обязательству, досудебным погашением спорного долга в непросщенной части и т.п.); достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга, и т.п.».

Данные положения не являются новеллой в судебной практике, однако они впервые сформулированы и представлены в качестве позиции Верховного Суда РФ. В чем же ее принципиальная уникальность и явное противоречие законодательству и концепции односторонней сделки? Такая позиция однозначно разделила институт прощения долга на две формы его существования: первая – в качестве способа реализации договора дарения и вторая – в качестве самостоятельной сделки, прекращающей обязательство. Стоит отметить, что такое деление актуально лишь в рамках прощения долга между коммерческими организациями, потому что по сути для остальных участников гражданского оборота абсолютно неважно, будет ли сделка признана способом дарения или прощением долга: во-первых, это не повлечет принципиально различных правовых последствий, а во-вторых, и то, и другое является для них допустимым. Коммерческие организации же во взаимоотношениях между собой могут избрать только второй вариант заключения сделки по прощению долга. Существенное отличие одной формы существования от другой заключается в обязательном указании на отсутствие *animus donandi* – «намерения одарить» должника. У кредитора должна быть имущественная выгода от прощения долга. На практике чаще всего встречаются случаи признания судом в качестве имущественной выгоды факта признания долга должником и погашения его в непросщенной части в досудебном порядке [23]. Таким образом, кредитор тем самым взыскивает хотя бы часть долга (например, основную сумму, прощая проценты и неустойку), не растрачивая время на длительные судебные разбирательства. Иным экономическим интересом, как представляется, может выступать желание кредитора сохранить компанию-должника на рынке в качестве своего контрагента, доказав, что интересы его собственной компании пострадают в результате поиска нового контрагента.

Если квалифицирующим признаком прощения долга (избавления от имущественной обязанности) как способа реализации договора дарения выступает *animus donandi*, предполагающий безвозмездный характер такого прощения, то квалифицирующим признаком прощения долга между коммерческими

организациями становится его отсутствие. Таким образом, правоприменительная практика фактически вводит новое важное условие для заключения сделки по прощению долга, которое не имеет своего зако-

нодательного закрепления, но без указания которого в уведомлении сделка может быть признана судом способом реализации договора дарения, т.е. недействительной для коммерческих организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Серветник А. А. Прощение долга как основание прекращения обязательства : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
2. Ноздрачева А. Ю. Прощение долга: анализ актуальной судебной практики // Судья. 2020. № 9. С. 36–42.
3. Ноздрачева А. Ю. Обзор судебной практики по вопросу соотношения института прощения долга со смежными правовыми конструкциями // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 7. С. 202–223.
4. Чайка И. В. Прекращение обязательств по основаниям, не связанным с их фактическим исполнением: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2007.
5. В России за год закрылись более миллиона предприятий МСП // Росбалт : сайт. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/08/14/1858568.html> (дата обращения: 07.01.2021).
6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (дата обращения: 07.01.2021).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017.
10. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.
11. Егорова М. А. Прощение долга : новый взгляд на старые проблемы // Юридический мир. 2012. № 1. С. 35–41.
12. Иванов А. А., Карапетов А. Г. Прекращение обязательств. Прощение долга, невозможность исполнения (передача 193) // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/02/prekraschenie_obyazatelstv_proschenie_dolga_nevozmozhnost_ispolneniya_peredacha_193 (дата обращения: 07.01.2021).
13. Павлов А. А. Прекращение обязательств. Авторский онлайн-курс // LF Академия : сайт. URL: <https://lfacademy.ru/c/course/2980244> (дата обращения: 07.01.2021).
14. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : КНОРУС, 2014.
15. Серветник А. А. Прощение долга в гражданском праве иностранных государств // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 6 (89). С. 94–99.
16. Гражданское право : в 4 т. Т. 3 : Обязательственное право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005.
17. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая : Общие положения. 3-е изд., стереотип. М. : Статут, 2001.
18. Крашенинников Е. А. О прощении долга // Хозяйство и право. 2002. № 10. С. 76–82.
19. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 марта 2020 г. по делу № А53-14913/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // СПС «КонсультантПлюс».
22. Эрделевский А. М. Прощение долга и договор дарения // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 12–14.
23. Информационное письмо Высшего арбитражного суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм ГК РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

24. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 22 марта 2018 г. по делу № А40-212445/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Servetnik A. A.* Forgiveness of Debt as a Basis for Termination of Obligation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2009.
2. *Nozdracheva A. Iu.* Forgiveness of Debt: Analysis of Current Judicial Practice. *Judge*. 2020. No. 9.
3. *Nozdracheva A. Iu.* Review of Judicial Practice on the Relationship Between the Institution of Debt Forgiveness and Related Legal Structures. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019. No. 7.
4. *Chaika I. V.* Termination of Obligations on Grounds Not Related to Their Actual Performance: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Ryazan, 2007.
5. More Than a Million SMEs Closed in Russia in a Year. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/08/14/1858568.html> (date of the application: 07.01.2021).
6. Forecast of Socio-Economic Development of the Russian Federation for 2021 and for the Planning Period 2022 and 2023. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (date of the application: 07.01.2021).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 June 2020 No. 6 "On Some Issues of Application of the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Termination of Obligations" (SPS "ConsultantPlus").
8. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.
9. *Karapetov A. G. (ed.)*. Contractual and Obligation Law (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2017.
10. Federal Law of 8 March 2015 No. 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2015. No. 10. Art. 1412.
11. *Egorova M. A.* Forgiveness of Debt: A New Look at Old Problems. *Legal World*. 2012. No. 1.
12. *Ivanov A. A., Karapetov A. G.* Termination of Obligations. Forgiveness of Debt, Impossibility of Performance (Transfer 193). URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/02/prekraschenie_obyazatelstv_proschie_dolga_nevozmozhnost_ispolneniya_peredacha_193 (date of the application: 07.01.2021).
13. *Pavlov A. A.* Termination of Obligations. Author's Online Course. URL: <https://lfacademy.ru/c/course/2980244> (date of the application: 07.01.2021).
14. *Novitsky I. B., Peretersky I. S. (eds.)*. Roman Private Law: Textbook. Moscow: KNORUS, 2014.
15. *Servetnik A. A.* Forgiveness of Debt in the Civil Law of Foreign States. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2012. No. 6 (89).
16. *Sukhanov E. A. (ed.)*. Civil Law. In 4 vols. Vol. 3: Obligatory Law: Textbook. 3rd ed. Moscow: Wolters Kluwer, 2005.
17. *Braginskii M. I., Vitrianskii V. V.* Contract Law. Book One: General Provisions. 3rd ed. Moscow: Statut, 2001.
18. *Krashennnikov E. A.* On Debt Forgiveness. *Economy and Law*. 2002. No. 10.
19. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of 5 March 2020 in case No. A53-14913/2019 (SPS "ConsultantPlus").
20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 June 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Some Provisions of Section I of Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").
21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 September 2015 No. 43 "On Some Issues Related to the Application of the Rules of the Civil Code of the Russian Federation on the Limitation Period" (SPS "ConsultantPlus").
22. *Erdelevskii A. M.* Forgiveness of a Debt and a Donation Agreement. *Russian Justice*. 2000. No. 3.
23. Information Letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 21 December 2005 No. 104 "Review of the Practice of Application by Arbitration Courts of the Norms of the Civil Code of the Russian Federation on Some Grounds for Termination of Obligations" (SPS "ConsultantPlus").
24. Decision of the Moscow Arbitration Court of 22 March 2018 in case No. A40-212445/2017 (SPS "ConsultantPlus").

ЛОГИКО-ЯЗЫКОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ ПРЕДМЕТА НЕПРАВОМЕРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИИ (ст. 274¹ УК РФ)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-118-124>

Настоящая статья посвящена проблеме правопонимания основных логико-языковых феноменов, входящих в предмет неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации и закрепленных в ст. 274¹ Уголовного кодекса РФ. Показана сложность юридико-технической конструкции ч. 1–3 уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность и наказание за неправомерное посягательство на важнейшие объекты информационной инфраструктуры страны. Отмечается, что комбинационность в рассматриваемой статье УК РФ характерна для конструкции ее первых трех частей, диспозиции которых имеют такие отличительные черты, которые позволяют сделать вывод о том, что ст. 274¹ УК РФ содержит три совершенно автономных друг от друга состава преступления, которые могут квалифицироваться отдельно как единичные преступления или по совокупности. Проведенный в рамках настоящей статьи анализ показал, что ч. 1–3 ст. 274¹ УК РФ практически полностью повторяют логико-языковые конструкции диспозиций ст. 272–274 УК РФ лишь с той разницей, что в ст. 274¹ УК РФ объективные и субъективные признаки «увязаны» с критической информационной инфраструктурой России. В статье отмечается, что логико-языковые феномены, сами выступая в качестве различных видов информации, не дают достаточного теоретического понимания определению «компьютерная информация» в критической информационной инфраструктуре. В частности, «компьютерная информация» как предмет преступления, предусмотренный ст. 274¹ УК РФ, нуждается в теоретическом обосновании своей материальной природы как вещи, материальной субстанции, которая является признаком предмета любого общественно опасного деяния. Предметом настоящего исследования являются законодательное определение и доктринальное обоснование «компьютерной информации» (и связанных с ним логико-языковых феноменов) как специфического предмета материального мира и, следовательно, предмета преступления, определяющего незаконное воздействие на общественные отношения в сфере критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Цель статьи состоит в выявлении проблемных аспектов технико-юридической архитектуры ст. 274¹ УК РФ и содержания понятия «компьютерная информация», аккумулирующей в своих значениях предмет состава неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру страны. В процессе работы над темой были использованы технико-юридический и логические методы, позволяющие объяснить и доказать правильность выбора законодателем специфической конструкции состава преступления, закрепленного в ст. 274¹ УК РФ. Применение диалектического, грамматического и технического методов позволили определить «материальную» суть «компьютерной информации» как вещи, которая в настоящее время обладает ценной, а также может покупаться и продаваться. Проведенное автором исследование позволило определить основные проблемы, связанные с конструкцией ст. 274¹ УК РФ и ее триединым содержанием, в целом отражающим неправомерность воздействия на критическую информационную инфраструктуру России в ч. 1–3 указанной уголовно-правовой нормы; изучить основные позиции теоретиков уголовного права о возможности рассматривать компьютерную информацию как предмет компьютерного преступления и сделать собственный вывод о специфической материальности компьютерной информации как вещи внешнего мира, аккумулирующей в своих значениях предмет состава неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру страны.

ПЫХТИН
Иван Геннадьевич

аспирант кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск)

abcqip@gmail.com

**Компьютерная информация;
критическая информационная
инфраструктура;
законодательная архитектура;
неправомерное воздействие;
защита информации;
обеспечение безопасности;
информационные технологии;
состав преступления;
предмет преступления**

Ivan G. PYKHTIN

Postgraduate Student, Department
of Criminal Law, South-West State
University (Kursk)
abcqip@gmail.com

LOGIC-LANGUAGE PHENOMENA OF THE SUBJECT OF INCORRECT IMPACT ON THE CRITICAL INFRASTRUCTURE OF RUSSIA (ARTICLE 274¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

**Computer information;
critical information
infrastructure;
legislative architecture;
unlawful influence;
information protection;
security; information technology;
corpus delicti;
subject of crime**

This article is devoted to the problem of legal understanding of the main logical-linguistic phenomena included in the architecture of the composition of the unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation and enshrined in Art. 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The complexity of the legal and technical design of parts 1–3 of the criminal law norm stipulating responsibility and punishment for unlawful encroachment on the most important objects of the country's information infrastructure, as well as those concepts of disposition that relate to the subject of the crime, is shown. It is noted that the combination in the article under review is also characteristic of the design of its first three parts, the dispositions of which have such distinctive features that allow us to conclude that Art. 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation contains three completely autonomous from each other corpus delicti, which can be qualified separately as single crimes or in aggregate. The analysis carried out within the framework of this article also showed that parts 1–3 of the Art. 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation almost completely repeat the logical-language constructions of the dispositions of Arts. 272–274 of the Criminal Code of the Russian Federation only with the difference that in Art. 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, objective and subjective attributes are "linked" to the critical information infrastructure of Russia. The article notes that logical-language phenomena, acting as various types of information themselves, do not provide a sufficient theoretical understanding of the definition of "computer information" in a critical information infrastructure. In particular, "computer information" as a subject of a crime under Art. 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation needs a theoretical justification of its material nature as a thing, material substance, which is a sign of the subject of any socially dangerous act. The subject of this study is the legislative definition and doctrinal justification of "computer information" as a specific subject of the material world and, consequently, the subject of a crime that determines the illegal impact on public relations in the field of critical information infrastructure of the Russian Federation. The purpose of the article is to identify the problematic aspects of the technical and legal architecture of Art. 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and the content of the concept of "computer information" accumulating in its meanings the subject of the composition of the unlawful impact on the critical information infrastructure of the country. In the process of working on the topic, technical, legal and logical methods were used to explain and prove the correctness of the legislator's choice of the specific design of the "cuticle" of the corpus delicti, as enshrined in Art. 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The use of dialectical, grammatical and technical methods of interpretation made it possible to define the "materialistic" essence of "computer information" as things that currently have a price and can also be bought and sold. A study conducted by the author, allowed to identify the main problems associated with the construction of Art. 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and its triune content, which generally reflects the unlawfulness of the impact on the critical information infrastructure of Russia in parts 1–3 of the desired criminal law norm, to study the main positions of theorists of criminal law on the possibility of considering computer information as a subject of computer crime and drawing its own conclusion about the specific materiality of computer information as a thing of the outside world accumulating in its meanings the subject of a composition of unlawful influence on the country's critical information infrastructure.

Уголовно-правовая защита наиболее значимых объектов информационной инфраструктуры России от общественно опасных посягательств осуществляется с помощью ст. 274¹ Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), предусматривающей ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру страны [1]. Данная норма состоит из пяти частей. Анализ диспозиций ч. 1–3 показывают, что они представлены различными, не похожими друг на друга составами преступлений бланкетного характера, предусматривающими меры уголовной репрессии за: создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ч. 1 ст. 274¹ УК РФ); неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре России (ч. 2 ст. 274¹ УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации (ч. 3 ст. 274¹ УК РФ). Иными словами, мы имеем дело с триединым составом преступления; каждый из образующих его составов может выступать и квалифицироваться отдельно либо они могут рассматриваться совокупно.

Квалифицированные составы анализируемой уголовно-правовой нормы представлены традиционными для российского уголовного законодательства квалифицирующими обстоятельствами: совершение преступных деяний группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения (ч. 4) и если они повлекли тяжкие последствия (ч. 5). Квалифицирующие признаки ст. 274¹ УК РФ, в свою очередь, являются средством дифференциации уголовной ответственности в системе преступлений в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ).

В целом же ст. 274¹ УК РФ определяется уголовно-правовая охрана критической информационной инфраструктуры в широком смысле, которая выражается в привлечении виновных лиц к уголовной ответственности и назначении им наказания за неправомерное воздействие на охраняемую компьютерную информацию, объекты информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления субъектов критической информационной инфраструктуры, а также на сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких особо значимых объектов.

Кроме того, установлено, что признаки состава неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации

(ст. 274¹ УК РФ) по своим характеристикам практически соответствует тем признакам, которые мы обнаруживаем в трех различных составах преступлений, предполагающих уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, – ст. 272–274 УК РФ. Особенностью ч. 1–3 ст. 274¹ УК РФ, отграничивающей их от вышеуказанных норм уголовного закона, является существенное различие в предмете преступления. В первом случае им будет являться компьютерная информация, содержащаяся в критической информационной инфраструктуре России, а во втором – компьютерная информация безотносительно к субъекту владения ею и места ее расположения. Таким образом, ст. 274¹ УК РФ по отношению к ст. 272–274 УК РФ рассматривается как специальная норма.

Большинство языковых объектов, содержащихся в описании той или иной формы неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру, являются оценочными, достаточно сложными для понимания и не отражают завершенности в определении всех признаков преступного деяния.

На бланкетный характер ч. 1–3 ст. 274¹ УК РФ указывает описание элементов составов преступления обобщающими признаками-понятиями, в первую очередь такими как «компьютерная информация», «критическая информационная инфраструктура», и понятиями, которые содержатся в нормативно-правовых актах, непосредственно регулирующих отношения в области защиты информации, информационных технологий и обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры [2; 3]. Иными словами, законодательное формулирование в ст. 274¹ УК РФ объектов критической информационной инфраструктуры достаточно объемное, и, кроме самой критической информационной инфраструктуры (которая состоит из значимых объектов инфраструктуры страны), уголовно-правовая норма перечисляет некий инженерно-технологический комплекс, включающий в себя средства защиты, хранилища информации, электрические сети и др., используемые для организации взаимодействия (и управления) значимых объектов [3]. Значимыми объектами информационной инфраструктуры становятся после их категорирования в зависимости от социальной, политической, экономической, оборонной, правоохранительной и иной важности для Российской Федерации.

Действующая редакция ст. 274¹ УК РФ не учитывает подобной категоризации значимых объектов, что представляется существенным упущением с точки зрения дифференциации уголовной ответственности.

Все вышеперечисленные логико-языковые феномены технической группы материальны и претендуют на роль предмета преступления в архитектуре

состава преступления, предусмотренного ст. 274¹ УК РФ. Поэтому вполне логично, что большинство ученых констатируют, что единообразного нормативно-правового и теоретического понимания предмета рассматриваемого преступного деяния и логико-языковых феноменов, составляющих правовую конструкцию ст. 274¹ УК РФ, на сегодняшний день не существует [4, с. 26; 5, с. 154; 6, с. 206]. По мнению исследователей проблем неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру, подобное обстоятельство не способствует пониманию законодательной мысли и правильной квалификации преступлений, связанных с общественно опасным воздействием на информационную инфраструктуру [7, с. 42–46].

На наш взгляд, использование бланкетных признаков в диспозиции ст. 274¹ УК РФ, в том числе подпадающих по формальным характеристикам под определение предмета преступления, создает коллизию и затрудняет возможности отграничения от смежных составов преступлений. Разрешение такой коллизии на начальном этапе применения анализируемой статьи УК РФ в части всего того, что связано с предметом преступления, нуждается в теоретических разъяснениях и толковании с последующим устранением выявленных недостатков законодательной техники при построении уголовно-правовой нормы.

«Компьютерная информация» как предмет преступления не совпадает с классическим понятием «предмета преступления» как материальной субстанции внешнего мира. Никакая иная его причастность и принадлежность к теории уголовного права не рассматривалась до тех пор, пока «информация» и ее виды не стали объектами общественных отношений и «предметом» преступных посягательств. Между тем в современном мире компьютерная информация, разноаспектная по своей сути, в известной мере является составной частью общества, государства и различных субъектов управления информационной инфраструктурой.

В дискуссиях по вопросам содержания и о вещественности компьютерной информации (как предмета преступления) ученые принципиально соглашались с тем, что у различных видов информации наличествует существенное сходство, например, между лексическими символами, фиксируемыми в текстах, и комбинациями двоичных цифр (0 и 1) в программах для ЭВМ, а также между последовательной работой над лексемами формального языка с его формальной грамматикой и разработкой компьютерных программ, основанных на комбинациях двоичных цифр (0 и 1), впоследствии выступающих в качестве «компьютерного языка» [8, с. 48; 9, с. 30]. В том и другом случае в итоге возникают структуры данных или сведений, удобных для последующей обработки (на-

пример, в виде синтаксического дерева или компьютерной информации).

Уголовно-правовое содержание компьютерной информации раскрывается в прим. 1 к ст. 272 УК РФ и касается всех норм главы о преступлениях в сфере компьютерной информации. В примечании определено, что указанный вид информации есть сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Такое определение согласовывается с общим легальным понятием «информация», не противоречит ему, одновременно уточняет формы ее представления, однако не перечисляет средства ее хранения, обработки и передачи, по сути оставляя перечень таких средств открытым [2]. Последнее, на наш взгляд, связано с тем, что средства хранения, обработки и передачи компьютерной информации формируются, совершенствуются и постоянно развиваются. Например, такому прогрессу могут быть подвержены средства блокирования, переформатирования, поиска или извлечения информации. Кроме того, их эволюция не исключает поступательные движения по отдельным векторным процессам и направлениям как научно-прикладного знания, так и унифицированного совершенствования.

Развернувшаяся в науке уголовного права дискуссия касательно материальности/нематериальности компьютерной информации, а также возможности либо невозможности считать ее предметом в составах преступлений в сфере компьютерной информации сводится к двум аспектам и, соответственно, к двум основным позициям специалистов. Первая позиция отражает мнение тех ученых, которые приводят свои аргументы в пользу того, что компьютерная информация, имея нематериальный характер, тем не менее может считаться предметом всех тех преступлений, которые закреплены в гл. 28 УК РФ (ст. 272–274¹) [10, с. 28]. Другой точки зрения придерживаются те ученые, которые полагают, что компьютерная информация и информация в любом ее проявлении не может быть предметом преступления в силу того, что она не материализована в качестве вещи, что считается безусловным условием общественно опасного деяния [11, с. 114].

Объективный анализ уголовного закона показывает, что виртуальный характер той или иной информации давно наличествует в нормах российского уголовного закона. В ряде составов преступления для квалификации имеет значение именно информация, содержание которой определяется какими-либо сведениями, определяющими конкретный состав преступления (например, клевета, нарушение неприкосновенности частной жизни, незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну). Однако и при том, и при другом подходе ученые столкнулись с про-

блемой признаков, которые в полной мере отражали бы определение (понятие) предмета преступления в сфере компьютерной информации. Исследователи, усматривающие материальную природу в предмете преступления в сфере компьютерной информации, исходят из того, что материальность компьютерной информации выражена в вариативной «двоичной цифре», в связи с чем, во-первых, правильнее было бы именовать предмет рассматриваемого преступления как «цифровая информация», а во-вторых, поскольку вариативный двоичный код компьютерной программы (0 и 1) в совокупности является не чем иным, как сосредоточением лексических данных, то материальный носитель программного обеспечения ЭВМ (на котором фиксируются информационные данные) будет считаться вещественной оболочкой информации, формой компьютерной информации, и таким образом последняя приобретает материальное, вещественное выражение [12, с. 40].

Соглашаясь в целом с материальной сущностью «компьютерной информации», мы хотели бы уточнить и обосновать некоторые аспекты указанных свойств-признаков компьютерной информации.

Первое. Мы исходим из того, что конструирование того или иного научного понятия должно основываться на определенной философской концепции (материалистическая, идеалистическая или дуалистическая либо иные нетрадиционные, но научно обоснованные взгляды). При рассмотрении сущности компьютерной информации полагаем, что речь идет о «виртуализированных сведениях», понимание которых одновременно «наполнено объективным и субъективным содержанием, зависящим от современных и последующих временных философских подходов, а также научно-технических преобразований» [13, с. 46]. Из сказанного следует, что понятие «компьютерная информация» должно наполняться не только материалистическим содержанием, но и идеалистическим (субъективным смыслом), подобным архитектуре понятия «состав преступления» (совокупность объективных и субъективных признаков).

Второе. Известно, что в термодинамическом смысле информация формально образуется в результате атомно-молекулярных, химико-физических процессов, происходящих в головном мозге человека (энтропией). Для того чтобы привести оба понятия к одной форме, информацию измеряют так же, как и энтропию, но только со знаком «минус». Следовательно, формально мы можем идентифицировать

информацию как специфическую физическую субстанцию (гипотетические частицы – «психоны» [14, с. 146]), которая применительно к нашим рассуждениям может быть предметом преступления.

Третье. Юридический анализ понятия «компьютерная информация» обнаруживает наличие тех признаков, которые относятся к основным признакам «вещи» (предмета), например: а) *ее полезности* (*a priori* или по умолчанию) и *принадлежности* компьютерной информации конкретному физическому либо юридическому лицу (субъекту); б) *востребованности, оборотоспособности*; в) *материальности* (компьютерная информация, как и любая вещь, имеет финансовую и материальную ценность). Иными словами, компьютерную информацию можно продать, купить, обменять, использовать для изменения материальных свойств того или иного предмета материального мира, извлекать из нее ценностные свойства и т.п.

Обозначенные проблемы логико-языковых феноменов, составляющих содержание гипотезы ст. 274¹ УК РФ, конечно, не могут претендовать на доскональный юридический анализ и всестороннее освещение проблемы правотворческих ошибок, допущенных законодателем в ходе юридико-технической работы над уголовно-правовой нормой, предусматривающей уголовную ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру России. Мы обращаем внимание лишь на некоторые из проблем, касающихся логико-языковых феноменов и предмета преступления в ст. 274¹ УК РФ. Вместе с тем должно быть очевидно, что практическая реализация защиты критической информационной инфраструктуры способна объективно снизить безопасность как компьютерной информации, так и охраняемого значимого объекта инфраструктуры, где информация служит целям эффективного управления функционированием объекта. Одновременно проблемы логико-языковых феноменов способны породить серьезные проблемы, например, с квалификацией преступлений.

Один из способов решения указанной проблемы видится в раскрытии содержания логико-языковых феноменов и связанных с ними оценочных понятий Верховным Судом РФ, который давал бы разъяснения и толкование технических терминов, перечня значимых объектов инфраструктуры и др. – всего того, что поможет правоприменителю правильно понимать смысл правового установления, закрепленного в ст. 274¹ УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4743.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 3 апреля 2020 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
3. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736.
4. Кучина Я. О. Квалификация преступлений, предусмотренных статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2019. № 2 (76).
5. Стяжкина С. А. Информация как объект уголовно-правовой охраны: понятие, признаки, виды // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 25. Вып. 2.
6. Нажимов М. Ш. Понятие и виды компьютерной информации как доказательства в криминальном процессе // Образование и наука в России и за рубежом. 2020. Т. 66. № 2.
7. Евдокимов К. Н. Вопросы уголовно-правовой квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации и его отграничения от смежных составов преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 2 (10).
8. Кагиров И. А., Леонтьева А. Б. Автоматический синтаксический анализ русских текстов на основе грамматики составляющих // Известия высших учебных заведений. Приборостроение. 2008. Т. 51. № 11.
9. Ромашов Р. А., Панченко В. Ю. О соотношении материального и виртуального в современной правовой реальности // Юридическая наука. 2017. № 1.
10. Ястребов Д. А. Международно-правовое сотрудничество государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации // Юридический мир. 2008. № 12.
11. Хилjuta В. В. Уголовная ответственность за хищения с использованием компьютерной техники // Журнал российского права. 2014 № 3.
12. Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020.
13. Новичков В. Е. Прогнозирование социально-правовых аспектов борьбы с преступностью (проблемы теории и практики) : монография. Курск : Курск. гос. техн. ун-т, 2004.
14. Кобозев Н. И. Исследования в области термодинамики процессов информации и мышления. М. : Изд-во МГУ, 1971.

References

1. Federal Law of 26 July 2017 No. 194-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law 'On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2017. No. 31 (part 1). Art. 4743.
2. Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ (as amended on 3 April 2020) "On Information, Information Technologies and the Protection of Information". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3448.
3. Federal Law of 26 July 2017 No. 187-FZ "On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2017. No. 31 (part 1). Art. 4736.
4. Kuchina Ia. O. Qualification of Crimes Provided for in Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Academic Law Journal*. 2019. No. 2 (76).
5. Stiazhkina S. A. Information as an Object of Criminal Law Protection: Concept, Features, Types. *Bulletin of Udmurt University*. 2015. No. 25. Iss. 2.
6. Nazhimov M. Sh. The Concept and Types of Computer Information as Evidence in the Criminal Process. *Education and Science in Russia and Abroad*. 2020. Vol. 66. No. 2.
7. Evdokimov K. N. Issues of Criminal Legal Qualification of Unlawful Access to Computer Information and its Delimitation from Related Offenses. *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation*. 2009. No. 2 (10).

8. *Kagirov I. A., Leontiev A. B.* Automatic Syntactic Analysis of Russian Texts Based on the Grammar of the Components. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Instrument Making*. 2008. Vol. 51. No. 11.

9. *Romashov R. A., Panchenko V. Iu.* On the Relationship of Material and Virtual in Modern Legal Reality. *Legal Science*. 2017. No. 1.

10. *Iastrebov D. A.* International Legal Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in the Fight Against Crimes in the Field of Computer Information. *Legal World*. 2008. No. 12.

11. *Khiliuta V. V.* Criminal Liability for Theft with the Use of Computer Technology. *Journal of Russian Law*. 2014. No. 3.

12. *Begishev I. R., Bikeev I. I.* Crimes in the Field of the Circulation of Digital Information. Kazan: Publishing House "Knowledge" of Kazan Innovation University, 2020.

13. *Novichkov V. E.* Prediction of Socio-Legal Aspects of the Fight Against Crime (Problems of Theory and Practice): Monograph. Kursk: Kursk State Technical University, 2004.

14. *Kobozev N. I.* Research in the Field of Thermodynamics of Information and Thinking Processes. Moscow: MSU Publishing House, 1971.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-125-129>

В статье рассматривается вопрос расширения предмета взяточничества, а также отличия взятки от «подарка». Актуальность работы обусловлена тем, что на сегодняшний день во всем мире прослеживается тенденция к видоизменению предмета взяточничества путем включения в него любых неправомερных преимуществ, в том числе и нематериального характера. Это порождает проблему отнесения к предмету данных преступлений неимущественных благ, криптовалюты, цифровых прав и многих других объектов. Предметом настоящего исследования выступает совокупность нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы противодействия коррупционным преступлениям, в частности положения, касающиеся предмета взяточничества, а также практика борьбы с этим опасным явлением. Целью исследования является изучение предмета взяточничества, его отличия от «подарка» и разработка предложений по совершенствованию российского антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики. Методологическую основу работы составляет комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания правовых явлений и процессов, в частности формально-логический, системно-структурный, сравнительно-исторический и некоторые другие методы. Статья содержит в себе анализ изменений законодательства, касающийся включения криптовалюты в состав предмета взяточничества, а также исследование в качестве предмета данных преступлений получения выгод неимущественного характера, услуг сексуального характера, цифровых прав и др. Кроме того, в статье проводится различие между взяткой и «подарком» и формулируется предложение об ужесточении законодательства в области противодействия коррупции и исключении статьи 575 из Гражданского кодекса Российской Федерации. На основе анализа практики и доктринальных точек зрения специалистов в области уголовного права авторами даны рекомендации по расширению предмета взяточничества и урегулированию спорных вопросов, касающихся отличия взятки от «подарков».

БЫКОВ
Сергей Александрович

студент 5-го курса юридического факультета Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Калуга)

serezha_bykov@inbox.ru

МАТОРИНА
Юлия Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Калуга)

yulyamatorina@yandex.ru

Антикоррупционная политика; коррупция; взяточничество; предмет взяточничества; получение взятки; дача взятки; криптовалюта; цифровые активы; блага неимущественного характера; сексуальные услуги; предметы, изъятые из оборота; аккаунты; фиктивные дипломы; подарки

Sergey A. BYKOV

Fifth-Year Student, Kaluga Institute (Branch) of Russian State University of Justice (Kaluga)

serezha_bykov@inbox.ru

Yulia N. MATORINA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Kaluga Institute (Branch) of Russian State University of Justice (Kaluga)

yulyamatorina@yandex.ru

**ON THE SUBJECT OF BRIBERY:
OLD PROBLEMS AND NEW SOLUTIONS**

The article discusses the issue of expanding the subject of bribery, as well as the difference between a bribe and a "gift". The relevance of the work is due to the fact for today there is a worldwide tendency to modify the subject of bribery by including any illegal advantages, including non-material ones. This gives rise to the problem of attributing non-property goods to the subject of these crimes, cryptocurrencies, digital rights, and many other objects. The subject of this research is a set of normative legal acts regulating the issues of countering corruption crimes, in particular, provisions concerning the subject of bribery, as well as the practice of combating this dangerous phenomenon. The purpose of the research is to study the subject of bribery, its differences from the "gift" and develop proposals for improving Russian anti-corruption legislation and law enforcement practice.

**Anticorruption policy;
corruption; bribery;
the subject of bribery;
taking a bribe;
giving a bribe;
bribery;
cryptocurrency;
digital asset;
non-material benefit;
sexual services;
items withdrawn from circulation;
accounts;
fictitious diplomas;
gifts**

The methodological basis of the work is the set of General scientific and private scientific methods of cognition of legal phenomena and processes, in particular, formal-logical, system-structural, and comparative-historical and some others. The article contains an analysis of changes related to the inclusion of cryptocurrency in the subject of bribery, as well as research into the subject of these crimes of obtaining non-property benefits, sexual services, digital rights, and other. Besides, the article examines the differences between a bribe and a "gift", on the basis of which the authors suggest the need to tighten legislation in the field of anticorruption and exclude the concept of "ordinary gift" from article 575 of the Civil Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the practice and the doctrinal points of view of experts in the field of criminal law, the authors give recommendations for expanding the subject of bribery and resolving disputes concerning the difference between bribes and "gifts".

В законодательстве Российской Федерации (далее – РФ) о противодействии коррупции есть множество спорных и нерешенных проблем, к которым следует отнести вопрос, связанный с правовой регламентацией предмета взяточничества, а также вопрос отличия взятки от подарка. Эта проблема является довольно дискуссионной и активно обсуждается в научном сообществе, причем ученые-юристы значительно расходятся во мнении об определении сущности и содержания предмета взяточничества, а также его места в общей структуре состава преступления. Так, согласно первой точке зрения предметом взятки может быть только вещь материального мира, поскольку привлечение лица за получение выгоды неимущественного характера подлежит квалификации по ст. 285 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), а отнесение к предмету взяточничества «вознаграждения», имеющего нематериальные свойства, приведет к необоснованному расширению круга общественно опасных деяний.

Более того, данная позиция поддерживается законодателем, который считает, что предметом взяточничества (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) является незаконное вознаграждение, передаваемое должностному лицу либо иностранному должностному лицу, равно как и должностному лицу международной организации лично или через посредника за совершение действия (бездействие) в интересах дающего. Причем, как указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – Постановление № 24), к незаконному вознаграждению следует относить деньги, ценные бумаги, иное имущество либо оказание услуг имущественного характера (безвозмездно или на льготных условиях), а также предоставление имущественных прав (когда у должностного лица возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, равно как и возможность требования от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств либо

получения дохода от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав).

Исходя из данных разъяснений Верховного Суда РФ предмет взяточничества не ограничивается традиционным понятием предмета преступного посягательства как вещи материального мира, на которую непосредственно воздействует преступник, но с учетом четкого указания законодателя на его материальную природу, полагаем, что им может быть любая незаконная безвозмездная выгода материального характера.

В то же время существует и другая (противоположная) точка зрения, согласно которой признание предметом взятки лишь материального блага существенно снижает общественную опасность взяточничества, что в свою очередь ведет к оставлению за пределами уголовной ответственности многих противоправных деяний, относящихся к данной категории [1, с. 241]. Тем более, расширение перечня и отнесение к предмету взяточничества «вознаграждений», имеющих как материальные, так и не материальные свойства, позволят привести российское законодательство в области противодействия коррупции к международным стандартам, что, в свою очередь, даст возможность криминализировать существенный сегмент коррупционных правонарушений, предусматривающих выгоду нематериального характера (неправомерное преимущество). Так, например, положительная характеристика и лестный отзыв от авторитетного гражданина могут помочь должностному лицу и повлечь для него выгодные последствия имущественного характера.

По нашему мнению, данная позиция является логичной и обоснованной, поскольку введение такого подхода позволит привлекать к уголовной ответственности лиц, предоставляющих услуги как материального, так и нематериального характера, а также лиц, их потребляющих.

Несмотря на данные теории и указание законодателя на сущность и содержание взятки, на сегодняшний день прослеживается тенденция к ее видоизменению из-за того, что субъекты данных преступлений сами пы-

таются придать ей законную форму и расширить указанный в разъяснении перечень. Так, в современном мире ввиду прогрессивного развития информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет появился новый предмет взяточничества, а именно криптовалюта (*Bitcoin, Ethereum, Monero* и др.).

К данному объекту гражданских прав в России отношение неоднозначное, поскольку законодателю до сих пор не ясна его правовая природа, и, как следствие, данное правоотношение не получило четкого законодательного регулирования в нормах гражданского, административного и уголовного права. Причем из-за того, что криптовалюта не была закреплена в ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ), а также в ст. 29 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», отнести ее к объектам гражданских правоотношений либо к валюте не представляется возможным. Однако, по мнению К. И. Бабиной и Г. В. Тарасенко, криптовалюту следует относить к категории «иное имущество», поскольку она обладает определенной экономической ценностью в силу возможности ее дальнейшей конвертации в денежные средства [2, с. 28]. Но существует и противоположная точка зрения, согласно которой «криптовалюту нельзя признавать иным имуществом, поскольку она не обладает оборотоспособностью и не обеспечена должной правовой регламентацией с установленными на законодательном уровне механизмами судебной защиты» [3, с. 22]. По нашему мнению, учитывая положения ст. 128 ГК РФ, на сегодняшний день нет препятствий для введения криптовалюты как нового объекта правоотношений, поскольку данная статья не содержит исчерпывающего перечня. Однако, учитывая то, что криптовалюта выполняет разные функции при ее применении, должно быть различным и правовое регулирование, которое будет зависеть от того, какую функцию она выполняет.

Следует сказать, что на сегодняшний день закрепление криптовалюты в виде денежных средств, ценных бумаг или услуг имущественного характера в России не представляется возможным, но с учетом изменений, внесенных в гражданское законодательство Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34 «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», криптовалюту можно отнести к имущественным правам. Данная позиция исходит из того, что эти изменения ввели в Кодекс ст. 141.1 «Цифровые права», а также дополнили ст. 128 ГК РФ и включили в перечень имущественных прав новое понятие – «цифровое право», которое, согласно ст. 141.1 ГК РФ, представляет собой обязательственные и другие права на цифровые активы. Вместе с этим для противодействия коррупционным преступлениям 24 декабря 2019 г. Верховным Судом РФ были внесены изменения

в Постановление № 24, в которых был также расширен перечень имущественных прав, позволяющий отнести криптовалюту к предмету взяточничества.

Кроме того, необходимо отметить, что для более полного закрепления данного объекта гражданских прав законодателем был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступивший в силу 1 января 2021 г. Он определяет место криптовалюты в системе средств платежа в РФ, а также устанавливает требования, предъявляемые к ней и правила ее обмена. Причем введение данного Закона, по нашему мнению, является довольно запоздалым, но, безусловно, важным в современном отечественном законодательстве, поскольку этот объект, несмотря на сложность и неоднозначность, обладает одним из важных признаков предмета взятки, а именно – он имеет оценочную стоимость (так, например, согласно данным за январь 2019 г. курс одной из криптовалют был следующим: 1 *Bitcoin* = 248 038 руб.).

Вышеуказанные положения позволяют сделать вывод, что криптовалюту на данный момент следует относить к предмету взяточничества, поскольку она, с одной стороны, выступает в качестве оплаты различных услуг, а с другой – попадает под категорию имущественных прав, а именно относится к цифровым активам граждан.

Помимо криптовалюты в современных реалиях «вознаграждением» также следует признавать персональные данные, информацию, игровые аккаунты с содержащимися на этих аккаунтах вещами и т.п. Полагаем, что данный вид имущества, как и криптовалюту, следует относить к имущественным, а именно цифровым, правам, поскольку по своей сути они также относятся к компьютерной (электронной) информации и обладают присущим для их владельцев правом владения, пользования и распоряжения.

Кроме того, в юридической литературе до сих пор не решен вопрос, о том, стоит ли относить к предметам взяточничества услуги сексуального характера. Так, по мнению некоторых авторов, данный вид услуг не может являться предметом рассматриваемых деяний, поскольку, независимо от легализации проституции в государстве, объективно она представляет собой услугу неимущественного характера. Более того, как отмечает в своих трудах Н. А. Лопашенко, «факт существования в нашем обществе проституции никто не отрицает, но едва ли возможно говорить о ней как о выгоде или услуге имущественного характера» [4, с. 109]. Причем представить данную услугу как услугу имущественного характера невозможно ввиду сложности проведения экспертной оценки стоимости сексуальных услуг конкретного лица (согласно Пос-

тановлению № 24 услуги имущественного характера, оказываемые в качестве взятки, должны получить обязательную денежную оценку). Вместе с тем существует и другая позиция, согласно которой ряд ученых, включая А. С. Горелика и Б. В. Волженкина, считают, что если сексуальная услуга была оказана заинтересованным лицом, то взятки (подкупа) нет, но если же подкупающий тратит свои денежные средства для удовлетворения интересов подкупаемого, то в данном случае взятка (подкуп) на лицо [5, с. 121]. Другими словами, квалификацию рассматриваемых деяний обосновывает принятие оплаченных подкупающим (взятодателем) «эскорт-услуг», о чем подкупаемое лицо (взятополучатель) осведомлено и выполняет в обмен за это те или иные действия (бездействует) в интересах подкупающего (взятодателя).

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что сексуальные услуги в принципе могут быть признаны предметом как получения взятки, так и дачи взятки, но только в том случае, если будет установлено и доказано их умышленное принятие и стоимостный характер.

Довольно интересным и не затронутым в Постановлении № 24 является и вопрос об отнесении к предмету взяточничества вещей, оборот которых ограничен, либо вещей, полностью изъятых из гражданского оборота (поддельные денежные средства, наркотические средства, психотропные вещества, оружие, боеприпасы и др.). Мы считаем, что в подобных ситуациях содеянное должно квалифицироваться по совокупности по ст. 290 либо 291 УК РФ и соответствующей статье УК РФ, предусматривающей сбыт или приобретение названных средств. Так, например, дача или получение взятки в виде драгоценных металлов должны квалифицироваться не только по ст. 290 или 291 УК РФ, но и – для обоих субъектов взяточничества – еще и по ст. 191 УК РФ. Однако данное правило работает не всегда. В случае если лицу передаются поддельные денежные средства, содеянное берущим их следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей статье о получении взятки. Содеянное дающим их следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ, поскольку поддельные денежные средства лишены экономического свойства, присущего деньгам, поэтому в юридическом смысле они не являются таковыми. Следовательно, они не могут считаться предметом взятки. Лицо же, передающее такое вознаграждение, пытается обманным путем получить выгоду.

Помимо этого, в российском научном сообществе активно обсуждается вопрос о признании предметом рассматриваемых деяний фиктивных дипломов, аттестатов, удостоверений, сертификатов, трудовых книжек и других документов. Так, по справедливому мнению Н. А. Лопашенко, «взяточничество предполагает непосредственное получение имущественной выгоды взятополучателем, и именно от предмета

преступления – взятки» [4, 107]. Поэтому получение с помощью указанных документов выгодной для должностного лица работы как предпосылки для извлечения в дальнейшем материальных выгод незаконного характера не является признаком рассматриваемых деяний. При этом в литературе существует прямо противоположное мнение, согласно которому вышеуказанные документы не представляют материальной ценности (либо могут иметь ценность только для взятополучателя), но являются предметом взятки в случае их дальнейшего использования.

На наш взгляд, данные объекты нельзя признавать в качестве предмета взятки, поскольку, как уже было сказано, незаконное вознаграждение, предоставляемое должностному лицу должно всегда подлежать денежной оценке, а в данных случаях это попросту не представляется возможным.

В отечественной науке также активно обсуждается вопрос, касающийся отграничения «подарка» от «взятки». Так, согласно ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и ст. 14 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе Российской Федерации» государственным и муниципальным служащим запрещено получать в связи с исполнением ими должностных обязанностей вознаграждений от физических или юридических лиц. Но из этого запрета существует исключение, а именно: в ст. 575 ГК РФ указано, что служащим разрешается принятие обычных подарков в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей на сумму, не превышающую 3000 (трех тысяч) рублей. Причем, как считал Ю. И. Ляпунов, указанное положение необходимо учитывать при решении вопроса о верхнем пределе размера материального вознаграждения должностного лица, превышение которого должно подпадать под уголовную ответственность и квалифицироваться по ст. 290 либо 291 УК РФ. Однако в случае, если данный «подарок» был менее указанной суммы, но передавался под воздействием вымогательства со стороны должностного лица, содеянное должно квалифицироваться по п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ [6, с. 630–631]. Развивая эту мысль, А. О. Безверхов указывает, что помимо стоимостного характера отличительной особенностью «подарка» от взятки является его безвозмездная передача, которая, как правило, производится открыто [7, с. 29]. В данном случае, по мнению Е. В. Фоменко, «определяющим фактором для признания должностного лица виновным в преступлении, предусмотренном ст. 290 УК РФ, является содержание именно интеллектуального и волевого момента его умысла, а не умысла взятодателя». Причем в случае, если лицо передает имущественное благо должностному лицу, расценивая свои действия как возвращение долга либо другую возмездную услугу, а должност-

ное лицо воспринимает передаваемое имущество как взятку, то данные действия следует квалифицировать как покушение на получение взятки, тогда как в действиях передающего лица состав преступления будет отсутствовать [8, с. 76].

Мы считаем, что «подарок», не влекущий никакой ответственности как для государственного (муниципального) служащего, так и для его вручившего отличается от взятки не только относительно небольшим размером, но и целью, с какой данное «вознаграждение» передавалось. Однако законодательное закрепление стоимостных критериев, ограничивающих «подарок» от «взятки», недопустимо, поскольку это будет способствовать еще большей коррумпированности среди чиновничьего аппарата и создаст еще большие трудности в правоприменительной деятельности [9, с. 62]. Поэтому предполагается, что для противодействия коррупции в современных реалиях следует ужесточить антикоррупционную политику и исключить из ГК РФ ст. 575. Причем в случае, если

суммы при получении или даче взятки были незначительны, следует применять положения УК РФ о малозначительности деяния.

Подводя итог всему вышесказанному, следует сделать вывод, что в современных реалиях расширение предмета взяточничества и закрепление в законе цифровых прав, предметов, изъятых из оборота, а также услуг неимущественного и сексуального характера как предмета взяточничества являются довольно обоснованными и логичными, поскольку с развитием общественных отношений ряд «вознаграждений» остается вне правового поля и широко используется в противоправных целях. Однако данное расширение также усложняет задачу правоприменителю в области отличия «подарка» от «взятки», поскольку установить стоимостный характер некоторых «вознаграждений» довольно тяжело. Несмотря на это, мы считаем, что указанное нами предложение должно решить эту проблему и обеспечить соблюдение антикоррупционного законодательства на всех уровнях.

Пристатейный библиографический список

1. Квициния А. К. Проблемы ответственности за должностные преступления : дис. ... докт. юрид. наук. Сухуми, 1990.
2. Бабина К. И., Тарасенко Г. В. Проблемы правового регулирования криптовалюты в российском законодательстве // Право и экономика. 2018. № 18.
3. Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как предмет хищения : проблемы квалификации // Мировой судья. 2018. № 6.
4. Лопашенко Н. А. Взятничество : проблемы квалификации // Правоведение. 2001. № 6.
5. Качалов В. В. Сексуальные услуги как предмет взятки // Известия ТулГУ. 2016. № 4 (2).
6. Уголовное право. Особенная часть : / под ред. Н. И. Ветрова и Ю. И. Ляпунова. М. : Проспект, 1998.
7. Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации коррупционных преступлений // Уголовное право. 2013. № 5.
8. Фоменко Е. В. Юридический анализ признаков субъективной стороны состава преступления, связанного с подкупом, в контексте необходимости правильной квалификации наиболее опасных преступлений коррупционной направленности // Правовая культура. 2019. № 2 (37).
9. Изосимов С. В. Предмет взяточничества : проблемы определения содержания // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4.

References

1. Kvitsinia A. K. Problems of Responsibility for Official Crimes: Thesis for a Doctoral Degree in Law Sciences. Sukhumi, 1990.
2. Babina K. I., Tarasenko G. V. Problems of Legal Regulation of Cryptocurrency in Russian Legislation. *Law and Economics*. 2018. No. 18.
3. Sidorenko E. L. Cryptocurrency as a Subject of Theft: Problems of Qualification. *Justice of the Peace*. 2018. No. 6.
4. Lopashenko N. A. Bribery: Problems of Qualification. *Jurisprudence*. 2001. No. 6.
5. Kachalov V. V. Sexual Services as a Subject of a Bribe. *News of TULSU*. 2016. No. 4 (2).
6. Vetrov N. I., Liapunov Iu. I. (eds.). Criminal Law. The Special Part: Textbook. Moscow: Prospekt, 1998.
7. Bezverkhov A. On Some Issues of Qualification of Corruption Crimes. *Criminal Law*. 2013. No. 5.
8. Fomenko E. V. Legal Analysis of the Subjective Side Features of Bribery Crimes' Corpus Delicti in the Context of Necessity of Correct Qualification of the Most Dangerous Corruption Crimes. *Legal Culture*. 2019. No. 2 (37).
9. Izosimov S. V. The Subject of Bribery: Problems of Determining the Content. *Actual Problems of Economics and Law*. 2010. No. 4.

**РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ
«ДРАМА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА:
КАДРОВЫЕ СЛУЖАЩИЕ, СЕКРЕТНЫЕ АГЕНТЫ,
АРХИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА» (в 3 ч. / авт.-сост. В. В. Романов,
Г. В. Романова. Ульяновск: УлГУ, 2018–2019)**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-1-130-133>

В рецензии дается оценка сборнику документов, посвященному малоисследованной проблеме дальнейшей судьбы служащих Отдельного корпуса жандармов в годы советской власти: офицеров, нижних чинов – вахмистров и унтер-офицеров, вольнонаемных филеров, чиновников МВД, секретных агентов, а также лиц, оказывавших содействие политической полиции Российской империи. В сборник вошел репрезентативный круг документов, отражающих важнейшие аспекты политики Советского государства в отношении бывших служащих в органах политической полиции, а также членов их семей. Среди опубликованных источников следует выделить нормативные правовые акты, воспоминания, публикации в периодической печати, материалы судопроизводства и предварительного следствия, документы, посвященные организации учета и контроля за бывшими служащими политической полиции, а также широкий круг иных источников, связанных с судьбой бывших полицейских чинов, их реабилитацией и хранением соответствующих архивных материалов. Сборник состоит из трех частей: первая часть содержит документы периода революции и Гражданской войны; вторая – материалы, относящиеся к 20–30 гг. XX в.; третья – документы, относящиеся к периоду с начала Великой Отечественной войны и до 2002 г. Большинство представленных в сборнике архивных документов публикуется впервые, а их основная масса была выявлена в фондах Государственного архива Ульяновской области и в ведомственном архиве Управления ФСБ по Ульяновской области. Корпус приведенных документов позволяет получить детальное представление о самых различных сторонах советской политики по данной проблеме и проследить ее эволюцию. Обширное введение сборника фактически носит характер монографического исследования. Его положения и выводы имеют весомое научное значение. Авторы рецензии приходят к выводу о несомненной научной значимости документов, опубликованных в сборнике.

**БАБЕНКО
Василий Николаевич**

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)
vasbabenko@mail.ru

**АВЕРИН
Михаил Борисович**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)
kafedra_teorii@list.ru

**Политическая полиция
Российской империи;
Отдельный корпус жандармов;
служащие политической
полиции Российской империи;
политические репрессии;
документы по истории
политической полиции**

Vasily N. BABENKO

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department
of Theory, History of State and Law
and Philosophy, All-Russian State
University of Justice (Moscow)
vasbabenko@mail.ru

**REVIEW OF THE COLLECTION OF DOCUMENTS
“THE DRAMA OF DOMESTIC POLITICAL INVESTIGATION:
PERSONNEL OFFICERS, SECRET AGENTS, ARCHIVES
OF THE POLITICAL POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE AND
THE INTERNAL POLICY OF THE SOVIET STATE”
(in 3 parts; author-comp. V. V. Romanov, G. V. Romanova.
Ulyanovsk: UISU, 2018–2019)**

Mikhail B. AVERIN

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Theory, History of State and Law
and Philosophy, All-Russian State
University of Justice (Moscow)
kafedra_teorii@list.ru

**Political police
of the Russian empire;
separate Corps of gendarmes;
employees of the political police
of the Russian empire;
political repression;
documents on the history of the
political police**

The review evaluates the collection of documents devoted to the little-studied problem of the future fate of employees of a Separate corps of gendarmes during the Soviet era: officers, lower ranks-vakhmistrov and non-commissioned officers, freelance agents, officials of the Ministry of internal Affairs, secret agents, as well as persons who assisted the political police of the Russian Empire. The collection includes a representative range of documents reflecting the most important aspects of the policy of the soviet state in relation to former employees in the political police, as well as members of their families. Among the published sources, it is necessary to highlight normative legal acts, memoirs, publications in the periodical press, materials of judicial proceedings and preliminary investigation, documents on the organization of accounting and control over former employees of the political police, as well as a wide range of other sources related to the fate of former police officers, their rehabilitation and storage of relevant archival materials. The collection consists of three parts: the first part contains documents from the period of the revolution and the Civil War; the second – materials relating to the 20–30 years of the 20th century; the third – documents relating to the period from the beginning of the Great Patriotic War to 2002. Majority of archival documents presented in the collection are published for the first time, and their bulk was identified in the funds of the State Archive of the Ulyanovsk region and in the departmental archive of the FSB Department for the Ulyanovsk region. The corpus of these documents allows us to get a detailed idea of the most diverse aspects of soviet policy on this issue and to trace its evolution. The extensive introduction of the collection actually has the character of a monographic study. Its provisions and conclusions have significant scientific significance. The authors of the review come to the conclusion about the undoubted scientific significance of the documents published in the collection.

История политической полиции Российской империи вызывала и продолжает вызывать повышенный интерес со стороны отечественных и зарубежных исследователей, всех лиц, интересующихся отечественной историей. Однако важный аспект данной проблемы продолжает оставаться малоисследованным. Речь идет об изучении того, как сложилась дальнейшая судьба служащих Отдельного корпуса жандармов и полиции в годы советской власти: офицеров, нижних чинов – вахмистров и унтер-офицеров, вольнонаемных филеров, чиновников МВД, секретных агентов и лиц, оказывавших содействие политической полиции Российской империи и членов семей вышеуказанных лиц.

Как справедливо отмечают авторы-составители сборника, судьба бывших служащих политической полиции, «а также материальных ценностей данного ведомства (главным образом архивов и библиотек) в годы советской власти в отечественной исторической науке никогда не выступала предметом специальных исследований» [1, с. 12]. Положение стало меняться в лучшую сторону лишь в постсоветский период. Но ограниченная источниковая база исследований по данному направлению и существующая идеологическая борьба остаются препятствиями для глубокого и всестороннего исследования проблемы. Материалы сборника документов способствуют пре-

одолению вышеуказанных препятствий; они позволяют ответить на «вопросы «стоимости наследия», от которого необоснованно «отказалась» новая социалистическая власть», а также дать оценку «реальной социальной опасности различных слоев «бывших», воздействия негативных последствий проводимой внутренней политики на различные стороны развития отечественного общества (в том числе на политическую и правовую культуру, криминогенную ситуацию в стране и др.)» [1, с. 14].

Положения и выводы, изложенные во введении сборника, имеют весомое научное значение. Заметный интерес представляет вывод о том, что советскую власть всегда в большей степени интересовали офицеры полиции и секретные агенты, а полицейские нижние чины не привлекали столь пристального внимания властей. В 20-е гг. XX в. началось привлечение к уголовной ответственности полицейских агентов-«штучников» (получавшими разовое материальное вознаграждение) и лиц, доносивших на участников революционного движения по различным мотивам. Советские правоохранительные органы, делают выводы составители, превращали данных лиц в «секретных агентов», а последние нередко представлялись в качестве «provokatorov».

Авторы отмечают и другую тенденцию, которая заключается в том, что в революционные годы и пе-

риод нэпа советские суды и следственные органы зачастую отказывались от необоснованных обвинений бывших служащих полиции, отменяли соответствующие приговоры, а приговоры и решения по таким делам были относительно мягкими. Положение в данной сфере кардинально изменилось в худшую сторону лишь в 30-е гг.

В сборнике опубликованы документы – нормативные правовые акты, воспоминания, публикации в периодической печати, материалы судопроизводства и предварительного следствия, документы, посвященные организации учета и контроля за бывшими служащими политической полиции, а также широкий круг иных источников и материалов делопроизводства различных государственных учреждений. В него, в частности, включены материалы оперативно-следственной части ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД, прокуратуры и судов, связанных с судьбой бывших полицейских чинов, их реабилитацией и хранением соответствующих архивных материалов. Сборник документов содержит 328 источников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Их основная масса была выявлена в фондах Государственного архива Ульяновской области и в ведомственном архиве Управления ФСБ по Ульяновской области, некоторая часть в фондах Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, краеведческого музея г. Боровска Калужской области и ведомственного архива Управления ФСБ по Калужской области. Кроме того, в сборник включены фотографии, плакаты, титульные листы изданий, обложек журналов, копии документов. Особый интерес вызывают плакаты как формы соответствующей пропаганды и агитации.

Отдельной похвалы заслуживает кропотливая работа составителей сборника по подготовке к печати рукописной части документов с учетом их плохой сохранности, особенностей каллиграфии, использования оборотов разговорной речи, плохого знания или несоблюдения правил орфографии русского языка.

Структурно сборник состоит из трех частей. Первая часть содержит документы периода революции

и Гражданской войны. Здесь заслуживают самого пристального внимания документы, относящиеся к делу провокатора Евгения Федорова, включающие в себя материалы предварительного следствия и протоколы заседания Симбирского революционного трибунала [1, с. 51–66, 80–86], а также источники, отражающие мероприятия советской власти по регистрации бывших чинов дореволюционной полиции.

Во вторую часть сборника включены материалы, относящиеся к 20–30 гг. XX в. Авторы-составители отмечают, что доступ к документам по данной тематике «уже во второй половине 20-х гг. был крайне ограничен, сюда допускались лишь проверенные члены партии, работники Истпарта, ОГПУ, судебной системы», кроме того «был издан циркуляр о запрете публикаций в печати любых сведений о составе и деятельности секретной агентуры» [2, с. 27].

Третья часть сборника, посвященная периоду с начала Великой Отечественной войны и до 2002 г., в значительной мере отражает проблемы хранения материалов (осуществление доступа к ним), касающихся истории политической полиции, а также процесс реабилитации репрессированных бывших чинов политической полиции Российской империи. Как отмечают авторы, «с началом Великой Отечественной войны внимание Советского государства к данной категории граждан медленно, но неуклонно сокращается» [3, с. 15].

Материалы сборника представляют значительный интерес для исследователей, аспирантов, студентов, а также широкого круга лиц, интересующихся отечественной историей и историей государства и права России.

Авторы рецензии приходят к выводу о несомненной научной значимости документов, опубликованных в сборнике, а сама публикация, вне всяких сомнений, является важной вехой в изучении вопроса реализации политики советской власти в отношении бывших служащих политической полиции Российской империи.

Пристатейный библиографический список

1. Романов В. В., Романова Г. В. Драма отечественного политического сыска: кадровые служащие, секретные агенты, архивы политической полиции Российской империи и внутренняя политика Советского государства : в 3 ч. Ч. I : В жерновах революции и Гражданской войны. Ульяновск: УлГУ, 2018;
2. Романов В. В., Романова Г. В. Драма отечественного политического сыска: кадровые служащие, секретные агенты, архивы политической полиции Российской империи и внутренняя политика Советского государства : в 3 ч. Ч. II : Период создания основ социалистического общества. Ульяновск: УлГУ, 2019.
3. Романов В. В., Романова Г. В. Драма отечественного политического сыска: кадровые служащие, секретные агенты, архивы политической полиции Российской империи и внутренняя политика Советского государства : в 3 ч. Ч. III : От Великой войны до великой реабилитации. Кадры уходят – архивы остаются. Ульяновск: УлГУ, 2019.

References

1. *Romanov V. V., Romanova G. V. Drama of Domestic Political Investigation: Personnel Officers, Secret Agents, Archives of the Political Police of the Russian Empire and the Internal Policy of the Soviet State. In 3 parts. Part 1: In the Millstones of the Revolution and Civil War. Ulyanovsk: UISU, 2018.*

2. *Romanov V. V., Romanova G. V. Drama of Domestic Political Investigation: Personnel Officers, Secret Agents, Archives of the Political Police of the Russian Empire and the Internal Policy of the Soviet State. In 3 parts. Part 2: The Period of Creation of the Foundations of Socialist Society. Ulyanovsk: UISU, 2019.*

3. *Romanov V. V., Romanova G. V. Drama of Domestic Political Investigation: Personnel Officers, Secret Agents, Archives of the Political Police of the Russian Empire and the Internal Policy of the Soviet State. In 3 parts. Part 3: From the Great War to the Great Rehabilitation. Cadres Leave – Archives Remain. Ulyanovsk: UISU, 2019.*

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

ВАДА – Всемирное антидопинговое агентство

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАИ – Госавтоинспекция

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

МВД – Министерство внутренних дел

МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минфин России – Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России – Министерство юстиции Российской Федерации

млн – миллион (-ы)

МЧС России – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО – Организация Североатлантического договора

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

ОВД – органы внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

п. – пункт (-ы)

Рособрнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Роспотребнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СЗ – Собрание законодательства

СНК – Совет народных комиссаров

ст. – статья (-и)

СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

США – Соединенные Штаты Америки

УИС – уголовно-исполнительная система

ч. – часть (-и)

ЮАР – Южно-Африканская Республика

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования. Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- объем – не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного приставного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянцевать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- приставный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: <http://journal.rpa-mu.ru>.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 1 / 2021

Редактор: *О.В. Виноградова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 15.04.2021. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 17.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.
Заказ №

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 6025.
E-mail: journal@rpa-mjust.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
119330, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Раменки,
Мичуринский пр., дом 6, корп. 1, кв. 39
Тел.: +7 (495) 649-18-06
E-mail: o.leporskiy@ds-publishing.ru

Типография:
АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5.
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32.
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

ISSN 2072-9936

9 772072 993603